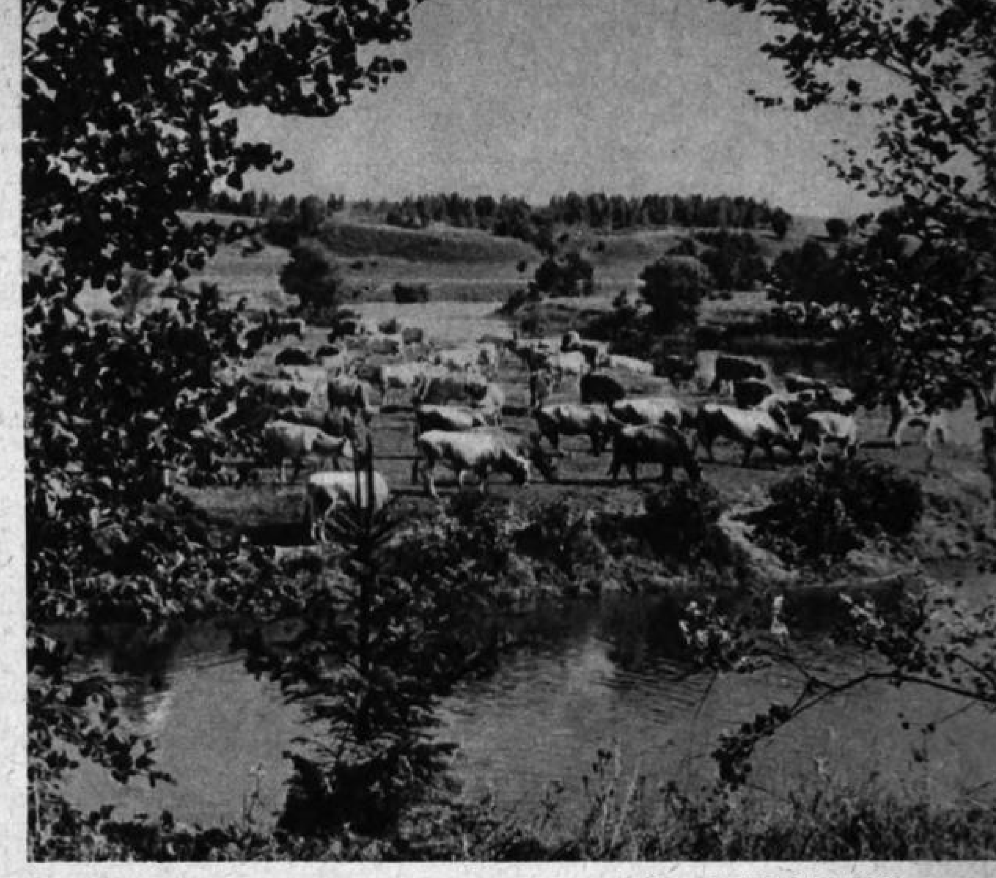

БОЛЬШОЙ МИР МАЛЕНЬКИХ • Сергей Михалков. ДЕТИ И БУДУЩЕЕ РАСТУТ ВМЕСТЕ • Олесь Гончар. ЯПОНСКИЕ ЗАРИСОВКИ • Рассказ Велты Спаре: СИНЯЯ РОЗА
ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Лидия Абакумова — бетонщица. Фото М. АЛЬПЕРТА.

Из серии «Братская ГЭС».

На колхозных просторах. Фото И. КРАСУЦКОГО.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 22 (1771)

28 МАЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

РОМАНТИКА НАШИХ ДНЕЙ

О замечательных делах советских людей, романтике трудовых подвигов рассказывает вторая Всесоюзная выставка художественной фотографии «Семилетка в действии».

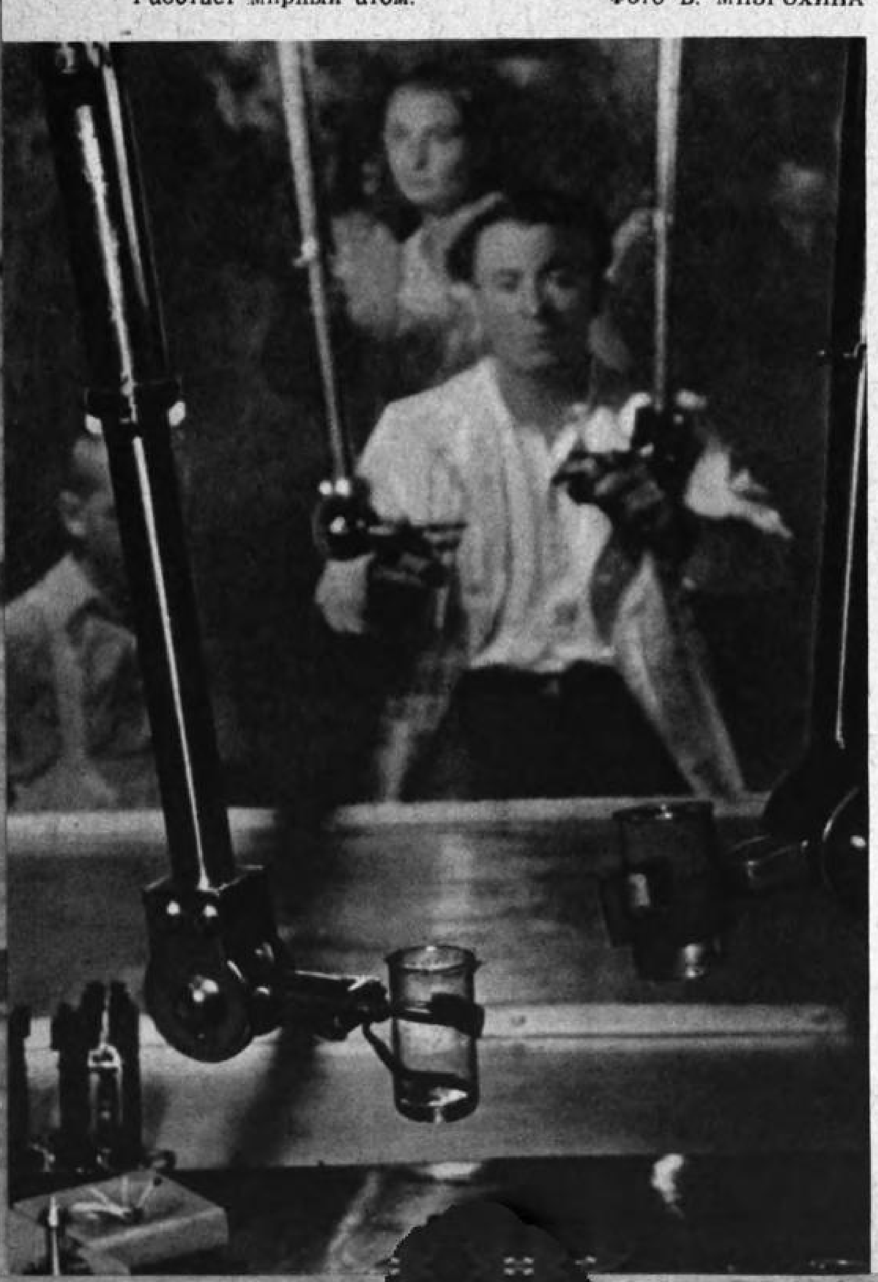
Выставку эту по праву можно назвать художественной фотолетописью наших дней. Вот несколько событий, взятых наугад, отображенных мастерами фото: в минувшем году вступила в строй Казахстанская Магнитка, пошла липецкая сталь, зажглись огни Газли... Серию фотографий о строительстве Братской ГЭС посетители воспринимают как повесть об упорстве и мужестве молодежи.

Выставка радует не только своим тематическим богатством, но и большим мастерством ее участников.

Из Москвы выставка отправится путешествовать по Союзу. Ее увидят и за рубежом — в ряде стран народной демократии, а также на Кубе и в Италии.

Ю. ПРИГОЖИН

Работает мирный атом. Фото Б. МИЗРОХИНА

Они не торопятся. Фото С. РОЗЕНФЕЛЬДА.

В президиуме III Всесоюзного съезда советских архитекторов.

Фото С. Раскина.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ФОРУМ

III Всесоюзный съезд архитекторов — высший архитектурный форум — закончил свою работу.

Решено строить красиво, удобно, дешево. Кажется, все так ясно и просто. Что же беспокоит архитекторов, какие вопросы они поднимают, о чем так взволнованно говорят с трибуны съезда?

Пять лет прошло со II съезда. Время грандиозного, в полном смысле слова небывалого размаха строительства.

Вот цифры: в городах и рабочих поселках только с начала семилетки построено жилых домов общей площадью более 165 миллионов квадратных метров — это примерно весь городской жилой фонд дореволюционной России. Свыше 1 миллиона 400 тысяч жилых домов построено колхозниками и сельской интеллигенцией. Но никакие цифры не смогут произвести большее впечатление, чем то, что мы видим сами ежедневно, ежечасно,— стройка идет повсюду.

Изменился архитектурный облик зданий, кварталов городов. Советские зодчие находят язык современный, правдивый, свободный от той архаичности, жертвой которой была наша архитектура в предыдущие годы.

Но, как в каждой большой работе, возникают проблемы, видны ошибки, появляются вопросы.

Как определить границу между простым и упрощенным, между дешевым и бедным, между красивым и приукрашенным? Ведь нельзя создать на все случаи жизни формулы. И архитекторы, поднимаясь на трибуну съезда, выступали против тех, кому мила декоративная пышность здания, и тех, кто, прикрываясь экономичностью, проектирует здания-коробки, отказывается от свободного планирования в градостроительстве.

Еще бывает, что мы говорим архитектору, строителю — спасибо, когда они того и не очень заслужили. Объясняется это просто — туго с жильем. А не за горами время — войдет в наши с вами квартиры человек коммунистического общества. Он не отнесется так снисходительно к тем, кто возводил дома и города. У него будет отличный вкус, и он будет очень требователен.

Дело в том, что основа городов коммунизма закладывается сейчас — в ближайшие восемь-девять лет. За это время жилищный голод пройдет и масштабы строительства сократятся.

Зодчие, обгоняя время, сейчас должны приступать к созданию того идеального города, который не стыдно будет передать в наследство нашим потомкам.

У архитекторов есть серьезные упреки к строителям. Иной раз автор зайдет в дом и не узнает своего детища, так его перекроили—где выступ лишний, где выемка, где интерьер испортили несусветными обоями, а то и вместо современных материалов по старинке кладут кирпич. В век совершенной техники, когда архитекторы проектируют современные конструкции, основываясь на существующей мощной строительной индустрии, фрамуга в школе открывается веревкой, а примитивная скобянка — из XIX века... Мелочи? Но все это наш быт, и здесь нет мелочей

Поэтому А. В. Власов, говоря в отчетном докладе о больших творческих проблемах архитектуры, сказал и о шелковых абажурах, о грубой арматуре, о плюше и бархате на окнах и дверях клубов, гостиниц, кинотеатров, которые так не соответствуют современному облику зданий, так не укладываются в понятия современной эстетики.

В перерыве между заседаниями разговаривали инженер-строитель и архитектор.

— Вы много говорите о типовых проектах и предлагаете их нам, но у вас нет единой системы типизации строительных материалов. Строительная промышленность создает тысячи элементов. Вот видите — люстра? — обратился ко мне инженер-строитель, показывая на прекрасную люстру кремлевского зала. — А в основе ее лежит патрон, единый на весь мир, все остальное зависит от фантазии. Вот такой «патрон» необходим архитекторам; надо свести к минимуму элементы для сборки домов, — это, бесспорно, ускорит и удешевит строительство и не ухудшит архитектуру.

Трудно не согласиться.

«...Перестройка в архитектуре,— сказал Н. С. Хрущев,— еще не закончена. Многие неправильно понимают задачу перестройки и рассматривают ее только как сокращение архитектурных излишеств. Дело в принципиальном изменении направленности архитектуры, и это дело надо довести до конца».

Н. СВЕТЛОВА

← С отчетным докладом правления Союза архитекторов СССР выступает А. В. Власов.

→ На выставке проектов в одном из залов Большого Кремлевского дворца.

Фото Д. Ухтомского.

Copyrighted material

Британия в Сокольниках

Около трех миллионов англичан смотрели по телевидению торжественную церемонию открытия в Москве Британской торгово-промышленной выставки, на которой присутствовали Н. Г. Игнатов, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Н. А. Мухитдинов, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, В. В. Гришин.

Сложные электронные приборы, ткани, станки, машины, продукцию химической промышленности — все это можно увидеть в павильонах и на открытых площадках в Сокольниках.

В июле этого года в Лондоне должна открыться советская торгово-промышленная выставка.

На снимке: руководители Коммунистической партии и Советского правительства осматривают экспонаты Британской торгово-промышленной выставки.

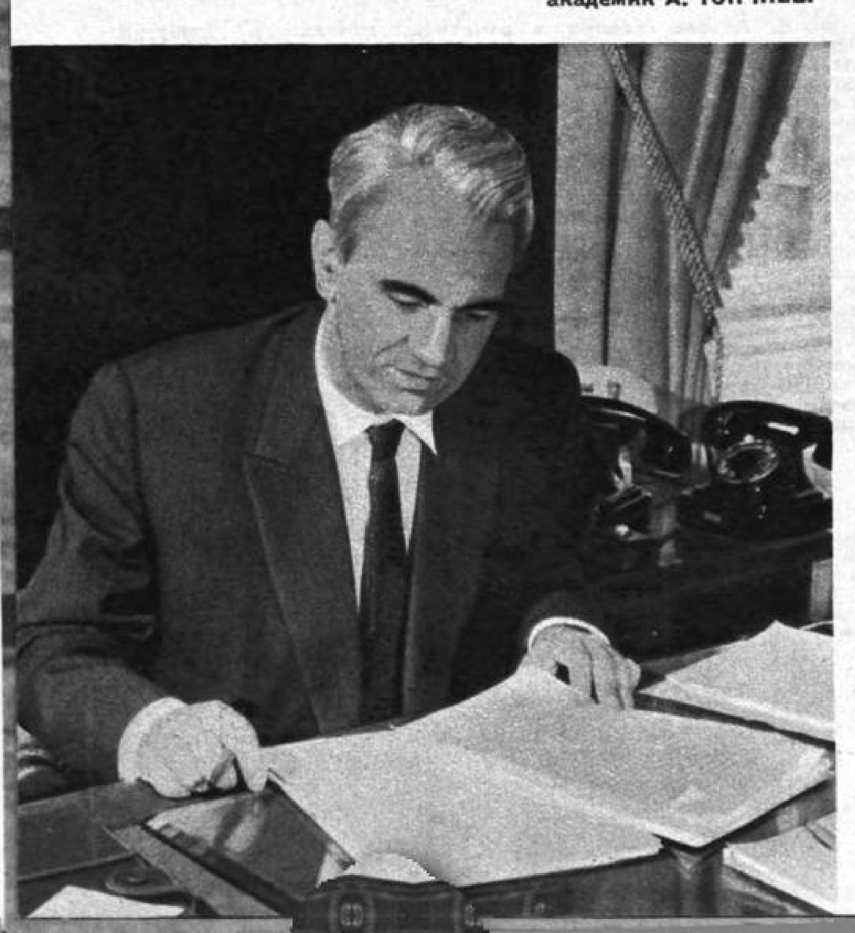
Фото М. Трахмана.

Новый президент

Избрание на пост Президента Академии наук СССР Мстислава Всеволодовича Келдыша, выдающегося ученого в области математики и механики, как нельзя лучше подчеркивает значение этих наук именно сейчас, когда немыслимо себе представить ни одно исследование, которое бы не основывалось на точнейших математических расчетах.

Широкую научную эрудицию Мстислав Всеволодович весьма удачно сочетает с большим талантом организатора науки. Основными качествами академика М. В. Келдыша как ученого являются его умение делать широкие научные, научно-теоретические обобщения, новаторство в науке и связь с практическими нуждами промышленности, создание обширной научной школы и воспитание молодых научных кадров, беззаветное служение народу, глубокая принципиальность и твердость, соединенные с отзывчивостью и исключительной внимательностью к людям.

Вице-президент Академии наук СССР
академик А. ТОПЧИЕВ.

ВЕНА ОЖИДАЕТ, ГОРДИТСЯ

Вена ждет большого и важного события. Пройдет немного времени, и в австрийскую столицу прибудут главы двух крупнейших держав мира, чтобы установить здесь личное знакомство и обменяться мнениями.

Одного из своих будущих гостей Вена знает хорошо. Меньше года прошло после государственного визита Н. С. Хрущева в Австрию. Жители Вены успели тогда хорошо узнать и полюбить его как человека, глубоко озабоченного судьбами мира.

Второй участник венской встречи приедет в австрийскую столицу впервые. Это президент Соединенных Штатов Джон Кеннеди. О нем в последнее время много писали австрийские газеты, выражая надежды на изменение курса политики новым правительством США.

Предстоящая встреча двух выдающихся государственных деятелей всколыхнула столицу Австрии. К чему приведет эта встреча? Поможет ли она укрепить мир? Вопросы эти ставятся в Вене повсюду, где заходит речь о встрече Н. С. Хрущева и Дж. Кеннеди, в заводских цехах, в конторах многочисленных фирм, на скамейках венских парков и в квартирах.

— Давно пора,— говорит старый человек с тяжелыми руками рабочего, увидев в витрине киоска газету, возвещавшую о предстоящей встрече.

— Еще неизвестно, что из этого выйдет,— буркнул хорошо одетый господин, протягивая руку за газетой.

— Плохого ничего не получится,— возразил старик.— Познакомятся, поговорят, лучше поймут друг друга. И мы сможем спать спокойнее.

В разговор один за другим включаются прохожие. Одни бросают замечание на ходу и идут своей дорогой дальше, другие останавливаются, внимательно прислушиваются, потом высказывают свое мнение. Большинство участников таких стихийных дискуссий сходится на том, что встреча в любом случае будет полезной. «Мы рады,— открыто

ПИСАТЕЛИ ОТВ

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Советским писателям, которым, как и мне, приходится много ездить, встречаться с представителями многих наций, людьми различных воззрений, довелось убедиться, что к нам относятся не только как к представителям советского народа. Узнав, что мы писатели, обычно хотят услышать слово советского писателя.

Люди хотят знать, как советский писатель изображает, передает мысли и чаяния своего народа, как он рассказывает о делах и подвигах своей героической страны.

Поэтому мне самому часто приходилось убеждаться, какими насущными, необходимыми являются слова советского писателя не только для нашего народа, но как нужны наши слова для миллионов людей за рубежом.

Созидательная жизнь советского народа полна героических подвигов, величественных событий, начиная с первых лет революции, с легендарных дней гражданской войны, кончая сегодняшней действительностью. У нас много геро-

Copyrighted material

СОФИЯ ВСТРЕЧАЕТ ГЕРОЯ

Море цветов и улыбок — болгарская столица встречала первого в мире космонавта Юрия Алексеевича Гагарина.

Подвигом советского человека, подвигом коммуниста гордятся наши друзья в странах социализма.

«В вашем лице, — сказал, обращаясь к отважному покорителю космоса, первый секретарь ЦК БКП тов. Тодор Живков, — мы от всего сердца, от всей души горячо приветствуем великий и непобедимый братский нам советский народ, который дал миру Ленина, Горького, Циолковского, народ, который проложил для всех народов мира путь к миру и коммунизму».

Фото Ганчо Стоянова и Петко Цонкова.

ДИАЛОГ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Г. ГУРКОВ, специальный корреспондент «Огонька»

«Сегодня на южном берегу Крыма стояла хорошая, солнечная погода»,— сообщает бодрый дикторский баритон. И так каждый день.

Ослепительно хорош май в Крыму. Цветет, кажется, все, кроме садовых скамеек. Солнце, отжимавшее за серой, дождливой пеленой, ни на минуту не прячется сейчас за тучи. И тысячью маленьких солнц искрятся морские волны.

В ялтинских гостиницах в эту пору все чаще можно слышать разноязыкую речь, а на горных извилистых дорогах встречаешь автобусы с туристами.

Покинув серебристый красавец «ТУ», вступила 21 мая на крымскую землю группа людей. Американцы, русские. Их, как и всех, сразу же обступила радостная здешняя весна. Но люди эти приехали не для того, чтобы карабкаться по живописным скалам или любоваться изумрудным морем.

Крым стал местом второй встречи видных общественных деятелей Советского Союза и США, местом большого и серьезного разговора о важных проблемах нашего века — о разоружении, мирном сосуществовании, о путях улучшения советско-американских отношений.

Разговор этот начался осенью прошлого года в Дартмутском колледже, в американском штате Нью-Гемпшир. Личные контакты и обмен мнениями оказались очень полезными. Еще один камень был заложен в фундамент советско-американского взаимопонимания.

И вот после Дартмута Крым, «Нижняя Ореанда».

...В зал заседания проходит сухощавый, подтянутый Норман Казинс, редактор и владелец известного американского еженедельника «Сэтерди ревью». Что-то торопливо записывает в блокнот приземистый человек в светло-коричневом костюме, профессор Филипп Мосли, крупный публицист, директор отдела исследований нью-йоркского совета по международным отношениям. Оживленно беседуют бывший сенатор Уильям Бентон, издающий в США «Британскую энциклопедию», и советский писатель Александр Корнейчук, режиссер Сергей Герасимов и прославленная негритянская певица Мариан Андерсон, академик Е. К. Федоров и директор отдела фонда Форда Шепард Стоун.

Банкир и химик, антрополог и юрист-международник, историк и экономист — здесь люди разных профессий, разных политических взглядов. Но их привела в этот зал общая забота. Забота о том, чтобы солнечным было небо над Крымом и над Калифорнией, о том, чтобы Советский Союз и США нашли наконец общий язык по вопросу вопросов современности — всеобщему, полному и контролируемому разоружению.

Сейчас, когда мир считает дни, оставшиеся до 3 июня, до Вены, крымская встреча особенно радует. Это тот ручеек, из которого возникает полноводная река согласия и дружбы. Неутомимо искать пути оздоровления международной обстановки, чтобы дать прочный мир нашему уставшему от войн поколению,— может ли быть у общественных деятелей второй половины XX века более высокая цель?

Так пусть скорее наступит пора, когда дикторы всех стран смогут объявить: сегодня в мире хорошая погода! И чтобы это было верно. Верно метеорологически. Верно политически.

23 мая, Ялта.

Весна. В венских парках распустились цветы, ласково журчат фонтаны. Скоро во всех уголках мира люди с надеждой будут ждать из Вены добрых вестей.

заявляют многие,— мы должны сделать все, чтобы эта встреча прошла хорошо в нашей столице».

Жители Вены из присущей им скромности и деликатности не о всех своих чувствах говорят вслух. Они испытывают чувство гордости. Венцы очень горды тем, что местом встречи избрана столица нейтральной Австрии. Однако это законное чувство трудно утаить. Оно постоянно пробивается, как пробиваются из весенней листвы белые султаны каштанов на Ринге.

И здесь, пожалуй, нужно кое-что вспомнить! Когда Австрия вступила на путь постоянного нейтралитета, скептики утверждали, что этим она окончательно потеряла всякое международное значение и ей суждено стать глухой политической провинцией. За прошедшие годы жизнь не раз опровергала это нелепое утверждение. Нейтральное государство может играть значительную роль в общих усилиях народов по сохранению и упрочению мира. И одно из лучших свидетельств этого — избрание Вены Н. С. Хрущевым и Дж. Кеннеди местом своей знаменательной встречи.

Вена в своем лучшем весеннем наряде. Она готовится встретить высоких гостей.

М. ПОДКЛЮЧНИКОВ

Вена, 24 мая.

ЕЧАЮТ ДЕЛОМ

ев борьбы и труда, поднимающих славу советской державы на небывалую высоту.

Гаганова и Гагарин — это выражение самого существа нашего строя.

Для миллионов людей жизненно важно знать, как, каким путем мы достигаем небывалых высот, важно понять, ощутить и выбрать себе пример, путеводные черты характера нашего современника, человека будущего общества коммунизма.

Поэтому очень важны большие художественные полотна о наших современниках, очень важно написать книги, которые будут отражением дум и чаяний нашего народа, отражением творческих мыслей партии, ее огромной созидательной роли, ее замечательных исторических свершений. Нам нужно, чтобы в характере сегодняшнего человека люди всей земли могли зримо видеть смело идущего по сегодняшним полям и дорогам человека будущего.

Я вспоминаю стихотворение одного из наших поэтов старшего поколения, Мухамеджана Рахими. Он говорил, что ни любовь, ни огонь, ни солнце, ни земля не имеют такой силы, какую создало единство партии и народа.

Я думаю обо всем этом сейчас, потому что был участником обеих встреч Н. С. Хрущева с представителями советской интеллигенции и с волнением слушал его слова, обращенные к творческим работникам. В эти дни, перечитывая в журнале «Коммунист» статью Никиты Сергеевича «К новым успехам литературы и искусства», я еще раз убеждаюсь, каким большим историческим смыслом наполнен для нас этот документ, как много для нас значат эти добрые и вместе строгие, требовательные слова руководителя нашей партии и правительства. Мне снова хочется на каждый абзац его выступления ответить твердым и решительным «да» от своего имени и от имени моих товарищей по работе.

Слова Н. С. Хрущева хочется перечитывать вновь и вновь и отвечать на них хорошим творческим делом.

Сила литературы заключается в том, что она тесно связана с народом, с партией. Сила литературы будет могучей тогда, когда она действительно будет достойным певцом побед нашей страны. Партия — народ — писатели — это неразрывное единство. И мы своим трудом должны быть достойны его.

Я верю, что писатели Таджикистана, мои друзья, смогут в недалеком будущем еще раз подтвердить эти мысли своими новыми произведениями.

Copyrighted material

М. АЛЕКСЕЕВ

Фото Б. КУЗЬМИНА

Большой мир

Полотнище боевого знамени тяжко провисает от потолка до самого пола среди десятков таких же знамен — молчаливых свидетелей ратной, с годами не меркнущей славы тех, что прошли под этими знаменами до Будапешта, Вены, Праги и Берлина. Не одно поколение солдат присягало при развернутом знамени, не одно поколение гвардейцев клялось в верности воинскому долгу. Как же много могло бы рассказать алое, полинявшее от времени полотнище вот этим маленьким гражданам, которые застыли пред ним в восторженном благоговении!..

Однако что же это за племя младое, незнакомое: два мальчика и три девочки в пионерских галстуках? Откуда они и что привело их в Музей Советской Армии? И почему из всех хранящихся тут знамен они выбрали вот это?

Давайте же познакомимся с ними.

☆ ☆ ☆

Есть на Саратовщине небольшой городок по имени Аткарск. В старину его, должно быть, называли заштатным. Сейчас так никто не называет. Но город остался по-прежнему маленьким, хоть во многом и изменил свое обличье.

«Маленьким» — говорю я теперь. А когда-то Аткарск казался мне громадиной, всем городам город; было это не так уж и давно — каких-нибудь два с половиной десятка лет тому назад.

Родившийся в глухом степном сельце, до пятнадцати годов я никуда не выезжал, и Аткарск был первым городом, куда меня в 1936 году послали учиться. Двухэтажные дома на его центральных улицах показались мне небоскребами, городской парк — необозримым, хотя за пять минут можно легко обежать вокруг него. Особенно огромным явилось пред моими счастливо-испуганными глазами здание педагогического училища на улице Чапаева с мемориальной доской, на которой написано, что в таком-то году тут выступал Михаил Иванович Калинин. «Так вот ты куда попал!» — ворохнулась во мне горделивая мысль...

Много времени минуло с той неповторимой, счастливой поры. Много воды утекло в речушке Аткаре, давшей название городу. Далеко увели меня от крохотного милого городка фронтовые пути-дороги. Потом все хотелось приехать, побывать в училище, встретиться с его старыми стенами, побродить тихо по гулким коридорам, вспомнить юность необратимую. И, как это часто бывает в жизни, все откладывал, что-то мешало, путало планы. Наконец сердце властно позвало — еду!

От вокзала до училища летел как на крыльях, не чуя ног под собою. У знакомой двери остановился огорченный: нет больше моего училища. Вместо прежней вывески другая: «Аткарская школа-интернат». И все-таки не вытерпел, вошел.

— Вам кого?

Вглядываюсь в лицо женщины, остановившей меня своим вопросом. Нет, незнакомо. Отовсюду вынырнули мальчишки и с неудержимым любопытством уставились на меня. Не скрою, ревнивое чувство испытал я в ту минуту к этим маленьким хозяевам дорогого для меня дома.

— Я тут учился... когда-то,— сказал я поскорее, чтобы они тотчас же узнали и о моей причастности к этим стенам, к этим классам.

Лица ребят еще больше оживились. Кто-то из них опрометью побежал в конец коридора, на ходу крича:

— Тамара Васильевна!

Оставшиеся возле меня пояснили:

— Это наш завуч.

Пришла Тамара Васильевна, женщина лет

Copyrighted material

сорока, с немного усталыми глазами. Впрочем, такими они были очень недолго, лишь до той минуты, пока не выяснилось, что мы с ней однокурсники, что двадцать пять лет тому назад в один день вошли в это здание. Я смотрю на Тамару Васильевну, на учительницу, а передо мною Тамарка Горшкова, шустрая Томка с озорными косичками, за которые почему-то всегда хотелось подергать.

А толпа ребятишек вокруг нас все растет и растет, и мы чувствуем, что пора уже заняться ими, этими нетерпеливыми гражданами. Направляясь наверх по лестнице, той самой, с выщербинками у краев гранитных ступенек, с отполированными ребячьими штанами перилами — широкой как мир лестнице, мы зовем мальчиков и девочек с собой, а Тамара Васильевна все говорит и говорит...

☆ ☆ ☆

Аткарская школа-интернат существует чуть больше года. Что? Нет, не обязательно только сироты. Да, конечно, много и сирот — их принимают в первую очередь. Но есть ребята и из многодетных семей.

Тамара Васильевна и директор Владимир Константинович Матвеев, который в эту минуту занят хозяйственными делами, вообще считают интернат одной из основных форм воспитания наших детей. В самом деле, до революции существовал лицей, были и другие закрытые учебные заведения для особо привилегированных сословий. Там готовили высокообразованных царевых слуг. Сейчас в нашей Советской стране самым привилегированным стало сословие трудовых людей. И разве плохо, ежели государство создаст широко разветвленную сеть учебных заведений по типу школы-интерната с тем, чтобы из их стен выходили высокообразованные, отлично воспитанные строители коммунизма! В интернате дети оказываются в атмосфере, которую можно вполне назвать коммунистической; тут воспитание идет по самым высоким моральным критериям, если, разумеется, все хорошо продумать и если воспитатели соответствуют своему высокому назначению... Важно только, чтобы закрытое учебное заведение не было закрыто от большого мира, которым живет страна, которым живут миллионы ее граждан.

☆ ☆ ☆

Вот о чем говорили мне Владимир Константинович и Тамара Васильевна в ту памятную встречу в Аткарске.

А теперь давайте посмотрим на снимки. Право же, снимок иногда может рассказать гораздо ярче самого искусного рассказчика!

Поглядите на этих двух. О чем они шепчутся? А уж не придумали ли какой-нибудь сюрприз эти хитрые мальчишки-мастера? Вот Сережа Зюзин и Вася Аниськин уже склонились над чертежом: идея сначала должна быть воплощена в нем, в чертеже. Теперь их лица выражают предельную сосредоточенность.

У мастера производственного обучения Михаила Васильевича Сопарева много понятли-

маленьких

вых учеников, но, пожалуй, самый смышленый — это Володя Сергеев. Как внимателен он к объяснению педагога!

Широкий, большой мир открылся и перед маленьким корейцем Толей Теном, нашедшим в интернате и новых своих друзей и заботливых воспитателей.

Труд — основа всех основ. Это хорошо понимают в интернате. Поняли это Тамара Курбатова и ее подруга Инна Добрина. Посмотрите, с каким усердием трудятся они в швейной мастерской.

Воспитание, однако, должно быть гармоничным. Поэтому в интернате множество кружков: музыкальный, хореографический, драматический, хоровой. Для концерта не надо никого приглашать со стороны: в школе найдутся свои танцоры, аккордеонисты, балерины... Правда, они немножко уступают Улановой, но ведь они еще только учатся!

Перед маленькими должен всегда быть открытым большой мир. Об этом помнят не только воспитатели интерната, но и многочисленные его друзья. Экипаж теплохода «Аткарск», например, отправившись на Кубу, не забыл, что в далеком городке у него есть маленькие друзья. Недавно матросы привезли им чудный подарок от кубинских ребят — крокодила. А когда над Кубой нависла смер-

Этому научила Мария Дмитриевна

Н. РОМОВА

Из поселка Парахино, Новгородской области, пришло письмо. Оно написано одним дыханием: «...было это в трудное время, почти сорок лет тому назад, в уездном городке Малоярославце. Жилось нелегко, в школу бегали разутыми, было голодно, холодно. Вместе с учительницей сами рубили в роще сухие деревья на дрова для школы. Но это помнится смутно. А вот класс Марии Дмитриевны, где всегда ждало что-то удивительно интересное, и сейчас передо мной: пианино, ваза с цветами, осенние листья... На стенах мы нарисовали колонны, а между ними в картинах история России: ее лучшие люди, борцы, герои. Учились не по учебникам, по самой литературе. Мария Дмитриевна ставила с нами спектакли. А как бесподобно читала она сама! Это она, Мария Дмитриевна, научила нас любить все наше русское — природу, литературу, искусство, это она заставила нас задуматься о мужестве декабристов, о героизме восставших против «власти тьмы». Своей учительнице мы обязаны первым знакомством с музыкой, живописью, театром...»

«Повидайте Марию Дмитриевну Сосницкую,— заканчивала письмо Екатерина Сергеевна Шитарева,— наша учительница давно уже в Москве, в московской школе».

Много пишут сейчас о том, чтобы в школах воспитывали у детей

М. Д. СОСНИЦКАЯ. Фото Г. Санько.

Copyrighted material

тельная опасность, ребята в городе Аткарске очень сильно волновались и переживали. И как же радовались они потом победе героических друзей!

Аткарская школа-интернат слишком молода, чтобы говорить о каких-то ее традициях. Но тем не менее традиции есть, и притом славные, великолепные традиции.

Вот спускаются по широкой лестнице выстроенные в два ряда девочки и мальчики. Сегодня они самые счастливые, потому что именинники. В школе один раз в месяц чествуют тех, кто в этом месяце родился — так в течение года чествования удостоятся все ученики и ученицы. Не правда ли, как это славно!

И еще одна традиция: каждый год лучшие пионеры будут выезжать в Москву, чтобы дать клятву учиться хорошо и отлично боевому знамени части, над которой всю войну шефствовали жители Аткарска.

В нынешнем году это высокое право выпало на долю Володи Чернозубова, Тамары Курбатовой, Тамары Деминой, Люси Колесниковой и Саши Стукалина. Это их вы видите в Москве в Центральном музее Советской Армии.

Хочется всем ребятам из интерната пожелать большого счастья на их большом и светлом пути.

любовь к прекрасному — музыке, живописи, театру. И вот письмо, где через сорок лет благодарят за это учительницу так, как будто все это было только вчера.

...Одноэтажный флигель в глубине школьного двора. Две небольшие комнаты, книги, рукописи. На стенах подлинники картин: масло, акварель — и фотографии, фотографии. Здесь живет Мария Дмитриевна Сосницкая.

— Написали в «Огонек»? Обо мне? Это, наверное, Катя Шитарева. Всегда была увлекающейся, восторженной...

После революции, как и по всей стране, в Малоярославце уже не в гимназию — в школу второй ступени пришли юноши и девушки и вместе, рядом сели за парты. Это было ново, необычно. Отступила от правил и словесница Сосницкая. Она по-новому учила молодежь литературе. Отыскала в городе людей, любящих искусство,— в Малоярославце нашлись и музыканты, и художники, и заядлые театралы. Всех их Сосницкая сумела «заразить»... Мать одного из учеников играла на пианино, которое появилось в классе. Певица, оставившая из-за семьи сцену, исполняла на школьных концертах арии из опер.

Трудности не останавливали Марию Дмитриевну. В годы всяческих неустройств, разрухи, недоедания она возила учеников в Москву.

— Представляете, шестьдесят мальчишек и девчонок...— вспоминает один из тех, кто вместе с учительницей совершал в теплушке это путешествие. — Оборванные, голодные, но безмерно счастливые, опьяненные всем виденным, услышанным, ходили мы за Марией Дмитриевной по улицам столицы... Москвин в «Царе Феодоре», Сумбатов в «Горе от ума», «Корсар» в Большом театре, Репин, Суриков, Левитан в Третьяковке. А рядом все знающая, все умеющая объяснить, спокойная, красивая, обожаемая наша учительница...

После поездки она сказала:

— А ведь можно самим поставить эти спектакли.

И школьные постановки стали продолжением уроков литературы.

...Выцветшие любительские фотографии. Мария Дмитриевна бережно касается одной из них:

— Это «Принцесса на горошине». Как же хорош был в ней принц — Коля Славин! Талантливый, блестящий! Всегда был таким...

А вот опять Коля Славин...

Стершийся на сгибах номер «Правды» — год 1947-й. На первой полосе, внизу, фото — маршал Василевский и рядом с ним генерал-лейтенант Славин обходят почетный караул.

— Потом был полномочным послом в Дании. Сейчас уже нет Коли, умер, сдало сердце...

Мария Дмитриевна молчит, а я продолжаю перебирать фотографии.

Настоящий профессиональный снимок — актер в какой-то очень знакомой роли...

— Тоже мой ученик, Саша Давыдов, сейчас он в Свердловском драматическом театре. Любимая его роль — комиссар в «Повести о настоящем человеке».

Тогда ли, в Малоярославце, увлекся Саша Давыдов театром? Возможно. Но не сразу пошел на сцену. Несколько лет работал на заводе, был слесарем, мастером. Мария Дмитриевна научила понимать, какая большая ответственность ложится на того, кто хочет нести искусство людям.

Мой новый собеседник, Илья Васильевич Гудков, тридцать лет преподает в школе литературу.

— Среди учеников Марии Дмитриевны я, наверное, старейший словесник. Я и стал им потому, что на ее уроках понял, какое это счастье — учить детей прекрасному... Что мог я, деревенский бедняк-мальчишка, тогда знать?.. И вдруг уроки Марии Дмитриевны: Шекспир и музыка «Могучей кучки», живой разговор о певцах русской природы... Это было похоже на какой-то праздник... Вот почему я всегда учился у Марии Дмитриевны и сейчас учусь. Говорю с детьми, отвечаю на недоуменный вопрос и спрашиваю себя, какие бы слова нашла тут Мария Дмитриевна.

...Класс, в который пришла новая преподавательница литературы М. Д. Сосницкая, когда переехала учительствовать в Москву, в 201-й школе называли сильным.

Хорошие, немного самонадеянные ребята — такими показались ученики новой учительнице.

— Мы считали себя ужасно начитанными,— признается Зинаида Николаевна Кулакова.

Знакомлюсь с ней на ее уроке в шестом «А». Когда-то сама Зинаида Николаевна сидела здесь за партой. Сейчас другим мальчикам и девочкам читает она поэтический рассказ о выехавших в ночное крестьянских ребятишках.

После звонка все вместе отправляемся в литературный кабинет.

— Мария Дмитриевна создавала его. Правду сказать, не сразу победила новая преподавательница. Мы важничали: все, мол, знаем, а нас хотят переучивать. Но Мария Дмитриевна не уговаривала, не заставляла слушать. Начинала читать, и был ли это «Сон Обломова», стихи Блока или обращение Гаева к «многоуважаемому шкафу», мы застывали, как будто бы никогда не слышали ни о Гончарове, ни о Чехове. А то скажет: «Послушайте, как умел Гоголь пользоваться глаголами»— и наизусть прочтет главу из «Мертвых душ». И мы начинали подталкивать друг друга: да ведь нам только что открыли Гоголя!..

Узнавать Толстого новая преподавательница повела в Музей Льва Николаевича. В литературном кабинете хранятся дневники этих семинаров, их дата—1939 год.

После семинара ученик Владислав Ковалев прочел в школе доклад о творчестве Толстого. В дневнике отмечено: «За это Владику вынесли благодарность».

У Марии Дмитриевны я видела книгу: В. Ковалев «О стиле художественной прозы Толстого» с надписью: «М. Д. Сосницкой, еще в 1939 году поставившей меня на путь изучения Толстого».

— Да, да, — подсказывают мне,— это Владик Ковалев. Сейчас доцент МГУ, читает лекции о Толстом студентам...

...Вспоминают военное время:

— Москва все еще затемненная, плохо отапливаемая. Электричество, которое то и дело гаснет, продуктовые карточки с необъявленными талонами, а Мария Дмитриевна собирает нас, зовет в школу, читает «Тараса Бульбу», «Полтаву», ведет в госпиталь. Мы выступаем перед ранеными с отрывками, разученными на уроках... Холодно, сидим укутанные в платки и шубы, в глазах страх: кто-то получил похоронную на брата, кто-то на отца... И у Марии Дмитриевны ведь погиб сын на фронте, а она говорит, что сегодня у нас концерт. Приходят ее друзья-музыканты, и в классе звучит Патетическая соната.

...Кончилась война.

В свой класс пришла и Мария Дмитриевна. Поздоровалась и сказала:

— Мы так давно не были в Третьяковской галерее, может быть, соберемся перед следующим уроком. И постараюсь достать билеты в Большой театр на «Ивана Сусанина». И в Малый пойдем и обязательно в вахтанговский на «Много шуму из ничего». А сейчас прочтем прозу Дениса Давыдова.

...Идет новый учебный год — 1960/61-й. Пятьдесят седьмой выпуск словесницы М. Д. Сосницкой готовится вступить в жизнь. И эти юноши и девушки тоже на всю жизнь сохранят то прекрасное, чем щедро делится с ними любимая учительница Мария Дмитриевна.

Copyrighted material

Сергей МИХАЛКОВ

ПУТЬ К МОЛОДЫМ СЕРДЦАМ

Однажды милиция обнаружила регулярное хищение вина из продовольственной палатки. Было ясно, что орудует шайка. Ее долго искали и наконец нашли. Преступников оказалось трое: старшему 11 лет, а младшему 4 года. Он-то и пролезал, как мышь, в небольшую щель в дощатой стенке палатки. Когда следователь спросил у мальчишек, как они реализовали краденое, один из них ответил: вино выливали, бутылки сдавали.

Смешные, наивные хитрецы! И все же, если мы сегодня оставим их без внимания, улыбнувшись, пройдем мимо и забудем о них, то через несколько лет эти трое будут уже делать наоборот: вино выпивать, а бутылки выбрасывать.

Наши советские ребята в своем большинстве смелые и честные, дружные и добрые. Воспитание детей идет у нас и широко и глубоко.

И все же многое уходит из поля зрения взрослых. Тревожные сигналы нередко раздаются из милиции, из прокуратуры, из пионерских отрядов. Желтый и красный свет зажигается то тут, то там: одни не желают учиться, вторые хулиганят, третьи грубят и лгут на каждом шагу, четвертые уличены в воровстве.

Воспитание нового человека было и остается одним из самых важных вопросов, в решении которого советские писатели, пишущие для юношества, играют не последнюю роль.

Новое время предъявляет к нам новые требования. Оно рождает новые черты в характере молодежи, а следовательно, и героев наших произведений.

Что заставило юного азербайджанца Тефика, рискуя собственной жизнью, спасать тонущих детей? А комсомолку, сироту Валю Новикову броситься в пламя пожара? Что заставило трех малышей, о которых я упомянул вначале, воровать вино? Ведь эти случаи произошли у нас, с нашими детьми, и почти одновременно!

Наше юношество видит огромные и важные события в мире. Оно запросто рассуждает о космических скоростях и о кибернетике, оно горячо переживает трагическую гибель национального героя Конго Патриса Лумумбы. Наши ребята полюбили Фиделя Кастро и Манолиса Глезоса, они ярые сторонники мужественных патриотов Алжира.

А Юрий Гагарин, первый космонавт! Он навсегда покорил юношеские сердца и овладел воображением нашей молодежи. Его бессмертный подвиг волнует юношей всего мира и особенно советскую молодежь, которая ждет о нем книги такой же необычайной, каким был его необычайный космический полет.

Мне довелось самому видеть, как юноши с огромным интересом читали вслух речь Никиты Сергеевича Хрущева на Генеральной Ассамблее ООН — беспощадный приговор колониализму. Эта речь волновала их своей справедливой страстностью, была для них романтикой сегодняшнего дня.

— Сила! — сказал один из ребят. — Теперь, небось, плантаторы не так запляшут!

Ребята наши сложнее, чем это представляют себе иные педагоги и писатели. Сложнее и интереснее многих героев наших книг.

Но есть еще одна особенность, отличающая наших ребят от ребят сороковых годов: современные подростки не знают тягот войны, ибо родились они в послевоенные годы. Они не слыхали свиста бомб и рева сирен воздушной тревоги. Они не знают, как можно бояться потерять хлебные карточки, как бежать по снегу босиком к партизанам, спасаясь от кровавой расправы фашистов.

И вот среди наших юных читателей то тут, то там вырастают этакие потребители жизненных благ, пассивные «созерцатели» жизни, ленивые, развязные скептики, равнодушные к труду, ко всему, чем живет и дышит наш героический народ.

— Запустили новый спутник? Подумаешь!

— Освоили целину? Ну и что?

Появляются на улицах городов юные снобы (и далеко не всегда они дети обеспеченных родителей), которые хотят жить не как все, а только как в заграничном фильме.

Пусть их меньшинство, этих отрицательных героев нашей действительности, но мы не имеем права проходить мимо них равнодушно, обращаясь только к тем, кто является для нас «положительным» персонажем.

У каждого воспитателя свое орудие. Педагоги, агрономы, инженеры, рабочие несут в школу свои знания и труд. Политехническое обучение уже приносит свои добрые плоды. Но рядом с политехнизацией лежит не менее важная область воспитания нового поколения — эстетическое воспитание. Важность его как будто не вызывает сомнений.

В самом деле, как политехническое воспитание существует вовсе не для того, чтобы научить детей чинить пробки или делать табуретки, а для того, чтобы привить ребенку любовь и уважение к труду, выработать в нем трудовые навыки, так и эстетическое воспитание служит для того, чтобы выработать в ребенке широту мировоззрения, любовь к прекрасному, доброту, гуманность, многие высокие моральные качества, необходимые человеку будущего общества. И, конечно же, чувство здорового юмора!

Казалось бы, все педагоги и особенно Академия педагогических наук должны были уже давно разработать целый «свод законов» эстетического воспитания детей и широко применять его в жизни. Но на практике получается иначе: как ни странно, эстетическое воспитание — это пока еще некая педагогическая целина.

Воспитание человека должно начинаться с самого раннего возраста, задолго до того, когда он сам прочтет первую книжку.

Каковы эстетические орудия ребенка? Какие у наших детей игрушки? Пока так себе. Почему? Да потому, что проблема воспитательного значения детской игрушки долгое время была настолько «запсихоложена» учеными методическими советами, что до сих пор крайне вяло распутывается узел педагогических наслоений, превращающих игрушку не в средство эстетического воспитания ребенка, а в учебное пособие.

В Институте игрушки один ученый муж работал над научной темой «Техническая игрушка для детей ясельного возраста». Бедный ползунок!

На одном из заседаний методического совета по игрушкам была забракована хорошая, улыбающаяся кукла. Это объяснялось так: а если в семье ребенка случится беда! Кто-нибудь заболеет? И что же, кукла будет улыбаться? Если да, то эта улыбка будет вызывать у ребенка не те эмоции... Анекдотично, но факт!

Предполагается, что шаржирование игрушки — это развлечение для детей буржуазного мира. Советскому ребенку нельзя навязывать искаженный образ отечественного осла или зарубежного жирафа. Но ведь муляжи животных, заготовленных по проспекту сельскохозяйственной выставки

Оля Полехина, 12 лет. Тимирязевский Дом пионеров. «На Луне».

МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ МЕЧТАЮТ

Полет в космос. Мир неожиданных и удивительных приключений — мир неизведанного. Когда-то мальчишки мечтали о дальних странах. Теперь они мечтают о путешествиях в космос, на Венеру, Марс, Сатурн и дальше — к еще не открытым планетам.

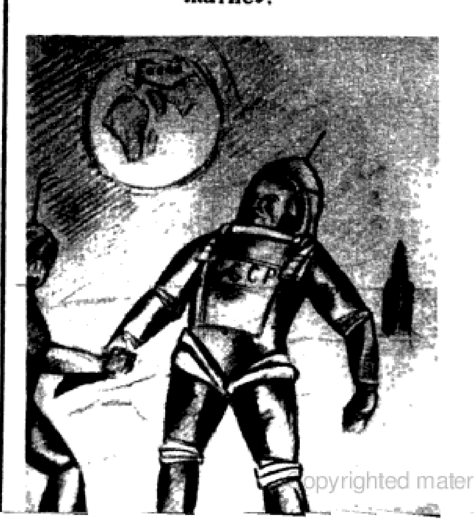
И вот рубеж перейден. Путь в новый мир открыт. Мудрено ли, что мальчишки и девчонки уже в день полета Юрия Гагарина на уроках рисования в школах, во Дворцах пионеров, в студиях, дома — на подоконнике или у телевизора — рисовали только одно — человека в космосе. Уже появилось много портретов Юрия Гагарина, сделанных неумелыми детскими руками, возникли тысячи и тысячи новых рисунков сказочных городов, выстроенных людьми на Марсе и Венере, нарисованы миллионы — именно миллионы! — никогда, правда, не существовавших смешных ракет, скафандров, машин. Мальчишки и девчонки мечтают. Мальчишки и девчонки рисуют. Мальчишки и девчонки торопятся в космос.

А. ЖУКОВА

Зылев Володя, 14 лет. Тимирязевский Дом пионеров. «Юрий Гагарин в полете в космосе».

Андрей Людоговский, 11 лет. 112-я школа. «Дружеское рукопожатие».

Copyrighted material

Боря Новожилов, 13 лет. НА ЛУНЕ.

Copyrighted material

Сережа Шилов, 11 лет. СОВЕТСКИЙ КОСМОНАВТ.

Таня Шпынева, 12 лет. ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ ДРУГ.

Copyrighted material

для зоопарка, пригодны действительно разве только для изучения анатомии. Они плохо помогают воспитывать веселых, лукавых, задорных ребят.

Но если в детском саду, поскольку это входит в программу дошкольного воспитания, ребенка еще как-то знакомят с природой, цветом, звуком, то в школе эстетическому воспитанию уделяется минимальное внимание. Да и когда? До эстетики ли тут? Уложиться бы педагогу в объемистую школьную программу. Надо научить ребенка очень многому: читать, писать, считать, грамотно говорить, работать в столярной мастерской, в поле. А чем дальше, тем больше и больше предметов... На живопись, музыку, стихи времени почти не остается.

Дети идут коллективным походом в театр, потому что они «проходят» по программе данную пьесу. Может быть, идти не очень хочется, но надо. А не хочется часто именно потому, что «надо». То же с посещением картинных галерей.

Вне школы, вне обязательных занятий по школьным дисциплинам мальчик или девочка чаще всего самостоятельно организуют свой досуг. Один часами сидит у телевизора, другой гоняет мяч, третий, не отрываясь, взахлеб читает «шпионскую книжку», четвертый, вернее, четвертая, вышивает кошечку на пяльцах. Кто-то «болтается», как говорят родители, возле кинотеатров, кто-то занят спортом, кто-то озорничает во дворе, а кто-то и в театр идет все равно на какую пьесу.

Что такое эстетическое воспитание, знает далеко не каждый педагог. Результаты сказываются незамедлительно: многие школьники мучительно зевают, слушая серьезную музыку, в тоске, ничего не понимая, бродят по залам Третьяковской галереи, а приходя в театр, гогочут в самых неподходящих местах пьесы. Словом, они не подготовлены к восприятию искусства.

Нет у нас до сих пор хорошей книги, прочитав которую школьник сам потянулся бы к произведениям искусства, раскрывающим перед ним мир прекрасного, заинтересовался бы творческими биографиями тех, кто оставил после себя великое наследие.

В одном пионерском лагере ребята подняли на смех мальчика, узнав, что он собирается стать художником:

— Кому нужна твоя мазня?! — сказали они.— Вот токарь — это дело!

Токарь, конечно, дело! И, что говорить, дело почетное.

Но непонятно, откуда взяли ребята варварское представление о «мазне»? Почему отнеслись с презрением к одной из самых благородных творческих профессий? Эти ребята вырастут, станут взрослыми. И неужели придется отвечать им со страниц «Комсомольской правды», доказывая, что инженеру тоже необходим Чайковский! Не надо забывать и о том, что в течение многих лет наши писатели раскрывали перед детьми романтику главным образом тех профессий, красота которых лежит на поверхности и видна, как говорится, «невооруженным глазом». Мы призывали подростков быть летчиками, открывателями новых земель, капитанами дальнего плавания или в крайнем случае «охотниками за полезными ископаемыми» — бесстрашными геологами. Спору нет, все эти профессии нужны и почетны. Но ведь первыми и главными производителями народных благ являются люди в рабочих спецовках, стоящие у станков, у доменных печей, у могучих заводских агрегатов. И люди, выходящие в предрассветные летние часы на необозримые просторы колхозных полей. Вот романтику их труда, труда рабочих и крестьян, и должна сегодня прежде всего раскрывать и воспевать юношеская литература.

Мы часто забываем, что книги для юношества должны быть праздничными и нарядными, веселыми и грустными, умными и забавными. Не слишком ли часто наши книги превращаются в некую трибуну для произнесения назидательно-воспитательных речей? Слово используем мы не для образного мышления, не для создания «жизни человеческого духа», а для назидательной болтовни. Герои наши втолковывают читателю прописные истины: учиться надо на пятерки, драться — плохо, дружить — хорошо, влюбляться — рано, мечтать — обязательно, а врать и брать без спроса чужое — стыдно!

Наши ребята не выносят полуправды. Они хотят видеть в книге то, что видят и наблюдают вокруг себя в жизни: в школе, на улице, в своей семье и в семье товарища, то, о чем читают в газетах и слышат от взрослых. А видят они разное: и благородное и не всегда честное, и самоотверженные поступки и дурные. Видят и лицемерие и трусость, карьеризм и ханжество, несправедливость и фальшь. Как же им, ребятам, разобраться в многообразии проблем, возникающих перед ними? Как решать разные «проклятые» вопросы?

Один мой знакомый мальчик — ему одиннадцать лет — спросил недавно отца:

— Папа! Вот ты говоришь, что надо трудиться, трудиться, и вы с мамой трудитесь, и все кругом трудятся, а зачем? Все равно ведь вы умрете! Стоит ли силы тратить?

Вопрос жизни и смерти волновал во все века миллионы подростков и взрослых людей. Гамлет и Вертер, Николенька Иртеньев, Егор Булычов... Но как и что ответить этому мальчику? А ведь ответить надо, обязательно надо! Романом. Поэмой. Пьесой. Фильмом.

Да, ребята хотят все понять! Они хотят видеть на сцене правду о нашей жизни. Их нельзя обмануть и не надо обманывать. Засахаренные назидания и стыдливые недомолвки обижают и оскорбляют их. Ребята не слишком верят чересчур хорошим и все знающим взрослым, которые их поучают, не верят умилительным ситуациям.

Правда — вот первое условие успеха наших будущих книг. В связи с этим снова встает одна чрезвычайно важная, хотя далеко не новая проблема взрослого героя в юношеской литературе.

В большей части наших книг ошибки совершают ребята. Взрослые же с помощью других, хороших ребят их исправляют. Рукой многих авторов водит заповедь педагогов: «Не подорви авторитет старших!»

Но ребята-то не слепые! Они остро чувствуют любую неправду и несправедливость и в литературе и в жизни. Кто-то ставит им незаслуженные двойки, кто-то отмахивается от их душевных переживаний; кто-то бьет ремнем, а порой просто откровенно обманывает. Ребята прекрасно знают, что есть на свете и дурно воспитанные мамы, за которых им бывает стыдно, и равнодушные классные руководители, и скучные формалисты-вожатые. Они знают, что наряду с добрыми, умными людьми есть злые, и глупые, и невежественные, которые, однако, претендуют на то, чтобы их тоже уважали и слушались.

Недаром шестилетний Сережа из повести Веры Пановой бесстрашно говорит:

— Дядя Петя, ты дурак.

Хороший учитель и хороший родитель необходимы в наших книгах. Но пусть это будут активные, современные люди, умные и с хитрецой, подкупающей даже самого отчаянного озорника.

А плохие пусть такими и будут, какие они есть в жизни: злые и несправедливые, холодные и грубые.

У нас нередко хвалят писателей за «широту охвата тем». Что же, и я готов присоединиться к таким похвалам, если только «широта» сочетается с глубиной. Может быть, и хорошо, когда писатель сегодня создает произведение о воспитании детей ясельного возраста, а завтра — об организации бодрого досуга нестареющих пенсионеров.

Но не меньшего уважения заслуживает и тот писатель, который сделал одну значительную тему главной в своем творчестве. Постоянство всегда свидетельствует о душевной стойкости и чистоте.

Я не склонен сейчас спорить о том, что может и что не может являться темой для книг. Я только полагаю, что и шестиклассников и десятиклассников писатели в своих произведениях могут и должны ставить в более реальные и более романтичные обстоятельства.

Мы должны написать его, нашего современного героя, во всей сложности его психологии, с постоянным активным зарядом, с широкими взглядами, с большой жаждой жизни и знаний и высокой моралью. Не просто положительного подростка, отличника и общественника, а такого героя, который в пятнадцать-шестнадцать лет умеет постоять за себя, за свое мировоззрение, за свою страну, за свое будущее, подростка, еще не совершившего, но уже подготовленного к подвигу всем ходом его общественного воспитания. И надо изображать его живым, обаятельным, веселым, озорным, а не ходульным, назидательным. Вот в чем трудность и заманчивость нашей задачи.

Об этом говорилось и на недавней конференции деятелей литературы и педагогики Италии, на которую были приглашены и представители советской литературы для детей и юношества. Конференцию созвало общество «Италия — СССР». Виднейшие ученые, педагоги — такие, как профессор Римского университета Вольпичелли, академик Флора, — в своих выступлениях подчеркивали заслуги советской литературы для юношества в утверждении самых гуманных и прогрессивных идей.

Вопросы воспитания юношества волнуют родителей всего земного шара, независимо от их вероисповедания и политических убеждений. Не случайно поэтому писатели пятидесяти стран мира, посвятившие свое творчество растущему поколению земли, в течение года высказывались на страницах чехословацкого журнала «Золотой май» о необходимости международной встречи писателей, посвященной проблемам книги для детей и юношества.

Немецкий писатель Людвиг Ренн пишет: «Литература для детей и молодежи является самым здоровым сектором литературы, так как никакой нормальный автор не будет детям подносить типичные признаки декадентства: цинизм, скептицизм, — не будет с удовольствием подчеркивать мелочное и низкое, преднамеренно вносить неясности или мистику. Благодаря этой своей здоровой основе литература для детей и молодежи, очевидно, призвана к тому, чтобы препятствовать упадку новой литературы и ее сухому, ни к чему не приводящему проповедованию вещей давно известных».

Ему вторит француз Шарль Вильдрак, осуждающий низкопробную «комиксовую» литературу: «Имеются несколько детских журналов, которые являются безвредными и просто глуповатыми, но существуют и другие, безусловно, плохие и вредные, находящиеся под влиянием трафарета и низкопробной американской детской литературы, в которых уважаются револьвер и автомат».

Франтишек Грубин из Чехословакии пишет: «Те писатели, которые недооценивают детскую и юношескую литературу и отодвигают ее на задний план, забывают, что и в их души запало первое благородное семя, зароненное детской книгой, и именно благодаря этому они сегодня являются тем, чем они так гордятся».

Все наши книги для юношества должны быть проникнуты любовью к миру и созиданию, к святым законам нерасторжимого братства народов.

Эти идеи должны быть высоко подняты писателями всех стран. Наш долг — заклеймить позором тех, кто наживается на растлении юношеских душ, наводняя книжные рынки мутным потоком бульварщины. Мы должны провозгласить на весь мир светлые принципы; писатели мира, пишущие для детей, должны сесть за один стол и, невзирая на различие политических убеждений, откровенно поговорить друг с другом о целях и задачах художников, отвечающих перед человечеством за наш завтрашний день.

Советская книга для юношества воспитала не одно поколение замечательных борцов за дело коммунизма. И неспроста рядом с произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого встали на книжные полки всех без исключения юношей Советского Союза страстные книги лучших советских писателей, чьи произведения окрыляют фантазию молодежи, заставляют их верить в правду и справедливость.

Сегодняшний день, трудный и прекрасный, властно входит в жизнь молодого поколения. Входит небывалым расцветом науки и техники, новой архитектурой, космическими ракетами, скоростными средствами передвижения, новой музыкой. А главное, той могучей силой, с которой горят в сердцах миллионов людей ленинские идеи о мире, о свободе народов, идеи, ежедневно претворяемые в жизнь.

Copyrighted material

Майское солнышко

Рисунки Ю. Черепанова.

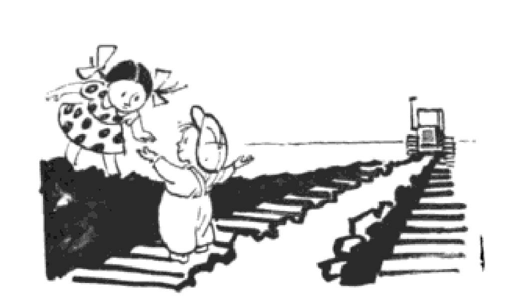
Вадим СЕМЕРНИН

Нет ни облачка с утра —
ни комочка,
ни пера...
Неба синие края,
будто полная бадья —
капли не прольются!
Только солнышко одно,
как упавшее на дно
золотое
блюдце.

НАШ ТЯГАЧ

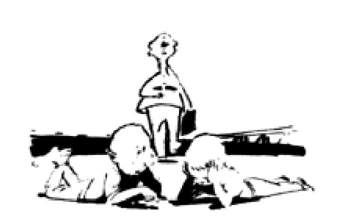
И. ХОЛИН

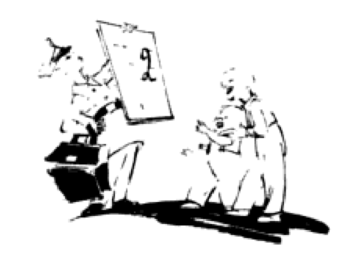
Посмотрите-ка, ребята,
Посредине
Большака
Протоптали
Две дорожки
Два
Квадратных башмака.
— Может быть,—
Сказала Таня,— здесь
Гуляли МАРСИАНЕ?

А Сережа
Ей в ответ:
— Марсиан
В колхозе нет.
Тут проехал
Силач,
Наш тягач.
Из села навоз
Он возит,
Зябь за речкою
Навозит.

Толины заработки

Федор ПЕТРОВ

Возле речки на песке
Спорили ребята:
Не умели написать
Двойку дошколята.

В это время в первый класс
Мальчик Толя шел как раз.
Он подумал: «Ну, постой-ка,
Покажу ребятам двойку».

Толя сумку развязал,
Детям табель показал:
«Эту двойку,— крикнул Толя,—
Заработал сам я в школе!»

Рассмеялись малыши:
«Заработки хороши!»

Перевела с украинского М. Замаховская.

З. АЛЕКСАНДРОВА

Загремел из тучи гром,
Дождь идет в лесу густом.
Там сегодня банный день,
Мойтесь все, кому не лень.

Растрепав свои прически,
Моют головы березки.

Запыленные дубы
Моют рыжие чубы.

Под дождем нагнулась
липа,
Моет листики до скрипа.
Перед зеркальцами луж
Принимают елки душ.

А рябинки и осинки
Моют шеи, моют спинки...
Мойтесь все, кому не лень,
Ведь сегодня банный день!

КАК ПАПА УКРОЩАЛ

Когда папа был еще маленьким, его повели в цирк. Это было очень интересно. Особенно ему понравился укротитель диких зверей. Он очень красиво одевался, очень красиво назывался, и его боялись все львы и тигры. У него был хлыст и пистолеты, но он ими почти не пользовался.

— Звери боятся моих глаз! — заявлял он с арены.— Мой взгляд — вот мое самое сильное оружие! Дикий зверь не выносит человеческого взгляда!

И правда, стоило ему посмотреть на льва, и тот садился на тумбу, прыгал на бочку и даже притворялся мертвым, не вынося его взгляда.

Оркестр играл туш, зрители хлопали в ладоши, все смотрели на укротителя, а он прижимал руки к сердцу и кланялся во все стороны. Это было великолепно! И папа решил, что он тоже станет укротителем. Для начала он задумал укротить своим взглядом какого-нибудь не очень дикого зверя. Ведь папа был еще маленький. Он понимал, что такие крупные звери, как лев и тигр, ему еще не по зубам. Начинать надо с собаки и, конечно, не очень большой. Потому что большая собака — это уже почти маленький лев. А вот собака поменьше как раз пригодилась бы.

И такой случай вскоре представился.

В маленьком городе Павлово-Посаде был маленький городской сад. Теперь там большой парк культуры и отдыха, но ведь это было очень давно. В этот сад бабушка пошла гулять с маленьким папой. Папа играл, бабушка читала книжку, а неподалеку сидела нарядная дама с собачкой. Дама тоже читала книгу. А собачка была маленькая, беленькая, с большими черными глазами. Этими большими черными глазами она смотрела на маленького папу так, как будто говорила ему:

— Я очень хочу укрощаться! Пожалуйста, мальчик, укроти меня! Я совершенно не выношу человеческого взгляда!

И маленький папа пошел через весь сад укрощать собачку. Бабушка читала книгу, и собачкина хозяйка читала книгу, и они ничего не видели. Собачка лежала под скамейкой и загадочно смотрела на папу своими большими черными глазами. Папа шел очень мед-

Александр РАСКИН

СОБАЧКУ

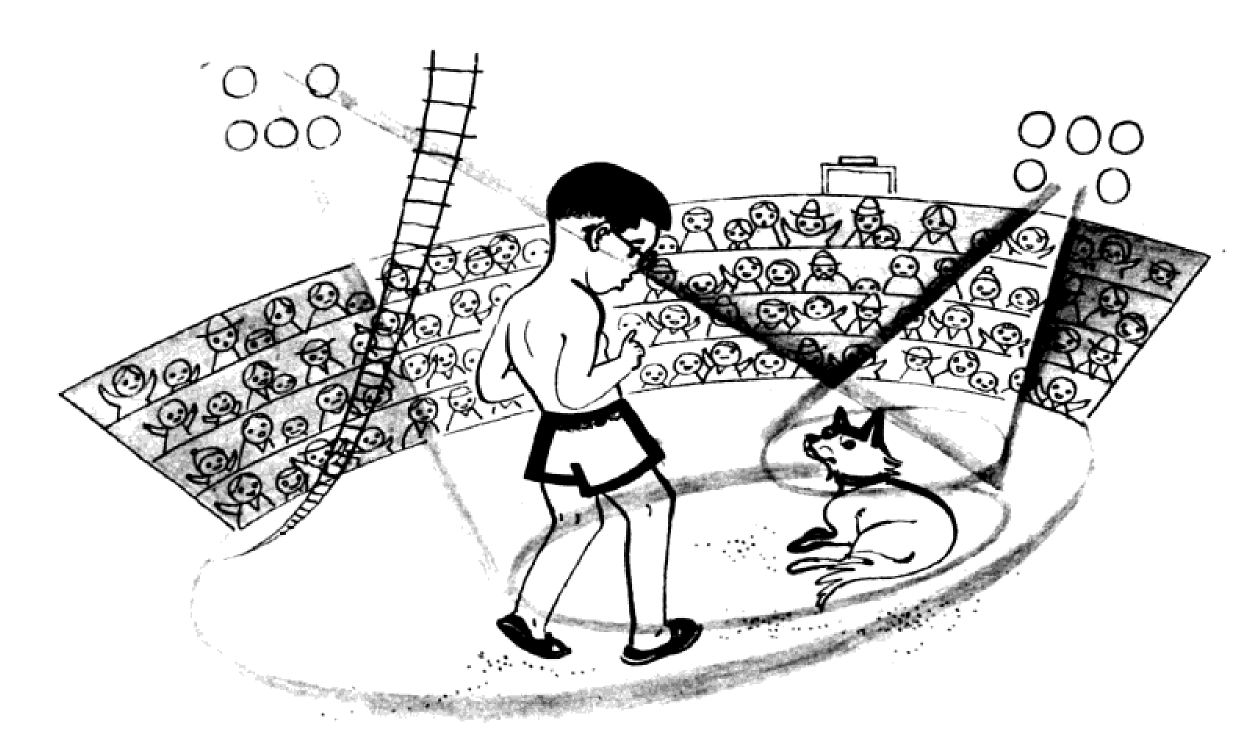

Рисунок Л. Токмакова.

ленно (ведь он был еще совсем маленьким) и думал: «Ох, кажется, она выносит мой взгляд!.. Может быть, все-таки лучше было начать со льва. Кажется, она раздумала укрощаться...»

Был очень жаркий день, и на папе были только сандалии и штанишки. Папа шел, а собачка все лежала и молчала. Но когда папа подошел совсем близко, она вдруг подпрыгнула и укусила его. Тогда в городском саду стало очень шумно. Закричал папа. Закричала бабушка. Закричала собачкина хозяйка. И громко залаяла собачка.

Папа кричал:

— Ой, она меня укусила!

Бабушка кричала:

— Ах, она его укусила!

Собачкина хозяйка кричала:

— Он ее дразнил, она совсем не кусается!

Что кричала собачка, вы сами понимаете.

Прибежали разные люди и кричали:

— Безобразие!

Тогда пришел сторож и спросил:

— Мальчик, ты ее дразнил?

— Нет,— сказал папа,— я ее укрощал.

Тогда все засмеялись, и сторож спросил:

— А как ты это делал?

— Я шел к ней и смотрел на нее,— сказал папа.— Теперь я вижу, что она не выносит человеческого взгляда.

Опять все засмеялись.

— Вот видите,— сказала дама,— мальчик сам виноват. Никто его не просил укрощать мою собачку. А вас,— сказала она бабушке,— надо штрафовать, чтобы вы смотрели за своими детьми!

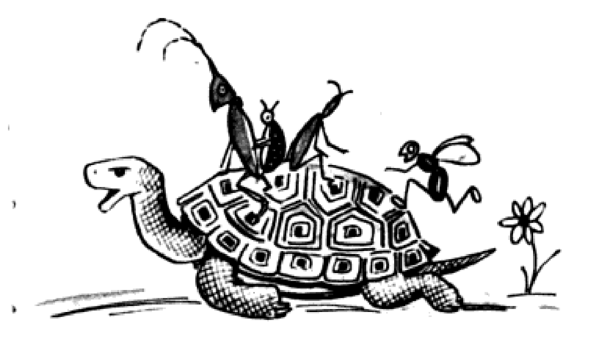
Бабушка так удивилась, что ничего не сказала. Она только ахнула. Тогда сторож сказал:

— Вот висит объявление «Собак не водить!». Если бы висело объявление «Детей не водить!», я оштрафовал бы гражданку с ребенком. А теперь я оштрафую вас. И прошу вас удалиться с вашей собачкой. Ребенок играет, а собачка кусается. Играть тут можно, а кусаться нельзя! Но играть тоже надо с умом. Ведь собачка не знает, зачем ты к ней шел. Может, ты сам хотел ее укусить? Ей ведь это неизвестно. Понял?

— Понял,— ответил папа.

Ему уже совсем не хотелось быть укротителем. А после прививок от бешенства, которые ему сделали на всякий случай, он совершенно разочаровался в этой профессии. Насчет невыносимого человеческого взгляда у него тоже было теперь свое особое мнение.

Леонид ПЕРВОМАЙСКИЙ

Черепаха

Крохотный чудной автобус
Еле всходит на откос...
Знаю: медленно ползет он
Оттого, что без колес.

Чудесный ящик

Что за ящик-говорящик
Подарил мне папа мой!
Расчудесный этот ящик
Не смолкает день-деньской.

Впереди — глазок зеленый
И мигает и горит.
Ящик мой неугомонный
То поет, то говорит.

Объясните — я такого
Не видал и не слыхал:
Нам сегодня ящик новый
Сказку, сказку рассказал!

Кто же заперт в ящик чудный?
Провода и лампы в нем...
Нет, понять нам это трудно,
Подрастем, тогда поймем!

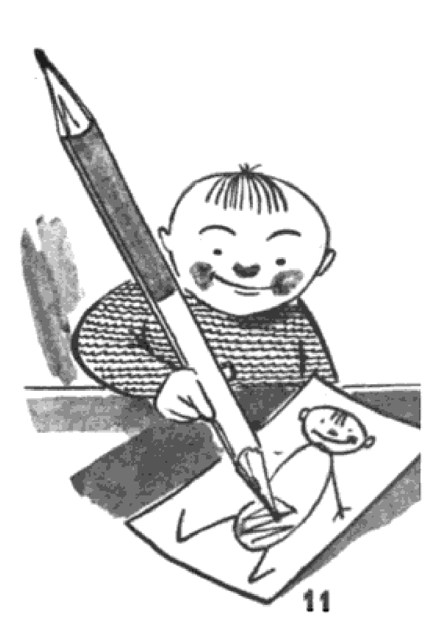

Вот он, красный карандаш,
Карандаш любимый наш!
Наострим другой конец —
Синий выскочит зубец.

Хорошо, что с двух концов
Карандаш ваш двух цветов.
Но ответь мне на вопрос:
Хорошо ли,
что в узорах
Щеки мастера и нос?

Перевела с украинского М. Замаховская.

Рисунки Г. Кованова.

Copyrighted material

В ЗАЛИВЕ ИЗ

Рассказ

Анатолий ТКАЧЕНКО

Рисунок П. НАУМОВА.

1

— Уеду...— говорит Кирилл Зацепин протяжно, с удовольствием и легким душевным надрывом, ложась в постель рядом с утомленной супругой. Он прислушивается к звучанию слова, прислушиваются жена, дети. Они знают, что это «уеду» касается всех, всей семьи. Кирилл по-другому не выражается. Его «я» дома не бывает личным. «Буду обедать»,— говорит Кирилл — и все за стол; «На баз пойду» — и все выходят во двор помогать отцу.

Но самое интересное — «уеду». Кирилл произносит его не часто и в минуты доброго, истомного расположения. А это случается после рюмки-другой или горячего разговора с председателем колхоза.

Школьники Ванька и Сонька привыкли к этому и легко воображают Волгу: большую деревню на берегу реки, старенький домик деда и бабки, сад с яблоками, огород с дынями. Точно, как рассказывала мать. Малыш Мишка и даже совсем маленькая Леля по-своему думают о Волге: что-то сладкое, теплое, как молоко, мерещится им.

И только старшая, семнадцатилетняя Марийка, спокойно отворачивается к стене: у нее много своих мыслей, дел и забот. Она работает в колхозе, учится в вечерней школе, ей нравится старшина милиции... «Отрезанный ломоть»,— сказал про нее отец. Может быть, поэтому она и не думает о Волге.

Сквозь окна просачивается в духоту дома прохладное шелестение моря, и Кирилл до подбородка натягивает теплое одеяло — греет простуженные морской водой кости. Он думает о том, как уедет, как пожалеет о нем председатель, как упадет сразу добыча анфельции. «Пусть, пусть, просить будут...» — шепчет он. Ему приятно от довольства, от сытости, от того... что он может и не уехать. Хе, зачем ему ехать, от добра добра не ищут... «А могу...» — бередит себя Кирилл и засыпает.

Дети спят «в локат» на полу, Марийка — на узкой железной кровати у открытой форточки. За стеной — двор, у прясла взмахивает подвязанным хвостом сивый конь, под навесом корова жует зеленую жвачку, куры бормочут на нашестах. В доме пахнет сеном и молоком, морем и рыбой. И пахнет анфельцией — горькой йодистой водорослью.

2

Кирилл Зацепин стоит на корме катера, широко расставив ноги. Он маленький, жилистый, с коричневым щуплым лицом и очень беспокойными глазами.

Справа и слева прижимаются к бортам катера тупорылые просмоленные плашкоуты. С катера и с плашкоутов спущены четыре трала; где-то в глубине они бороздят дно, срывают железными драгами анфельцию — желто-бурую водоросль, похожую на старый болотный мох. Чуть мористее еще два катера волочат черные посудины плашкоутов.

Пока тралы в воде, делать нечего, и Кирилл курит самокрутку, смотрит на спокойное сияние залива Измены и думает. Думает о разном, не торопясь, основательно. Сейчас, например, его интересует, каким был военный шлюп «Диана», когда лет сто пятьдесят назад вошел в этот залив на Кунашире; как стоял на палубе и смотрел в подзорную трубу капитан Головнин, а матросы ловко «гасили» паруса... Капитан увидел на берегу японцев. «На русской земле поселились»,— сказал он. Но пушки молчали на «Диане» — Головнин решил миром сойти на берег, все разузнать и попросить пресной воды для корабля. Японцы ласково встретили шлюпку, пригласили капитана в свою деревянную крепость, а там схватили его и посадили в железную клетку, как зверя. Уходила в море и снова возвращалась белая «Диана», дрейфовала в тумане, но капитана не дождалась. Помощник и друг Головнина — не помнит Кирилл его фамилии,— покидая Кунашир, плакал от горя, клялся отомстить японцам за измену. Капитана увезли в Японию, через два с лишним года только отпустили домой, в Россию. Много еще плаваний совершил он, адмиралом стал... А заливу этому теперь навеки дали имя «Измены» и поселок назвали «Головнино».

Про все это рассказал Кириллу приезжий корреспондент, с которым они долго курили на пристани и ловили удочкой камбалу. Нравилось корреспонденту камбалу ловить, пока тащит от самого дна, до нервности наволнуется.

Приятно Кириллу смотреть на широкую воду залива и знать, почему он так называется. Приятно задать кому-нибудь вопросик: «А скажи-ко, мил человек, что это за место — Головнино?..»

Ярко виднеются белые пемзовые берега, сверкающие раковинные кучи у самой воды — когда-то японцы добывали ракушки-гребешок,— сверху зелень и домики поселка. Кирилл хорошо, зорко видит маленькими глазами, отыскивает свой двор и вспоминает: «Ваньке бы надо купить ботинки, Соньке на платье штапелю, да и Марийку не мешало бы побаловать модными туфлями». Он прикидывает в уме, покряхтывает, с удовольствием думает, что все может, детям такой отец — клад, и обращается к соседу Петрову, по-волжски крепко «окая»:

Copyrighted material

МЕНЫ

— Иннокентий, как у нас в этом годе насчет деньжат-то будет?

Петров — человек необстоятельный и беззаботный: то картошка у него под снегом останется, то лошадь всю зиму на подножном корму — бамбуком пробавляется. Кирилл не ценит его слов, но поговорить может, для развлечения.

— Все нам достанутся, — врастяжку говорит Петров и просит табачку.

Кирилл не спешит отсыпать ему, подсчитывает в уме заработок, решает про себя: «Тыщ двадцать за сезон добуду — у меня прогулов нет». Потом глядит на часы и подает команду:

— Берем тралы!

Катер останавливается, мотор звонко стучит вхолостую.

Кирилл идет к лебедке, накидывает на вертящийся барабан кольцо стального троса и, когда барабан схватывает его, перебирая руками, оттягивает трос вниз и укладывает бухтой на палубу. Работа трудная, но привычная. На лице Кирилла крайняя серьезность. В эти минуты не мешай ему.

Трал, набитый анфельцией, похожий на огромную пухлую медузу, поднимается из кипучей зелени к левому борту катера, колеблется, дышит тонкими нитями водорослей.

Трос перебрасывают на стрелу лебедки, она напрягается, повизгивая, и тяжелый сетный мешок отделяется от воды. Как из сжатой губки, сочатся, шумят ручьи. Трал повисает над плашкоутом, кто-то дергает стяжной конец, анфельция легкими мокрыми пучками сыплется в трюм, но вот скапливается у драги, забивает выход. Ловцы теребят ее вилами, бьют палками, ругаются.

К катеру подтянут уже другой трал — надо торопиться.

— Эх вы! — нараспев, жалобно кричит Кирилл, перемахивает через борт плашкоута, лезет сверху в трал; держась за ячеи сети, он подпрыгивает на сбитой анфельции и вместе с нею проваливается в трюм. Выбирается наверх мокрый, облепленный рыжими водорослями, вытирает рукавом лицо и бежит к лебедке.

Ловцы разгребают вилами анфельцию, выбрасывают за борт осклизлых медуз и рубчатые раковины моллюсков, а рыбешек складывают в банку для ухи. Коричневые ленты капусты опутывают ноги, морские звезды желто рассыпаются вокруг, и какая-то голубая, зеленая живая мелочь копошится в пушистой массе; остро, дурманяще пахнет йодом и солью.

Снова зашипела вода, и над пустым правым плашкоутом повис тяжелый трал. Он был полнее первого, лебедка стонала от натуги, и в блоке дымился раскаленный трос.

— Зацепил Зацепин! — сказал свою шутку дядя Ефим, бородатый и одноглазый одессит. В селе он известен тем, что лет пять уже собирается уехать в Одессу, к старухе, но все остается: выжидает удачного сезона на анфельцию.

Кирилл молчит, ему некогда «лясы точить», к тому же он звеньевой и на шутки должен отвечать с разбором: одна шутка работе помогает, другая работу может остановить. «Зацепил Зацепин» — это ничего. Бывало, совсем дрянное что-нибудь выложит Ефим. Но и польстить он мог, когда хотел. Скажет к месту: «Звеньевой с головой» — и много удовольствия доставит. А вообще старик ядовитый, и Кирилл часто одергивает его. Теперь же сердито крикнул всем:

— Нажмем, робята!

Два других трала, спущенные с плашкоутов, быстро вытащили ручными лебедками — в них было меньше анфельции, и была она дымчато-нежная, молодая — легкие тралы сбивали только верхушки водорослей.

Кирилл сам осмотрел драги, приказал прибавить груза. Через некоторое время все четыре трала были сброшены в воду, и катер старательно, как смирный запряженный конь, пошел в обратную сторону, вспахивая мягкое морское поле.

Молодые ребята сняли рубашки, легли прямо на мокрую теплую палубу загорать. Старики, не торопясь, закурили. Кирилл подсел к Петрову, помыслить, поговорить.

— Иннокентий, — сказал он, протягивая замусоленный кисет,— вот мы, как слепые, дерем дно тралами, а что там, как там, не знаем. Этак и оголить все можно...

— Хватит ее!..— лениво отозвался Петров, щедро отсыпая на газетный лоскуток злющего самосаду.— Хватит...— повторил он, слюнявя край самокрутки.

Кириллу не понравилась беззаботность Петрова. «Какой-то сонный человек», — подумал он. Захотелось расшевелить его каким-нибудь терпким словом, да только вздохнул: «Не стоит себе кровь портить». Зато с председателем решил поговорить сегодня же вечером.

Разные люди есть, разный народ встречал Кирилл. Сызмальства рыбачил на Волге, потом воевал, после войны приехал сюда, на Курилы. И все среди людей... Есть люди добрые, до слабости мягкие, как вот капитан на этом катере, по своей доброте вечный бедняк: то племянники у него живут, то свояченицы, всех кормит, одевает, одинокой дочке с тремя детишками помогает. А самому и рубашку постирать некому: после смерти жены совсем осиротел. Только когда выпьет лишку, пожалуется кому-нибудь: «Заела, брат, меня родня...» Но недолго горюет, через минуту может спросить у соседа: «Не займешь ли мне два ста, Феньке послать, очень бедствует». Кто эта Фенька, как ему доводится — и сам толком не знает.

Совсем иной человек одноглазый дядя Ефим — хитрый, смекалистый. Работает хорошо, но не совсем правильную жизнь ведет: в Одессе жена караулит хату, а здесь он к одинокой бабенке прибился. Конечно, можно бы образумить бабенку, да попробуй подступись к ней. Как-то Кирилл заикнулся было, так она ему в ответ: «Поди за своей бабой следи, как бы и до нее Ефим не добрался!» Словом, остервенелая особа. Если переборет она Ефима, вековать ему на Кунашире.

Иннокентий Петров всем ничего человек, и в беде может последним поделиться, один у него изъян — ленца одолевает. И эту сонность, безынтересность не может ему Кирилл простить. Ловит Иннокентий анфельцию — хорошо, всю выловит — не заплачет, камбалу ловить будет, камбала кончится — на другую рыбу навалится, все выловит — ляжет и умрет. Однажды Кирилл спросил его: «Что добывается из анфельции, чем она хороша?» «Студень»,— сказал Иннокентий. Объяснил ему Кирилл, что не просто студень, а такой порошок — «агар-агар» называется, из него-то студенистое вещество выходит. А требуется этот порошок для мармелада, конфет, в медицине применяют. Или вот, скажем, холодец у хозяйки не застыл, подсыпь агар-агару — твердым станет. Ценный продукт... Удивляется Кирилл: как человеку не интересно все это? Как он может мокнуть в соленой воде, ловить анфельцию— рыжий мох, от которого першит в носу и горле,— если не знает, кому и зачем она нужна? Снулая душа у человека...

А Кириллу все хочется распознать. Он даже выведал у корреспондента не то сказку, не то быль про агар-агар. Давно, лет триста, а может, больше назад один японец сварил водоросли в горшке. Остудил свой суп и видит: из супа студень получился. Ел этот студень японец или нет — неизвестно, только горшок выставил во двор и забыл о нем. Выпал снег, наступила зима. А весной солнце подсушило двор, нагрело горшок, и на дне его забелел нежный, похожий на крахмал порошок. Удивился хозяин, потер в пальцах порошок и, наверное, больше не вспомнил бы о нем, но вскоре прошел дождь — и в горшке появился зябкий, водяно-чистый студень. Человек смекнул, в чем дело, и научился из водорослей вымораживать агар-агар. По-малайски агар — желе. Вот не поймет только Кирилл, почему малайское название. Может, малайцы еще до японцев добывали агар-агар?..

День разгуливается, солнце сушит палубу, белит ее солью, накаляются железо и медь. Ровно, неустанно трудится мотор, винт будоражит, мелко перемалывает воду. Пожилые ловцы дремлют в тени рубки, парни, покряхтывая, жарят на солнце черные, будто смазанные жиром спины.

Кирилл вынимает тяжелые карманные часы: они удобнее при морской работе,— смотрит и с хрипотцой от разморенности командует:

— Берем тралы!..

3

Кирилл идет с председателем, чуть отставая, и молчит. Слева от вулкана, из чащи и лесов, надвигается темень, справа играет последним светом тихий залив. Сутулая фигура председателя с закинутыми назад руками и опущенной головой горбато покачивается на белом фоне воды, а когда он широко перемахивает лужи, голова кланяется кому-то невидимому в сумерках.

Встретив на пристани председателя, Кирилл сказал ему: «Есть дело». Председатель ничего не ответил и зашагал в село. Кирилл увязался следом: он знал характер Васильича — говорить с теми, кто настаивает. Идти вот так они могут долго, до самого правления, если Васильич не свернет в свой двор. Но может случиться — он вдруг остановится и скажет: «Слушаю, товарищ Зацепин».

Их обгоняют парни и девчата, спешат в клуб, там уже крутят радиолу, и какая-то хорошая музыка тихо растворяется по селу. Музыка, наверное, очень хорошая, потому что Кириллу хочется взять под руку председателя и предложить: «Давай, Васильич, хватим по чарке да погрустим на чужбине, ведь оба мы саратовские». Но сдерживает себя: не любит Кирилл в панибраты лезть, да и на выпивку председателя подбивать не первое дело. Этак каждый начнет с ним пить, а потом сами же пьяницей назовем. «Иная музыка слабым человека делает, жалостливым»,— думает Кирилл.

Кто-то, не сворачивая, идет навстречу. Обозначается белый платок, белая блузка под накинутым на плечи пиджаком. Вместе с частым дыханием слышится немолодой женский голос:

— Васильич, это ты? Дело есть...

Председатель упрямо делает несколько шагов вперед, будто хочет пройти мимо, и, как бы споткнувшись, останавливается. Кирилл

Copyrighted material

упирается головой в его спину. Председатель смотрит во тьму, словно старается лучше разглядеть человека, посмевшего остановить его, молчит.

Женщина вплотную подходит к председателю, кажется, наваливается на него плечом, руки у нее, оттопыривая пиджак, вставлены «в боки». Кирилл немного отодвигается, думает: «Ай, Марья Анисимовна, гром-баба, опять шуметь будет!» Но Марья Анисимовна начинает непривычно тихо, зато решительно:

— Васильич, последний раз говорю: когда в пресс-цехе будут вентиляторы? От пыли задыхаемся, от вони балдеем. Трудное дело, да?.. Наверно, ракету легче запустить, чем нам вентиляторы поставить. Обещал — выполнить надо. В район писать буду, в область...

Председатель стоит сбычившись, смотрит себе под ноги, молчит. Женщина тоже на минуту замолкает, еще ближе придвигается и почти шепотом, сердясь, говорит:

— Пойми, дубовая твоя голова, не можем так работать! Тебе что, анфельция дороже или люди? Твоя же свояченица работает, а у нее ребенок грудной. Придет, бедняжка, покормить его — полчаса грудь отмывает: так пыль въедается. А в бригаде таких половина... Эх, голова!..

Марья Анисимовна, слегка толкнув председателя, грузно проходит мимо. Кирилл уступает ей дорогу, с восторгом и завистью смотрит вслед: «Гвоздь баба!» Кирилл не мог бы работать председателем: пришлось бы часто разговаривать с Марьей Анисимовной, а перед ней у него какая-то внутренняя дрожь, будто от легкого морозца. Может, стесняется он своего малого роста, малой смелости, может, слабеет перед трудной жизнью Марьи Анисимовны: в войну она потеряла мужа и двух сыновей и теперь живет одна.

Председатель коротко, натруженно вздыхает, с места берет крупный шаг. Они идут дальше, всплескивая лужами, гулко отбивая сапогами на сухих взгорках.

В конторе они садятся за стол друг против друга, тяжело облокачиваются, закуривают. Председатель оглядывает маленькую цепкую фигурку Кирилла, будто примеривается, как бы ловчее сшибить его со стула, потом спрашивает:

— Опять про «уеду» говорить будем?

Кирилл не ожидал такого вопроса, смутился и обиделся. Конечно, он припугивал иногда председателя, говорил, что уедет восвояси, в Саратов, но такого зла не ожидал от него.

— Хата у тебя есть? — ухмыляясь, продолжал председатель.

— Ну, есть...

— Корова есть?

— Есть.

— Лошадь есть?

— Есть.

— Огород есть?

— Есть! — распекаясь, выкрикивает Кирилл.

— Деньжата водятся. Налог не платишь. Чего ж тебе надо?

Кирилл вскочил, оперся кулаками на стол, но сдержался, вспомнив спокойный голос Марьи Анисимовны, тихо, отрывисто заговорил:

— Родина зовет, Васильич, потому и тоскую... Родная земля снится... Сердце часом схватит, душно будто ему станет, много здесь воздуху, а привыкнуть надо... А сам ты по ночам, наверно, подушку зубами рвешь, но крепишься, виду не подаешь. Чую тебя, души у нас одинаковы, волжские, одинаково окаем... Только гордый ты. Не все такие...

Кирилл сел, передохнул, сказал, глядя прямо в лицо председателю:

— А сколько уехало? Человек не дерево, его труднее пересадить...

Председатель опустил голову, нахмурился. Все знали, он до страха боялся слез и жалостливых слов. Кому удавалось растеплить его душу, видели, как слабел и мягчал Васильич, как наливались влагой его глубоко запрятанные глаза. В такие минуты он был тороплив, нерасчетлив, и кое-кто пользовался этим. Председатель люто ненавидел свою слабость, боролся с нею. И сейчас зверем уставился на Кирилла.

Кирилл махнул рукой и нарочито грубо, чтобы не подумал Васильич о нем плохого, сказал:

— У меня главнее вопрос. До коих пор мы, как слепые, дно будем царапать?..

4

Долго сидел лоб ко лбу с председателем Кирилл; спорил, ругался. И когда почувствовал, что легче стало на душе, вышел из правления. Разгоряченный, не застегивая пиджака, размашисто, насколько позволяли его короткие ноги, зашагал по середине улицы, подальше от колючих заборов и подворотен с цепными псами. Поостыв немного, остановился, закурил и огляделся; хотелось отпраздновать победу над Васильичем: все-таки он согласился вызвать специалиста, обмерить поле и глубину анфельции,— пропустить по этому случаю курильскую рюмку — граненый стакан, но у соседа Ефима было темно в хате. «Хитрая баба, рано тушит свет, гостей не любит», — незлобно пробормотал Кирилл и, теперь уже не спеша, пошел дальше.

Ночи на Кунашире, особенно в безлунье, черные, тяжелые; море чуть взблескивает звездной моросью, матово, как древние могильники, белеют раковинные кучи; воздух или стоит душной сыростью, или веско раскачивается и колеблет деревья, изгороди, прохожих на улице, а если поднимается ветер, жутко становится в темень: прибой угрюмо ропщет, деревья ухают, вздыхают, и кажется, кто-то невидимый хлестко бьет по стенам и окнам мокрыми полотнищами, вколачивает в избы едкий запах соли и водорослей.

Тяжелый воздух, тесные сырые леса, вязкая земля — все от тумана, влаги. Трудно новому человеку, вроде воздуха не хватает, испарина одолевает, усталость. А тут на беду выбросит клубы горячего пепла вулкан, вздрогнет остров, будто кто-то под ним с ноги на ногу переступит; поведет косяки в домах, полопаются стены, завоют ребятишки и бабы; и бежит человек назад, на родину, на сухую и твердую землю...

Кирилл не раз собирал пожитки, как-то даже корову продал и все-таки не уехал, остался, сам не знает толком, почему. Может, председатель уговорил (а уговаривал он по-своему, чаще так: «Валяй, валяй, только назад не просись!»), может, жалко стало теплого, сытного места. Может, еще почему-то... А это «почему-то» у Кирилла очень неопределенное, смутное. Порой ему кажется, что он просто привыкает к острову, и Кирилл пугается: «Неужто и умру здесь?..»

Дом Кирилла у самого берега, и дорогу к нему переметает песком. Издали хозяйка слышит шаги и угадывает, кто идет: дети, соседка или сам Кирилл. Под ногами сухо поскрипывает, а когда попадаются ракушки, слышится стеклянный треск; чем грузнее шаг, тем чаще треск.

За кустами тяжелолистого шиповника, у калитки, еле различимо виднеются две фигуры. «Кто бы это?» Кирилл идет быстрее, фигуры пригибаются, ручьем шелестит песок, и смутные тени вырастают поодаль, у забора. Слышится тихий говор мужчины и едва сдавливаемый девичий смех. «Марийка, ах, шельма!» — ворчит Кирилл и нарочито громко, чтобы заявить о себе, хлопает калиткой.

Сильно, вязко пахнет шиповником. Шиповник здесь особенный — стелющийся, густой и мягкий; ягоды к осени буреют и, словно крупный ранет, осыпают кусты. Бабы прозвали их курильскими яблоками.

Кирилл поднимается на крыльцо, останавливается и закуривает. Море чуть шевелится под берегом, густо наплывает запах анфельции, смешивается с ароматом шиповника, свежего сена на телеге, запахами двора. У забора горячо, торопясь, переговариваются Марийка и старшина. Они о чем-то спорят, смеются. Потом Кирилл слышит, как Марийка задыхающимся, счастливым и озорным голосом шепчет: «Пусти, пусти, кричать буду!..»

Кирилл воображает старшину. Рыжеватый чуб, новенькая фуражка — чуб распирает фуражку, и она сдвинута к уху, простецкое, можно сказать, крестьянское обличье, и телом крепкий, видать, в строгом семействе вырос. Значки на груди имеет, отличник по службе. «В колхоз бы его со временем, — соображает Кирилл. — Да и в семье такой — находка. Круто бы хозяйство поставили». Кирилл хитро улыбается: «Марийка не упустит, приведет старшину в дом. Зацепины цепкие до добра». Кирилл знает, как встретит старшину. Во-первых, руку пожмет так, чтобы тот просиял от удовольствия, потом о службе, о политике поговорит. Выпить — ни-ни. С этим не опоздаешь. Пусть знает, что выпивка для Кирилла — пустое занятие.

Кириллу хочется еще послушать тревожащие голоса, но он боится спугнуть молодых, быстро докуривает и гасит папиросу о каблук сапога. Минуту его взгляд привычно ощупывает черные громоздкие очертания вулкана: спокойно ли над кратером? Кирилл грозит пальцем вулкану, говорит: «Спи, старик»,— и толкает плечом дверь.

5

В доме душно, парно, кисло пахнет хлебом, молоком, заношенной детской обувью и свежим березовым листом — видно, хозяйка наломала новый веник. Малыши, сморенные дневными заботами, разметались на полу, громко и сонно мурлычет кот.

На столе белеет банка с молоком, лежит краюха хлеба. Кирилл подсаживается, не торопясь, звучно глотая, ест. В мокром, запотевшем окне искрятся звезды, от стекол веет ветерком, и слышится, как, захлебываясь, смеется Марийка.

Кирилл медленно раздевается, кладет на теплый припечек портянки и приваливается спиной к жене. Она вздыхает, что-то в полусне бормочет. Кирилл греет спину, млеет в тепле и вяло думает о длинном прожитом дне. Потом по привычке спрашивает жену: «Может, уедем?..» Долго ждет ответа. Тишина, тепло, сытые запахи успокаивают, усыпляют его. И, уже засыпая, вспоминает: «Ваньке ботинки, Соньке на платье...»

Южно-Сахалинск.

ВЕТЕР

Виктор БОКОВ

Едет ветер на бешеной тройке.
Кони ржут и поводья рвут.
Он бы мог и быстрее, но стройки,
Трубы фабрик ему не дают.

То заборы мешают, то доски,
То промышленные штабеля...
Вдруг он врезался где-то в Подольске
В белый-белый косяк белья.

Натянулись до звона веревки,
Чье-то платье слетело к ногам.
Закричали сороки-воровки:
— Что ты делаешь, хулиган?

Ветер на́ землю спрыгнул, опешил,
Оробел, взял коней под уздцы
— Кто белье это, граждане, вешал?
Выходите ругаться, жильцы!

В ожидании поединка
Ветер встал, головою поник.
Замечательная блондинка
Во дворе перед ним стоит.

— Озорство тебе я прощаю! —
И сияет от доброты.—
Что попадало — перестираю.
А сушить, извини, будешь ты!

— С удовольствием, ненаглядна! —
Отвечает ей ветер в упор.
И ресницы вдруг стали преградой
Выше самых высоких гор.

Перед взглядом ее окаянным,
Перед вьющейся силой кудрей
Ветер сделался постоянным
И сказал: — Распрягаю коней!

Copyrighted material

А ЗАВТРА СНОВА ДОРОГА

А. МОРОВ

Бобруйск. Готовы к отъезду.

Фото Г. Санько.

1. «Зоя» и «Маша»

Кроме водителя Володи Луцевича, нас в автобусе двадцать человек: шестнадцать актеров, помощник режиссера, костюмер, парикмахер и я — временно исполняющий обязанности помощника администратора Белорусского передвижного драматического театра.

Постоянная база театра — в Бобруйске, но там он бывает мало: два — два с половиной месяца в году. Остальное время театр проводит в гастролях по городам и селам республики.

Мы уже больше недели в пути. Движемся по Могилевской области. Позавчера театр выступал в Климовичах, вчера давал представление в Кричеве, сегодня наш путь на Чаусы. В репертуаре пьеса белорусского драматурга П. Василевского «Любовь, Надежда, Вера» и комедия С. Нариньяни «Опасный возраст».

Весна. Дороги раскисли, двигаться трудно. Не всегда предпочтение может быть отдано кратчайшей. Вот и на сей раз Луцевич предпринял большой объезд, чтобы хоть часть пути пройти по гудронированному шоссе. Это удлинит наше путешествие, однако Володя знает, что делает: не впервой!

— Вот уж кого не ждал по такой дороге! — признался, увидев нас, директор Чаусского Дома культуры Ф. Козлов.

— Где же это слыхано, чтобы наша «Зоя» отступала перед трудностями! — парирует старейшая в труппе, никогда не устающая и не унывающая Татьяна Андреевна Бондарчик.

«Зоя» — это автобус, на котором мы приехали. В театре есть еще один. На днях он подвезет к нам артистов, которые подготовили драму Ремарка «Последняя остановка». Тот автобус называется «Маша». Так любовно окрестили автобусы сами актеры. Для них они и впрямь как одушевленные существа — верные друзья и помощники... За четыре с половиной года существования театра машины пробежали, по подсчетам Луцевича, около миллиона километров.

2. Бывают и камни преткновения

Чаусы — районный центр. В прошлом году здесь отстроили Дом культуры — загляденье! Прекрасный зал на четыреста мест, отличное фойе, комнаты для занятий кружков. И вот только сцена... Хотя сначала следует рассказать, что произошло еще до того, когда рабочие принялись устанавливать декорации.

Конечно, искусство даже в таких местах, как Чаусы, нынче не в диковину. Тут есть свои певцы, музыканты, танцоры, актеры. Да и республиканская филармония регулярно появляется то с камерным концертом, то с эстрадным. И все же приезд настоящего театра на гастроли всегда праздник! Для всех, только не для некоторых клубных руководителей. Почему?! Причина грустная: перевыполнение плана по киносеансам может принести премию, а спектакль — даже самый хороший — ничего не дает.

Но первые трудности наконец позади. Коллектив театра, несмотря на скверную погоду, явился вовремя. Я проверил и убедился, что оставленная мною реклама развешена, касса работает нормально, зал и фойе прибраны. Костюмер Е. Алашеевская может раздать участникам спектакля гардероб, а ее дочь, парикмахер Люда, подготовить парики и бороды; актеры —одеваться и гримироваться, а рабочие — начать готовить сцену к представлению. Жаль, что сцена-то эта не ахти... Хотя, если смотреть из зала при закрытом занавесе, то сцена как сцена. Высокая, широкая. А изнутри со всех сторон обгрызана по вине незадачливых изобретателей проекта клубных сцен... Рабочие злятся, и правильно!

Но худо ли, хорошо ли, оформление установили; дали звонок. Спектакль начался. Надо сказать, прошел он успешно, хотя из-за тесноты на сцене исполнители не раз спотыкались о декорации. Публике понравились актеры. Особенно большое впечатление оставила наша молодежь — выпускники театральных студий Минска, Витебска, Бобруйска — Л. Барановская, Э. Деревцова, В. Гурченков, М. Саевич, Г. Вавуло.

Из исполнителей старшего поколения выделились интересным решением образов воспитанницы Театра имени Янки Купалы — В. Деменкова и Л. Мацкевич, а также одна из любимейших зрителем старых актрис Белоруссии Т. Бондарчик.

3. Немного о быте

Жизнь на колесах — трудная жизнь, но есть в ней своя прелесть. Марина Саевич находит ее в близости к природе. Старый актер Борис Сергеевич Соколов — в общении с новыми людьми, которых всегда встречаешь в дороге. А Георгий Вавуло радуется тому, что именно в небольшом коллективе передвижного театра он может играть, играть, играть...

С юных лет сцена была его мечтой, его страстью. Он окончил студию при Театре имени Янки Купалы, а оттуда — сразу в Бобруйск и, что называется, с места в карьер получил роль Пропотея в «Егоре Булычове». Потом пошли другие роли: Шелест в «Весёлке» Н. Зарудного, Шаркун в пьесе П. Василевского «Человек вернулся», Мишка в «Опасном возрасте».

Переезды, спектакли, репетиции отнимают у всех много времени. Но все равно есть часы, когда каждый делает то, что хочет. Понемногу я узнаю привычки и склонности своих новых товарищей.

Оказывается, Валентина Сергеевна Деменкова не только талантливая артистка, но и отличный кулинар. Даже в трудных походных условиях она умеет испечь превосходное печенье. Я, как и все, угощался им и могу засвидетельствовать: оно великолепно!

А Татьяна Андреевна любит вязать и вышивать.

— При этом занятии,— говорит она,— только и сосредоточишься как следует на роли, которую предстоит играть.

Вот и сейчас она затеяла какую-то новую салфетку и углубилась в размышления о спектакле.

Что же касается Бориса Сергеевича Соколова, то он, как выяснилось, страстный любитель породистых собак. Узнав, что в Кричеве кто-то продает месячного щенка-овчарку, он не удержался, пошел посмотреть и... купил. Щенок в самом деле прелестный. Все его таскают на руках. Это несказанно огорчает Бориса Сергеевича:

— Ведь так можно совсем испортить собаку!

Только и надежды, что кто-нибудь поедет в Бобруйск и щенка можно будет отправить домой, к жене...

А Геннадий Бессонов и в довольно тесном общежитии районной гостиницы не оставляет привычки, приобретенной им еще в минском театральном институте,— регулярно заниматься физкультурой. Когда бы ни легли накануне, утром он — хоть гром греми! — занимается с трехкилограммовыми гантелями. А другой наш молодой актер, Анатолий Вареник, орудует шестикилограммовыми!..

Есть в коллективе и общие пристрастия. Например, книги. Они имеются буквально в каждом чемодане, но пыл приобретательства не остывает. Присоединившийся к нашей группе директор театра Петр Евтихиевич Капилюшный разыскал в культмаге «Воспоминания» С. Ю. Витте. Узнав об этом, следом за ним в магазин бросился артист П. Романов. Достал и с гордостью демонстрирует всем свое приобретение. Марина Сае-

Copyrighted material

вич купила двухтомник Хемингуэя, Т. Бондарчик — сборник иранской поэзии... Чемоданы пухнут, багаж становится все увесистее. Что будет к концу гастролей, даже трудно себе представить!

А в последние дни всех охватила шахматная лихорадка, идет азартное турнирное состязание. И не следует думать, что спортивные страсти, которые вокруг него разгорелись, слабее, чем были на матче-реванше между Ботвинником и Талем.

4. Зритель высказывается

Новый день — новая дорога. На этот раз она ведет нас в Краснополье. Тут Дом культуры хоть и поскромнее, но прием куда более сердечный, чем в Чаусах. Да и сцена поудобнее.

С утра в райкоме партии пленум, и среди зрителей много делегатов, прибывших из окрестных колхозов. Идет «Любовь, Надежда, Вера» — пьеса, вызывающая самые различные суждения. Делегатам пленума захотелось самим посмотреть и оценить ее. Меня попросили обязательно оставить для делегатов часть билетов, и я охотно это сделал. Когда представление окончилось, в зале состоялась никем не подготовленная, «самодеятельная» зрительская конференция.

Комсомольский работник Клара Дорощенко сказала, что спектакль ей в общем понравился. Особенно хорошо она отозвалась о постановщике спектакля — главном режиссере театра А. Аркадьеве.

Механизатор Петр Слобода и колхозник Алексей Славников положительно оценили достижения актерского коллектива: очень хвалили воспитанника минского театрального института Н. Ермоленко и старого белорусского актера Н. Михайлова.

— Низкий поклон актерам от колхозников,— сказала звеньевая из колхоза имени Жданова Александра Леля. — Они делают великое дело, и мы горячо благодарны им. Но и поспорить хочется с театром! Пьеса-то не стоит актерских усилий! Автор уж очень легковесно подходит к жизни.

Впечатление от искренней речи Лели не изгладилось и позднее, когда зрители уже ушли. Работники театра все еще продолжали разговор. Мнения по поводу пьесы П. Василевского разделились, но в одном сошлись все: к выбору репертуара надо подходить с большей требовательностью. А то ведь наряду с «Егором Булычовым», «Дядей Ваней», «На бойком месте», «Разоренным гнездом» Янки Купалы, наряду с такими хорошими советскими пьесами, как «Мстислав Удалой», «Иван Буданцев», «Веселка», порой появляются произведения весьма сомнительного идейного и художественного значения. Тут и старая-престарая мелодрама «Семья преступника» и с виду современная «Нечистая сила» Г. Стефанского, «Тени исчезают» С. Свиридова...

Разговор о репертуаре принял серьезный характер. После долгих обсуждений приняли для постановки к XXII съезду КПСС пьесу В. Лаврентьева «Ради ближних своих».

5. Это — дело доброе!..

Товарищи, занятые в спектакле «Последняя остановка», привезли всем нам вести из Бобруйска, письма и приветы от родных и знакомых...

Получив поручение дирекции, выезжаю со второй группой на цементный завод. Там надо договориться о показе «Опасного возраста» в Доме культуры, оформить продажу билетов, присмотреть за порядком на контроле.

Везет нас «Маша»...

На заводе театр встречают, как старого, доброго друга. Зрители вспоминают прошлые приезды коллектива, спектакли, которые он привозил. Стараются в исполнителях новых ролей узнать уже знакомых актеров.

Улучив свободное время, и я смотрю спектакль. Группа профессионально крепкая. Большое впечатление оставляет Л. Федченко. Раньше я видел ее в водевиле. А тут вдруг Анна Вальтер. И какая!.. Глядя на сцену, я забыл о моем «официальном положении» в театре и вместе со всем залом горячо аплодировал незаурядной актрисе.

Хороши и А. Аркадьев — Кох, Г. Лавров — Росс и П. Мастеров — обершарфюрер Шмидт.

Эти актеры — создатели и ведущие мастера коллектива — люди большого сценического опыта и дарования. Несомненно, талантлива и самая молодая в группе недавно пришедшая сюда из Пинского народного театра Л. Жужома, ярко сыгравшая роль Греты.

...Теперь, когда весь коллектив оказался вместе и общий выбор остановился на пьесе «Ради ближних своих», работа над ней оказалась в центре всех интересов. Свободного времени, которого и так было мало, стало и того меньше. Днем идут репетиции, по вечерам — спектакли. Даже сидя в автобусе, актеры заглядывают в тетрадки, задают вопросы режиссеру. То и дело вспыхивают споры. Спорят с автором, с постановщиком, между собой. Спорят подолгу, порой непримиримо! Но это хорошо: творческие споры. Они помогают выделить главное, отбросить ненужное, придать спектаклю единое дыхание.

А тем временем и жизнь и дороги движутся своим чередом...

Обязанности помощника администратора привели меня в деревню Веприно. Деревня большая — 460 дворов, а давненько уж не было здесь спектакля.

В сельсовете разговорился с председателем С. Максименко. Держится вяло, говорит как-то нехотя.

— Да, с прошлого года никто не приезжал... Почему? Кино у нас больше успехом пользуется. Помещение всегда занято.

Все же согласие на спектакль в конце концов получено. Захожу в клуб. Помещение не прибрано. Зал большой, душный и неуютный. Мало скамей, многие поломаны. Нашел сторожа. Зовут — Тит Кругликов. Говорю ему, что приедет театр.

— Это который,—спрашивает,— из Бобруйска?.. О, знаем такой! Он к нам уже приезжал. Жаль только, что редко. Живут колхозники — грех жаловаться. Сало есть, мясо есть, молоко есть. А вот культуры пока маловато.

— Так ведь у вас,— говорю,— всегда помещение занято?

— Что ж, что занято! Для театра должно быть свободно! Театр — это дело доброе... О развитии жизни хорошо рассказывает, всегда посмотреть интересно!

Мне, грешным делом, показалось, что дед Кругликов говорит о театре с бо́льшим интересом и с бо́льшим пониманием дела, чем председатель сельсовета...

В день спектакля клуб буквально ломился от зрителей. Многие приносили с собой стулья из дома.

...А после представления устроили за кулисами импровизированный банкет. Чествовали своего товарища — скромную и всегда обязательную Людмилу Петровну Алашеевскую — «распорядителя бород, усов и париков», заведующую театральной парикмахерской. Ей в этот день исполнилось 29 лет.

Присяжный поэт театра Георгий Вавуло прочел сочиненные им к этому событию стихи. Товарищи поднесли имениннице красивую вазу. Как на всех банкетах, произносили тосты — серьезные и шуточные. Было очень тепло и дружно.

Затем вернулись в гостиницу, чтобы завтра с утра продолжить репетиции, а вечером снова выехать на спектакль.

МАРТИРОС САРЬЯН

Я знал, как ехать к Сарьяну, и не записал адреса, но мы явно заблудились. К остановившемуся в узком кривом переулке автомобилю подошли люди. На вопрос: «Куда вам?» — мы ответили, что просто не туда попали, и стали разворачивать машину.

— А к кому вы? — допытывался какой-то старик.

— К Сарьяну.

— Художнику?

— Да, к художнику.

И старик тут же объяснил нам, что это отсюда за два квартала, в маленьком переулочке, и посоветовал, как проехать. Привлеченные машиной, любопытные школьники наперебой предлагали проводить нас.

— Сарьяна мы знаем все, — гордо сказали дети.

Да, Сарьяна здесь знают все. Его глазами видят Арарат, вырисовывающийся вдали, словно фон для новых прекрасных домов Еревана из кремового, оранжевого, палевого — всех оттенков желтого и розового — туфа. Яркие, сверкающие, насыщенные цветом горы плодов и овощей на рынках воспринимаются как натюрморт Сарьяна.

Натюрморт значит «мертвая природа». Но у Сарьяна в каждом натюрморте — жизнь. Насыщенные солнцем сочные плоды Армении, янтарные гроздья спелого винограда. И всегда сияющие краски. Зной летних полей, весенняя, какая-то праздничная зелень, свежее дуновение ветра с покрытых снегом вершин — все это ощущается почти физически...

Лауреат Ленинской премии Мартирос Сергеевич Сарьян — выдающийся советский художник старшего поколения. Он родился в 1880 году. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

У основных своих учителей — В. Серова и К. Коровина — после училища Сарьян работал в мастерских еще полтора года.

Молодой Сарьян совершил несколько путешествий на Восток: побывал в Турции, Иране, Египте. В дореволюционном творчестве Сарьяна картины на темы Востока занимали значительное место. Они, правда, не повторяли модных в то время картин экзотического Востока, но в них цвет подчас условен и решение — плоскостное. Однако там уже видна яркая человеческая индивидуальность, своеобразная манера письма, которую не могли не оценить в молодом художнике.

Прошли многие годы исканий и творческих успехов, огорчений и раздумий, прежде чем художник, прошедший школу требовательного и великолепного Серова, стал не учеником, а мастером, поборником реалистического искусства.

«С 1908 года я стал на путь реализма», — писал Сарьян. Картины его вызывали споры и дискуссии, и все равно художник, мастерство которого с каждым годом становилось все более зрелым, завоевывал признание не только в Советском Союзе, но и за рубежом. В 1924 году в Венеции работы советских художников были впервые показаны на международной выставке. Картины Сарьяна были в числе лучших работ, представляющих за границей советское искусство, а сам Сарьян был в составе советской делегации.

Искусство Советской Армении немыслимо без Сарьяна. Его влияние видно во всей современной армянской живописи, в художественных школах Армении, в особом жизнеутверждающем ощущении пейзажа, в восприятии света и цвета, в элементах декоративности. Как некогда говорили о «болонской школе», или о «школе Рафаэля», так можно говорить об «армянской школе», или «школе Сарьяна». А картины самого Сарьяна ни с кем не спутаешь. Его натюрморты не похожи ни на чьи другие: в них чувствуется «душа», а не только оболочка цветов и плодов. От его пейзажей веет зноем армянского лета и свежестью весны.

Картина Сарьяна «Колхоз села Кариндж в горах Туманяна» написана в 1952 году. Именно такова горная Армения. Величественные, суровые горы, а между ними, в ущельях, обработанные поля. Как тонко освещение картины и как выразительна ее композиция!

Сарьян любит писать портреты. Он пишет их без эскизов и набросков, сразу, под свежим впечатлением. Совсем недавно Сарьян закончил портрет американского писателя В. Сарояна, приезжавшего в Ереван, чтобы побывать у художника.

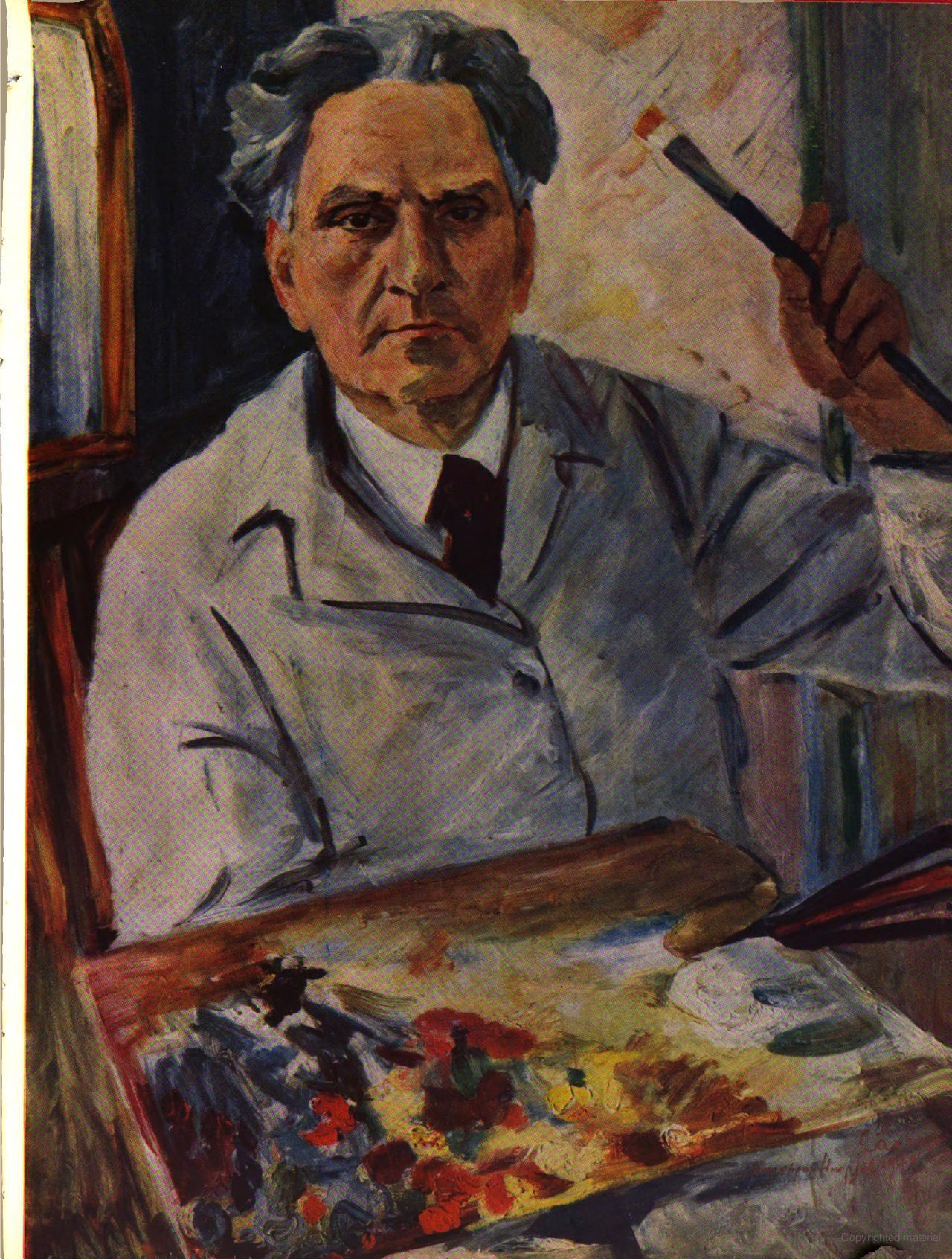
Сарьян полон творческих сил. Глаз его зорок, рука тверда, и краски покорно ложатся на холсты, воспевающие жизнерадостную любовь к родной стране и ее людям.

И. УРАЗОВ

→

М. Сарьян. АВТОПОРТРЕТ.

Copyrighted material

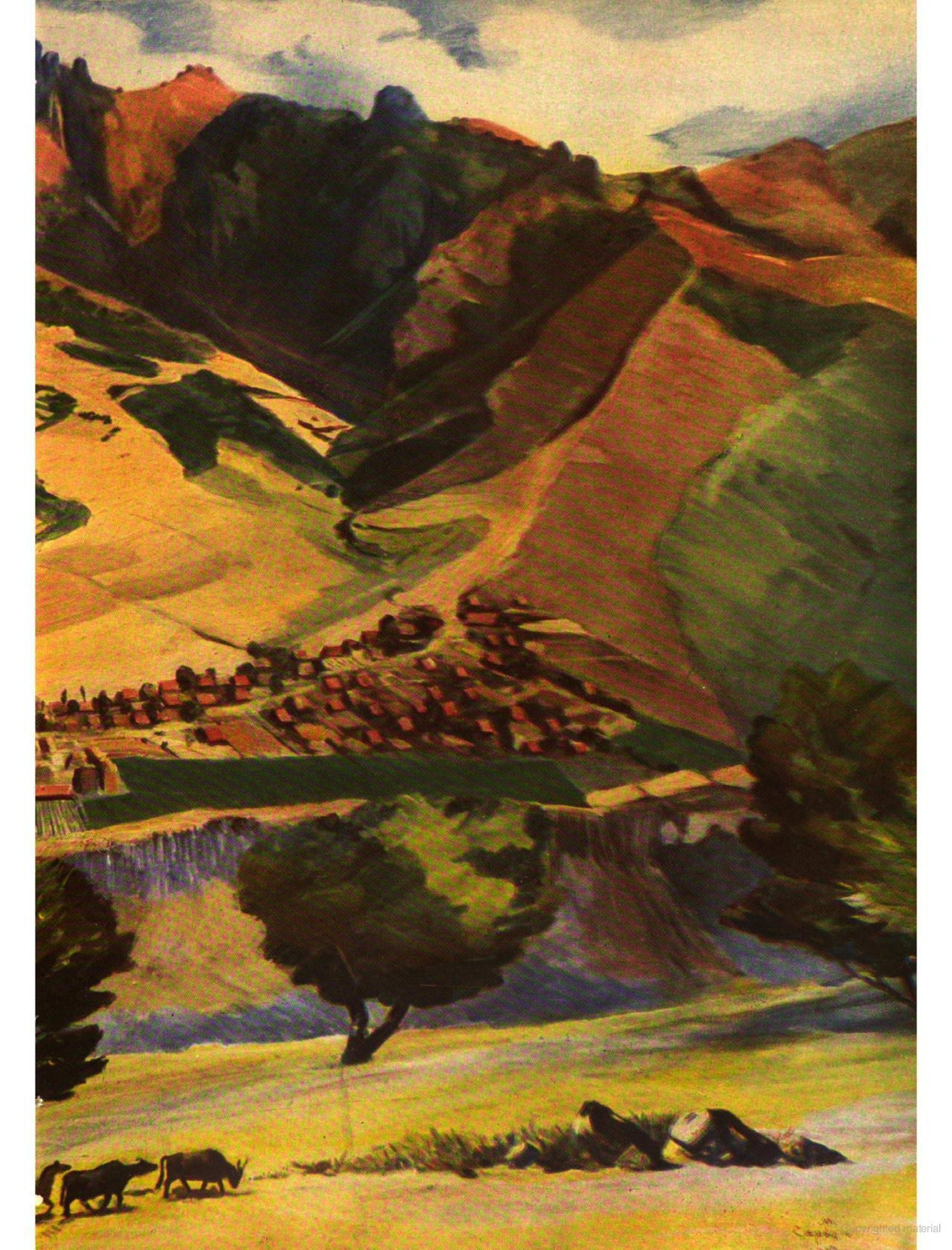

Copyrighted material

М. Сарьян.

КОЛХОЗ СЕЛА КАРИНДЖ

В ГОРАХ ТУМАНЯНА.

copyrighted material

М. Сарьян. СБОР УРОЖАЯ. Фрагмент.

Copyrighted material

Мелочи жизни

НЕОБЫЧНОЕ ЗАДАНИЕ НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ

Моя должность — воспитатель

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Улица называется Строительная. Там, где она пересекается с широкой улицей имени 40-летия Октября, за газетным и табачным киосками, позади продмага, в глубине участка, стоит стандартный приземистый оштукатуренный дом, возле которого прошлой осенью комсомольцы посадили несколько ясеней и липок. Это и есть общежитие № 23 треста «Соколоврудстрой». Уже несколько дней я работаю в нем воспитателем, заменяя постоянную воспитательницу, уехавшую в отпуск на юг.

Еще темно. У входа нетерпеливо урчит машина с брезентовой крышей. Мои подопечные — рабочие парни в широких монтажных поясах и с цепями через плечо — выходят на улицу. Их ждут участки, ждут развезенные по трассе, еще лежащие на земле столбы силовых и осветительных линий, трансформаторы открытой подстанции, где потрескивает в воздухе голубая корона, путаница еще не скоммутированных проводов, не смонтированных щитов... Парни — электромонтажники. Сейчас дежурная машина развезет их по рабочим местам.

— Счастливо поработать, ребята!

— До вечера!

Возвращаюсь в дом. Длинный коридор слабо освещен. За монтажниками торопятся сварщики, слесари, электромонтеры. Застегивают куртки, нахлобучивают шапки.

— Дождь? — спрашивают. — Вернемся мокрые, а сушилка все еще не работает. Завелинский только обещает...

И я слышу упрек в этих словах.

Одна из моих обязанностей — проверять вместе с комендантом санитарное состояние комнат.

Комендант Вера Митрофановна Франчук настроена пессимистически. Комендант не верит, что когда-нибудь можно будет научить аккуратности этих электроразбойников, то бишь электромонтажников.

— Смотрите,— со вздохом отчаяния показывает Франчук на разбросанную по койкам одежду.— Сколько раз говорила... И ведь шифоньер есть!.. Вчера пол мыли, а сколько уже грязи нанесли!.. Розетки на кухне вырвали, а чай кипятят в комнатах... Коврик весь в пятнах!

Возмущение Веры Митрофановны можно понять. Но я думаю, что корень зла здесь не только в недостатке культурных навыков у молодежи. И одними моралями дела здесь не поправишь.

О свежей сорочке и прочем холостякам приходится заботиться самим. Зайдешь в комнату, видишь: парень, голый до пояса, сидит на табурете и стирает в лохани, поставленной на другой табурет. Отжав сорочку, трусы, носки, аккуратно развешивает выстиранное на веревочке, протянутой от стены к стене.

— Почему в прачечную не отдаете?

— Э-э... неделю будут держать, если не больше. Спецовку еще можно отдать, но сорочки — нет... Засунут в машину — изорвут.

Все любят красный уголок: там можно посидеть в тишине с книжкой, с журналом или за шахматной доской.

Вот бы к этому домашнему клубу еще и маленькую домовую прачечную и гладильню с несколькими электрическими утюгами, чтобы за полчасика отгладить себе брюки, рубашку, галстук.

Днем ребята обедают на участках. Вечером хочется им неторопливо попить чайку, спокойно поужинать в домашней обстановке, а не идти куда-то в городскую столовую, занимать очередь, глотать еду в шуме, сутолоке.

Как-то заглянул я в общежитие № 7 по Пионерской улице. Хозяин общежития — горнообогатительный комбинат. В доме светло, тепло, чисто, уютно. Есть где развлечься, где приготовить уроки.

Рано утром открывается домовая кухня-столовая, она занимает две смежные комнатки. Перед работой здесь подкрепляются горячим завтраком. Вернутся вечером из карьеров и цехов — домовая кухня опять открыта: садись, друг, ужинай!.. Повариха знает всех столующихся по имени, даже вкусы каждого изучила. В меню вкусные и недорогие блюда. Никакой толкучки. Ужинают, пьют чай за легкими алюминиевыми столиками, на которых стоят тарелки со свежим хлебом.

Но почему нельзя сделать так и в общежитии № 23 и в десятках других общежитий?

Я уже немного знаком с Иосифом Семеновичем Завелинским, начальником строительно-монтажного управления «Казэлектромонтаж», где работают все жильцы моего общежития. Чуть свет — его уже нет в конторе: «выехал на объекты». Оперативный, напористый хозяйственник. Жаль только, что триста — четыреста метров, отделяющих контору от общежития, для Иосифа Семеновича — слишком большое расстояние. Редко видят начальника молодые рабочие в своем доме.

И таких хозяйственных руководителей, как Завелинский, в Рудном немало. На собраниях звонко призывают: «Сделаем наш город городом коммунистического труда и быта!» Но им недосуг по-человечески вникнуть в простые, житейские нужды молодежи. А профсоюзные активисты и молодежные организаторы не всегда говорят об этом руководителям прямо, без обиняков — не хотят «портить отношений».

Когда я только приступил к работе, мне посоветовали: «Опирайтесь на комнату № 14. Там ядро актива».

И первая дверь, в которую я постучался, была дверь комнаты № 14. Она расположена в конце коридора, самая уединенная, спокойная. Тут живут комсорг управления сварщик Иван Селезнев, член партийного бюро кузнец Евгений Раенко, член цехкома и бытового совета монтажник Андрей Осыка. Все передовые производственники. На работе они общительны, боевиты, всем горячо интересуются, а здесь живут как бы на островке.

Собирались всей комнатой отметить день рождения Селезнева, пригласили и меня. Я принял приглашение. Никого из других комнат в такой радостный день Иван Селезнев к себе не позвал. И никто из так называемого «пассива» не зашел поздравить комсорга с двадцатипятилетием.

Что же это за «пассив»!

...Между пятью и шестью общежитие полно шума и движения. Кто принимает душ, кто бреется, кто рассказывает друзьям о случившемся за день. Раздаются взрывы смеха. Сидят на койках полуголые, дают дышать коже («За день надоест в этих фуфайках»).

Часам к семи становится значительно тише. Многие уходят на занятия в вечерние школы, на курсы. У других — репетиции в кружках Дома культуры. Наконец, сердечные дела. Тоже требуют времени, внимания и не позволяют молодым людям преждевременно становиться домоседами.

И все же общежитие никогда полностью не пустует.

В нашем красном уголке — диван, несколько стульев, шкафчик с книгами, на длинном столе — подшивки газет и журналов, коробки с играми. Некоторые из парней, коротающих вечер дома, заходят только почитать или найти партнера для шахмат. Но немало и таких, что ищут душевного разговора, нуждаются в общении с человеком, что-то знающим, имеющим некоторый житейский опыт.

...Всегда чем-то возбужден девятнадцатилетний Анатолий Ткач. Войдет с улицы, не присаживаясь, даже не снимая кепку, возьмет газету, мельком взглянет, бросит. Из книг выбирает только те, что про войну. Раз спросил он меня, как дела на Кубе, сказал, что мечтает когда-нибудь поехать туда: «Я в кино видел. Мне там все нравится». На нем новое полупальто-«москвичка», в карманах семечки — любитель пощелкать. Учиться не хочет. Сирота. До Рудного жил в маленьком городке на попечении теток. «Пока тетки пенсию за меня получали, относились хорошо, а потом я им надоел...» Одинок, ни с кем не дружит, вечерами бесцельно слоняется по улице...

Вчера уговорил Анатолия сходить в Дом культуры — послушать приехавшего из Москвы ученого, Н. В. Мельникова, крупнейшего в Советском Союзе авторитета по горному делу. Сидели на лекции рядом. Анатолий спросил: «А без вас меня сюда пустят?» Я объяснил, что надо сделать, чтобы получить абонемент на лекции народного университета культуры. Сейчас Анатолий с детской гордостью вынимает из кармана книжечку абонемента, показывает мне: «На той неделе будут про музыку говорить».

...То весел, то впадает в уныние Валерий Ивченко — сын железнодорожника из Донбасса, худенький, зеленоглазый, с усиками на пухлой мальчишечьей губе. Свитер подпоясан ремнем с большой военной пряжкой. Окончил десятилетку, потом ремесленное, очень развит, склонен к иронии. Девушка, с которой дружил в детские годы, перестала ему писать. Отсюда — мрачные взгляды на любовь вообще. Валерий считается «пассивом». Не состоит ни в бытовом совете, ни в редколлегии стенгазеты. Комсорг Иван Селезнев отзывается об Ивченко с холодком. Оказывается, в первые дни, когда Ивченко только приехал из ремесленного училища, он допустил несколько прогулов, был за это понижен в разряде. Но знаю я и другое. Знаю, что Валерий ездил в отпуск домой, в родной Старобельск, что отец крепко поругал его за прогулы. Вернулся он в Рудный с желанием стать другим. И сейчас работает добросовестно. Мне нравится, что он помогает вечернику Николаю Точнову решать задачи по алгебре, что он выпиливает из фанеры книжную полку для всей комнаты. Есть у него затаенная обида. Почему до сих пор держат его на третьем разряде? Почему дают простую работу на заготовительном участке, когда у него определенная специальность — электрослесарь по ремонту и монтажу оборудования? Обещаю поговорить с начальником управления. Потом долго толкуем о человеческих взаимоотношениях, о понятиях совести и долга...

...Нет, кажется, интересов, практических целей в жизни у малоразговорчивого, угрюмого Бориса Ларина. Несколько месяцев назад Борис заболел. Соседи по комнате, Петр Казакевич и Кирилл Евстафьев, собрали товарищу денег и помогли съездить на курорт. Он

Copyrighted material

вернулся поздоровевший. Для Бориса соседи по комнате — самые близкие люди. Но Казакевич и Евстафьев ходят по вечерам в школу, а он нет: не дается математика. И к спорту равнодушен, и книг не читает. Целый вечер томится в общежитии — не знает, куда себя девать: «Вот вернутся ребята — будем разговаривать».

Хорошо, что двое здоровых позаботились о лечении и отдыхе третьего, менее крепкого физически. Но пусть эта забота пойдет и дальше, пусть друзья-товарищи побеспокоятся не только о физическом здоровье живущего рядом... Сегодня же поговорю об этом с ребятами.

Драмы могло и не быть

Много парней с Украины, с Урала, есть сибиряки, воронежцы, белорусы. Там, в родных городах, рабочих поселках, степных селах, остались первые увлечения. Иногда завязь юношеских чувств оказывается прочной, устойчивой. Девушка отвечает на письма. Юноша проводит с ней отпуск. И вот уже возвращается с молодой женой... Но такие случаи редки.

Слышал на днях такой разговор:

— Я бы пошел познакомиться с девчатами в шестнадцатое общежитие, да ведь там уже торчат кто понахальнее. С ними свяжись...

— А ты не тушуйся. Чего их бояться!

Было время, когда милицию бесконечно вызывали к женским общежитиям.

И теперь еще не перевелись в городе хулиганы, которые по вечерам, подвыпив, ломятся в подъезды женских общежитий, лезут в окна, безобразничают. Комсомольцы-дружинники не устают бороться с этой разнузданной публикой. Но дело не только в хулиганских нравах.

В нашем общежитии живет молодой монтер Василий М., не так давно осужденный народным судом на три года условно и взятый рабочим коллективом на поруки.

Василий М. стрелял в своего соседа по койке Юрия Щ. из монтажного пистолета. Такими пистолетами в бетонную стену молниеносно вкрепляются («пристреливаются») мелкие металлические детали, шпильки-дюппели, гвозди. Пистолет ускоряет и облегчает работу, но из него можно и убить человека насмерть.

Что привело юношу из хорошей рабочей семьи, скромного, дисциплинированного, учащегося вечернего техникума, что привело его на край нравственной гибели?

Он полюбил первый раз в жизни. Полюбил девушку-монтера Розу. Роза старше Василия почти на четыре года, она успела уже окончить техническое училище. Восхищался Василий и красотой девушки, и сноровкой в работе, и живостью ее ума; любовь заставляла его прилежно заниматься. Подаренная фотография Розы висела на стене над койкой Василия.

И вот однажды такую же фотографию он увидел над койкой своего товарища — Юрия. «Сними!» — потребовал Василий. «Не сниму! Она мне тоже подарила!» Василий сам же познакомил Юрия с Розой, они втроем ходили в кино.

Юрий Щ. — другой характер: не романтик, напористый, грубовато-самоуверенный. Добившись некоторого внимания Розы, он тут же предложил девушке выйти за него замуж. Та заколебалась. Согласия не дала, но и не отвергла ухаживаний парня: он был ей ровесник, держался в жизни уверенно, казался «больше мужчиной», чем М. Чувства ее раздвоились. Она жалела Василия и не знала, как поступить. Видела, что М. сделался мрачен, молчалив. Стал выпивать. Все напряженней становились разговоры, когда они собирались втроем.

И вот случилось... С понедельника М. должен был идти в отпуск: как учащемуся, ему предоставлялся дополнительный отпуск для подготовки к экзаменам. В субботу он сдавал свой рабочий инструмент. Мастер заметил Василию, что монтажный пистолет у него грязноват, кое-где покрылся ржавчиной. Василий взял пистолет в общежитие, чтобы вычистить и смазать... Утром в воскресенье Юрий Щ. хвастливо объявил, что идет на стадион с Розой. Василий промолчал. Когда Юрий ушел, один из монтажников предложил Василию выпить. За выпивкой Василий узнал, что Щ. на работе насмехался над ним, настраивал против него других. Раздражение и негодование против недавнего друга душили его. Из окна он увидел, что Юрий возвращается под руку с Розой. Василий вышел в коридор и предложил Розе не входить в комнату.

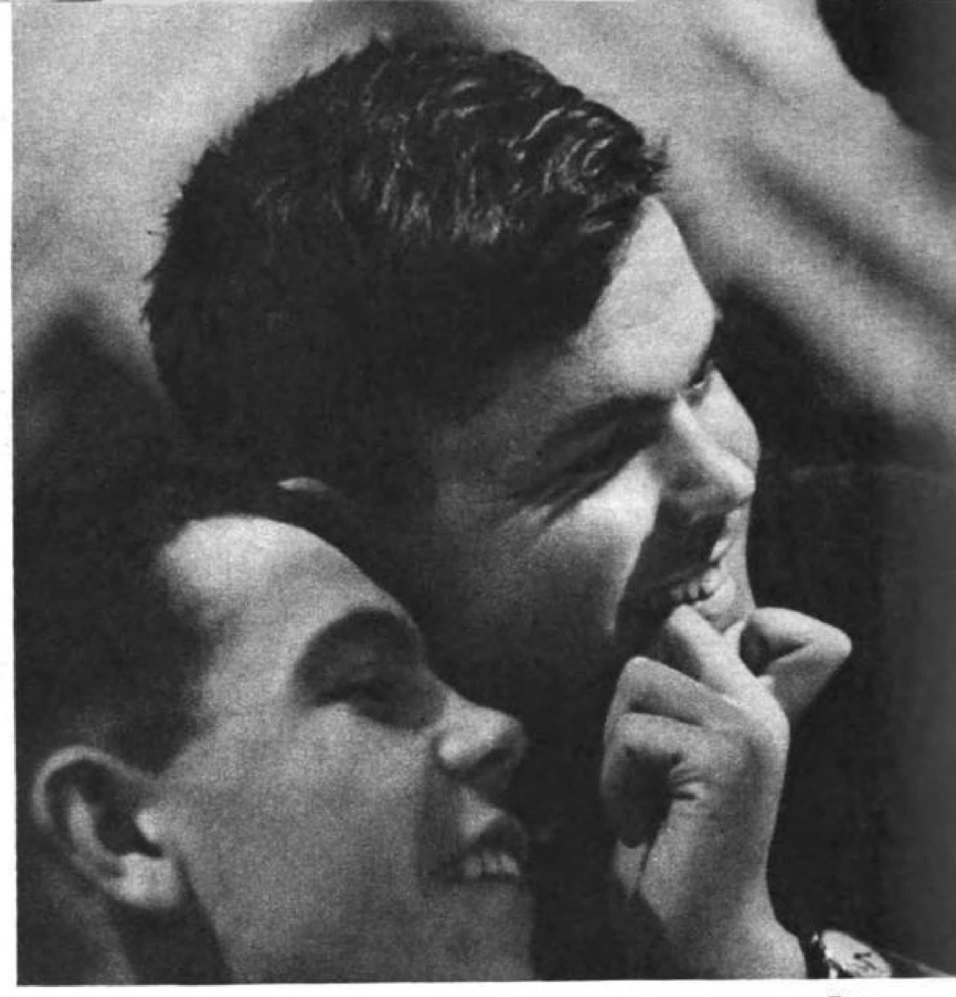
...На заседании народного суда выяснилось, что Василий сказал: «Зачем ты подличаешь? Я же могу тебя убить». Тогда Щ. засмеялся: «Ты трус. Ты никогда не посмеешь».

Роза услышала стон... Василий медленно вышел из комнаты, где на полу лежал раненный в грудь Юрий Щ. Василий сам подошел к телефону и позвонил в милицию.

Рана, по счастливой случайности, оказалась не смертельной. Через три месяца Юрий выписался из больницы, и Роза, испытывая чувство вины за все случившееся, вышла за него замуж. Молодоженам дали комнату.

Так закончилась эта печальная история. Могла она закончиться куда трагичней.

Всякая большая культура означает и культуру чувств. Коммунизм принесет с собой высочайшую культуру личности. Разви-

В общежитие часто приходят письма из родных поселков, городов... Евгений Курочка, Олег Цыбин и Анатолий Скрыпник читают письмо от друга из Донбасса.

Фото Г. Копосова.

Зеркальные плесы Селигера

Евг. СИМОНОВ

Рисунки мастера спорта А. МАЛЕИНОВА.

Глубоко вздыхая, пароходик выполз на большую воду, и мы встретились с Селигером. Старик принял нас отменно. Кипела искрами вода под солнцем, обжигая блеском плавящейся стали. Упругий порыв ветра пахнул озерной свежестью. А работяга-пароходик миновал выросшую над водой глыбу изумруда — остров Городомля — и втиснулся в узкую протоку.

— Приезжающих к нам туристов надлежит классифицировать по трем подвидам, — назидательно заявила нам сотрудница турбазы. — Это «лешие», «водяные» и, наконец, наиболее инертный контингент «домовые». — Заметив наш недоуменный взгляд, Нина Петровна Федорова (мы уже знали: стаж ее работы экскурсоводом — более 50 лет, впервые путешествовала по Селигеру в 1909 году!) пояснила: — К «лешим» относят здесь охотников, грибников, любителей пеших походов. «Водяные» снуют по плесам и озерам на всех видах судов: от осененных белыми крыльями швертботов до лодок «фофанов». И только «домовые» бирюками отсиживаются в пределах усадьбы туристской базы.

Вам, кажется, угодно было узнать наши достопримечательности? — учтиво осведомилась Нина Петровна и, с лукавинкой улыбнувшись, подвела нас к распахнутому окну. — Прошу вас...

«Достопримечательность» оказалась самого благодушного вида немолодым уже человеком. «Кто он?» «Уманский-Селигерский». «Чем же, простите, примечателен?» «В свои шестьдесят с лишком лет Яков Семенович влюблен в наши места с пылом Ромео. За двадцать лет ни одного прогула в летних походах на Селигер. Вы можете забыть, что он доктор наук, видный знаток физики металлов, но, упаси бог, на перекличке или в списке столующихся назвать его просто «Уманский» без «Селигерского». Кровная обида!»

А за окном перешептывался с ветром темно-синий берендеев бор. Осколком стекла поблескивала между стволов вклинившаяся в гущу леса лагуна. И звали тропы и сливающиеся с небосводом плесы.

Поутру мы с решимостью, присущей советскому человеку, вступили в борьбу. Увы, не с штормо-

Байдарки за плечами.

Copyrighted material

вать в себе **тонкость** душевного склада, понимание **сложности** человеческих взаимоотношений, стремление к облагораживанию их — как это важно сегодня!

Юрию никто не мог запретить полюбить возлюбленную своего друга. Но кто дал ему право кичиться перед Василием своей «победой», принижать достоинство друга? Роза не нашла в себе сил на прямой, искренний разговор с Василием, не попыталась смягчить боль юноши от жестокой душевной травмы. А Василий... Почему не услышал он вовремя доброго, умного слова предупреждения? Почему никто не сказал ему решительно и твердо, что мужество не равнозначно приемам хулиганов и бандитов?

Общежитие — это не коридор, не столько-то комнат и столько-то коек. Это общий дом, общий очаг большой семьи товарищей по труду. Нет здесь более важной задачи, как воспитывать в юных сердцах чувство общности, чувство взаимной ответственности друг за друга. Предупреждать житейские драмы, подобные рассказанной, не давать юноше, девушке свернуть с большой дороги настоящей жизни в обывательскую трясину.

Неверно думать, что это может прийти само собой. Кое-кто, нам кажется, преждевременно ставит вопрос о ликвидации должности штатного воспитателя в рабочих общежитиях. На этом «экономить» нельзя. Воспитанием занимаются комсомольские и профсоюзные организации, верно. Но никакая организация не может заменить молодому человеку, едва вступившему в жизнь, старшего друга, наставника, человека, способного по-отечески, по-матерински разобраться в его душевных переживаниях.

Острота вопроса в другом. Кто воспитатели? Нередко должность эту занимают люди случайные, малокультурные, а иногда и просто лодыри: помогают коменданту считать простыни, раздают газеты и журналы и полагают, что больше и делать-то нечего. Но есть и настоящие педагоги — энтузиасты макаренковского типа. Их пока еще немного, но опыт их бесценен.

Я узнал, что в общежитиях треста «Соколоврудстрой» работает больше тридцати штатных воспитателей. Кто ими руководит?

Подчиняются они начальнику жилищно-коммунального отдела. Таким образом, вопросы воспитания молодежи формально приравнены к таким делам, как ремонт квартир, контроль над банями и парикмахерскими. Ни партийные, ни комсомольские организации глубоко не вникают пока в деятельность воспитателей и не помогают им. Так не только в Рудном.

Нелепость такого положения очевидна.

Не опекать, а дружить

Бытовой совет активизировался. На днях у нас пускают сушилку: ребята насели на Завелинского и добились своего. Иосиф Семенович становится доступней.

Хорошую вещь предложил на совете Валерий Ивченко, один из тех юношей, которых комсорг Селезнев считал «пассивом».

— Давайте организуем совместный вечер отдыха с девчатами из общежития № 16. Пошлем туда делегацию и договоримся!

Шестнадцатое общежитие не чета нашему двадцать третьему. Трехэтажный каменный дом в самом центре Рудного. Населяют его около двухсот пятидесяти молодых штукатурщиц и маляров «Отделстроя». Всех девушек знает по именам и фамилиям, по привычкам и наклонностям любимая ими «мама» — воспитательница Нина Тимофеевна Чиркова.

Чирковой лет тридцать пять. Несколько раз я встречался с ней на планерках воспитателей. Она по-русски статная, с лучистыми синими глазами, с доброй улыбкой открытого лица, смуглого от давнего степного загара.

Чиркова каждое утро заботливо следит, как оделись ее девчонки на работу: «Смотрите не простыньте». Это она удержала от дезертирства со стройки группу девушек из Горького. Она, Нина Тимофеевна, боролась за выросшую без родителей девушку Зару, прогульщицу, докатившуюся до кражи у подруг по комнате. Сумела убедить девушек этой комнаты, чтобы они не гнали от себя Зару: та просила прощения. И девушки послушались воспитательницу. Подруги забыли все плохое. Теперь эта Зара — одна из лучших работниц в бригаде.

...Чирковой понравилась идея совместного вечера, только она заметила:

— Наши девочки были напуганы случаями хулиганства. Есть у них предубеждение против парней из двадцать третьего общежития.

— Мы это предубеждение сломаем, Нина Тимофеевна!

Настороженно встретили девушки нашу делегацию. Сняв шапки, монтажники стесненно толпились в дверях женского общежития. Перед ними было царство нежно окрашенных стен (сами хозяйки и красили!), ослепительной белизны постелей, искусных вышивок, затененных абажурами лампочек.

— Вы заходите, садитесь!

Валерий Ивченко шутливо рекомендует своих товарищей:

— Володя Филиппов. Играет на баяне. Правда, о нем написан стих: «Что скрипишь ты всю ночь одиноко, что техничкам ты спать не даешь»,— но он духом не падает. А вот Володя Текучев — солист на магнитофоне... Женя Курочка — наш Райкин!

Ледок натянутости треснул. Девушки повеселели. Их общежитие тоже богато дарованиями. Люся Панова может исполнить и акробатический танец и вальс из «Лебединого озера». Галя Агапова знает наизусть почти всего «Василия Теркина». И еще и еще...

— Предлагаю составить общий список талантов! — Валерий достает из кармашка вечное перо.— А кто у нас будет конферансье?

— Тебе и быть.

Условились о репетициях. Договорились, кто позаботится о подготовке клубного помещения, о радиоле и пластинках, о лотерее, о летучей почте.

Вечер отдыха состоялся в конце недели. Это был скромный вечер: без буфета, без оркестра, без концерта профессиональных артистов. И все же на нем было удивительно весело. По-молодому!

Мы с Ниной Тимофеевной сидели в сторонке. Собственно, нам тут делать было нечего. Все — от контроля у входа до трансляции танцевальной музыки — организовала сама молодежь.

Ни один парень не явился на вечер подвыпившим. Концерт самодеятельности шел под щедрые одобряющие дружные аплодисменты.

— Это потому, что вечер готовили они сами,— сказала Нина Тимофеевна.— В опеке они не нуждаются. Им надо только подсказывать... И с ними нужно дружить.— Она помолчала.— Уважать их...

Я не мог ничего добавить к ее словам.

вой пятибалльной волной или километровыми волоками на проходившем некогда здесь пути «из варяг в греки». На траве в строгом соответствии с заводской спецификацией лежали тросточки стрингеров, дуги шпангоутов, похожие на вопросительный знак привальные брусья, не говоря уже о фальшбортах или гужах, которыми приводят в движение рули.

Сборка байдарки длится от двадцати семи (прогнозы завода) до двухсот семидесяти минут (печальный опыт практики). Впрочем, при регулярном повторении эта процедура не только успокоительно действует на особо возбудимых, но и становится средством заполнения досуга для любителей головоломок.

Самое неожиданное и отрадное во всем этом — концовка, выдержанная в манере О. Генри. Когда вы, до смерти возненавидев друг друга, отбрасываете заводской паспорт и вытираете лоб, залитый потом, в этот-то именно момент все встает на свои места, и вот уже легко покачивается на плаву весьма симпатичное суденышко.

Теперь, если не хотите прослыть сухопутной крысой, ради всего святого, не произносите крамольное слово «веревка». Даже ту, что вы присобачите к кольцу на носу байдарки, величайте «фалинь». А забыли это мудреное слово, тогда возьмите за правило называть отныне любую веревку «концом», даже в тех случаях, когда у вас в руках только ее начало.

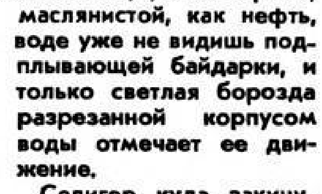
Приготовьтесь еще к одному испытанию... Вечером вместе с кисеей тумана потянутся со своих потаенных мест любители рыбалки. Даром, что ли, на старинных картах Селигера эмблемой этого края были три серебряные рыбины; водится же их здесь не один десяток: от снетка до судака. И каждый вечер жарко пылают костры, булькает янтарная уха, шипят на сковородах лещи, а подобные крыловскому Демьяну рыболовы подстерегают доверчивых новичков на предмет усиленного потчевания рыбными яствами.

А в благостной тишине вечера долетает мерное и сильное дыхание плещущегося о берега Селигера, и терпко дышат сосны, и перекликаются в колдовском полумраке ночные птицы, и на черной, маслянистой, как нефть, воде уже не видишь подплывающей байдарки, и только светлая борозда разрезанной корпусом воды отмечает ее движение.

Селигер, куда закинула нас беспокойная судьба туриста, оказался

Куда девать лишний стрингер?

На мели.

Copyrighted material

Слово о степи

В. МОВЧАН,
член-корреспондент ВАСХНИЛ, доктор биологических наук

Великий полководец Суворов писал из одного своего похода: «Стою на берегу полноводной, широкой реки Чичиклея и жду переправы...»

Теперь река эта живет лишь в строках боевой реляции да в нескольких родничках, вяло бьющих из-под земли на месте старого русла. Река жила, пока жил лес, темной стеной подступавший к ее берегам. Погиб от рук человека лес — умерла и река.

Это трагедия не только бывшей «полноводной, широкой» Чичиклеи, переправы через которую надо было ждать. Такова судьба сотен больших и малых рек, на берегах которых еще на памяти современников шумели леса. Не случайно в легендах народов Азии нередко говорится о чудесных колодцах, затерянных в песках, об иссякших источниках. Вместе с водой уходила жизнь. «Где конец воды — там конец жизни»,— до сих пор говорят в Азии.

Пустыня, пески — вековая работа ветра. Человек с незапамятных времен старался противопоставить этому безжалостному наступлению свой разум, трудолюбие, культуру земледелия. И в наши дни государство, народы среднеазиатских республик затрачивают огромные средства и усилия, чтобы преобразовать полупустыни и пустыни, вернуть воду в некогда цветущие края. Это большая работа. Новые сады и плантации — ее радостный результат.

Но сейчас разговор о другом. Черные силы эрозии действуют не только в пустынях, но и в степной зоне. Беда в том, что не в сказках, а у нас на глазах по злой воле людей, плохо знающих законы природы, мелеют и исчезают реки, рождаются овраги, уродующие лицо земли, плохо используются поймы и дельты. Если не защитить степь, то придет пустыня. Поэтому давайте поговорим о степи, которая дает нам хлеб, молоко, мясо.

Лучшими людьми нашей отечественной науки, а также специалистами и передовиками социалистического сельского хозяйства немало сделано для защиты степи и ее расцвета. Бессмертен подвиг В. В. Докучаева, создавшего дубравы в Каменной степи. Восхищение вызывает заповедник Аскания-Нова, сказочный оазис на юге Украины.

Грандиозная работа проводится государством по обводнению и орошению степей.

Степь жива, она прекрасна, когда здесь есть вода. Ее сберегает лес. Но вот на лес бездумно занесен топор, и уже через год-два падает уровень воды в реке, глубже и глубже уходят грунтовые воды, никнет вчера еще бушевавшее разнотравье, теряет свою былую силу пшеница...

Помочь степи, умножить ее богатства, повысить ее плодородие в силах только человек. Мы нередко слышим призывы беречь лес. Верно, надо беречь лес там, где он раскинулся бескрайними морями, но надо трижды беречь, насаждать лес там, где его нет.

Степь должна получить воды вдоволь. К этому ведут два пути: орошение и лесонасаждение. В обращении к закавказским коммунистам в 1921 году Владимир Ильич Ленин писал: «Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало... Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму».

Эти слова в полной мере относятся не только к Закавказью. Оросительные каналы привели воду в степь. Каховка поит поля Украины, Цимлянское море — задонские нивы. Немало заливных рисовых полей в Казахстане, в республиках Средней Азии.

Большое значение для дальнейшего развития орошаемого земледелия, безусловно, будет иметь совещание, состоявшееся в Совете Министров СССР, в Кремле. Ученые, руководители и специалисты научно-исследовательских учреждений, проектных институтов, работающих в области водохозяйственного строительства и орошаемого земледелия, обсудили вопросы освоения Волго-Ахтубинской поймы и дельт рек Волги, Урала, Кубани для увеличения производства риса, кукурузы, помидоров, бахчевых культур, для разведения водоплавающей птицы и воспроизводства рыбы.

Выступивший на совещании Никита Сергеевич Хрущев подчеркнул, что развитие орошения — одна из важных задач. Вода в степи — это новые миллионы гектаров земли, на которой при любых условиях можно получать гарантированные высокие урожаи. Вода в степи — это значит еще больше хлопка и риса в Средней Азии, риса и помидоров в районах Волго-Ахтубинской поймы, кукурузы и риса на Украине, еще больше пшеницы и кукурузы в Заволжье, риса и кукурузы на Северном Кавказе, риса и сои на Дальнем Востоке. Надо так вести хозяйство, чтобы производство сельскохозяйственных продуктов опережало спрос. Достижению этой цели и будет способствовать развитие орошаемого земледелия.

И все же тревога за судьбу нашей хлебной степи растет. Мало здесь, очень мало пока еще водоемов, а созданные руками энтузиастов леса остаются пока зелеными островами. Работа, проделанная рачительными хозяевами, порой сводится на нет злостными браконьерами, валящими лес по берегам рек, губящими рыбу.

Настоящим бедствием для колхозов и совхозов стали овраги. Они глубоко режут пахотные угодья, пастбища и луга. Если их не остановить, то талые и дождевые потоки будут ежегодно уносить все новые и новые тысячи тонн земли, отнимая у страны тысячи гектаров посевов. А ведь деревья, которые могли бы встать на стражу рек и пашен, не только бы сохранили влагу, почву, но и украсили, омолодили лицо степного края! Я уж не говорю о том, что каждый водоем, пруд, искусственное озеро — это величайшее благо, место отдыха, охоты и даже доходов, например, от карпового хозяйства или от тех птичьих царств, которые бы, конечно, возникли на голубых просторах!

Человек в силах так изменить природу степи, что невозможными станут черные бури, засухи, а значит, и неурожаи. Земля оденется в зеленый наряд, по-прежнему вечно прекрасна будет весенняя степь, покрытая коврами маков и тюльпанов, вечно будет разносить ветер запах чебреца и донника, а наши бескрайние поля, огражденные зелеными ветроломами, будут радовать нас устойчивыми, богатыми урожаями.

Я здесь не говорил о конкретной программе защиты степи от эрозии. Она известна, она в трудах В. В. Докучаева, П. А. Костычева, В. Р. Вильямса, она в решениях партии и правительства, касающихся преобразования природы, освоения целинных и залежных земель, развития орошаемого земледелия. Мне хотелось только лишний раз обратить внимание на степь. Это наше национальное достояние, наша гордость, и она вправе ждать от нас не только любви, но и созидательной деятельности по ее преобразованию.

не просто водоемом, одним из многих, знакомых нам по Подмосковью, не просто радиальным маршрутом № 5, согласно номенклатуре ТЭУ. Это особый мир в какой-нибудь ночи езды от Москвы... Княжа и Свапуща. Троица-Переволока и Никола-Рожок. Залучье и Волховщина. Разве не различаешь в этих названиях и звон меча, и поступь оратая, и эхо русской старины, что живет здесь рядом с тем, кто возделывает лен или делает отменную юфть на местном заводе, начало которого писцовые книги возводят к 1624 году?

Большак от деревни по имени Руна, где росла Лиза Чайкина, приведет вас к взлетевшим, будто громадные стрелы, ярусам церкви села Ширково. Не забив ни одного гвоздя, срубил ее топором тверской плотник. А деревянная вязь на домах Заплавья! А тропы от курганов кривичей и пути к могиле советского генерала Шевчука! Или запрятанный в лесах острова Хачин потаенный канальчик Копанка и открывшийся за ним неохватный простор плесов!

Глаза становятся до ненасытного жадными в этом привольном краю, где даже тину в озерах следует внушительно называть «сапропель», ибо она тоже наделена какими-то целительными свойствами.

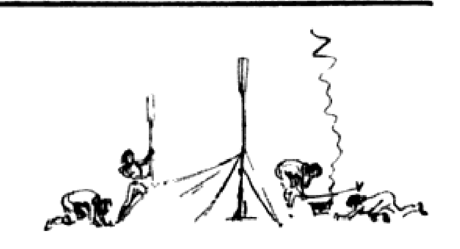
* * *

Если говорить всерьез, Селигер обладает лишь одним органическим и потому неисправимым недостатком: тот, кто хоть раз побывал здесь, не может не вернуться. Больше того, куда бы ни намечал ты двинуться летом, по странному, не расшифрованному еще наукой рефлексу ты оказываешься у касс Ленинградского вокзала и, конфузливо оглянувшись, упрятываешь в карман билет на поезд № 66 «Москва — Осташков».

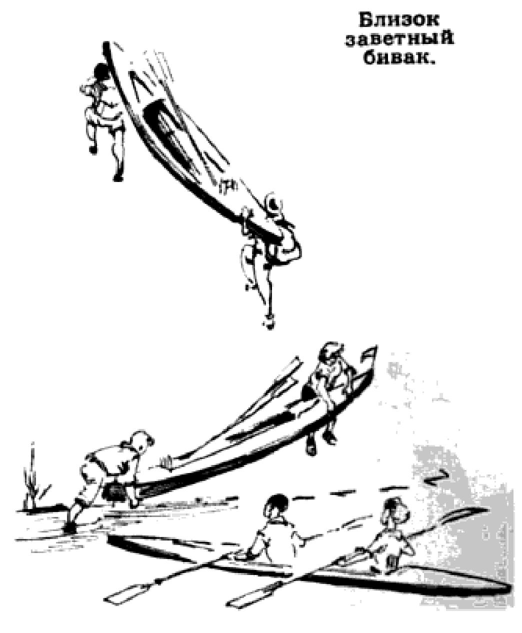
Мы плавали здесь по хрустальной прозрачности плесам и зловеще черным, устланным торфом озерам, переволакивали байдарки через перешеек Картуни и шагали к срубу, из которого выходит младенец-ручеек, чтобы стать могучей Волгой. И с каждым годом встречаем все больше тех, кто, не без осторожности усевшись на жесткое фанерное сиденье байдарки и ощутив под ее кормой бег воды, по сей день проводит в ней свободные часы.

Но, странное дело, именно тогда, когда нас призывают ширить ряды племени «длинноногих», как зовут себя туристы, Куйбышевский совнархоз начисто прекращает выпуск туристских байдарок. А сколько уже лет читаем мы на страницах «Вечерней Москвы» наполненные оптимизмом интервью товарищей из Моспроекта или МГСПС: общедоступные туристские отели на берегах популярных водохранилищ, прокат и хранение байдарок — словом, все для водного туризма! А пока что много лет наблюдаю я, как доктор наук А. М. Гусев или профессор Е. С. Рокотян — один в Тишкове, другой в Полежайках — кряхтя, втаскивают на чердаки сеновалов свои байдарки. И так ведь в любой из деревень на берегах любого из водохранилищ!

Большая вода пришла! Она зовет. Она ждет. Заполнила новые заливы близ Можайска. Потечет близ Рузы. Почему же нужно столько лет добираться до нее только окольными, неудобными тропками?

Близок заветный бивак.

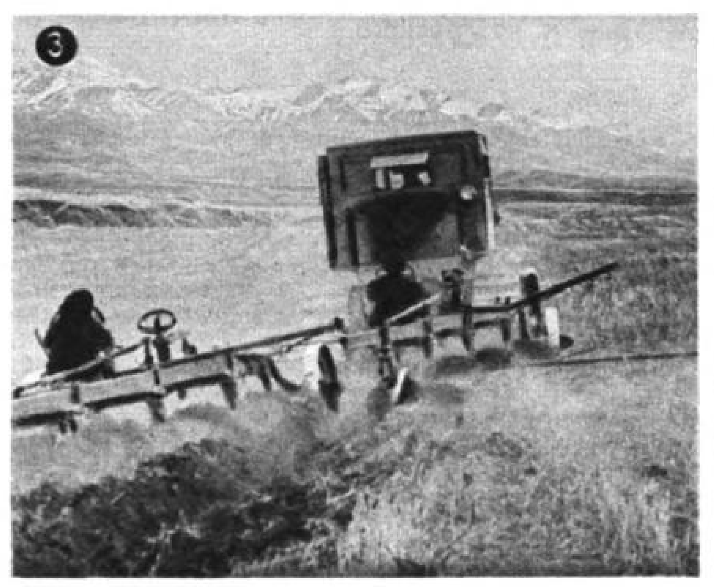

Copyrighted material

СОЛНЕЧНЫЕ СУДЬБЫ

...Айкен Сариева поднялась на трибуну совещания передовиков сельского хозяйства Казахстана. В зале было много народу. Незнакомые люди смотрели на нее и, верно, думали: «Что скажет нам эта девочка?..» Айкен действительно очень молода. Она еще учится в десятом классе школы имени Джамбула, Джамбулского района, Алма-Атинской области.

За столом президиума сидел Никита Сергеевич Хрущев и тоже смотрел на Айкен.

— Я живу в ауле, который носит имя прославленного акына Джамбула,— начала Айкен.— Много песен сложил он о свободном, радостном труде своего народа. А сколько новых прекрасных песен создал бы акын, если бы увидел сейчас мой родной аул, своих внуков и правнуков!

Есть в школе ученическая производственная бригада. Выращивают ребята кукурузу, сахарную свеклу, картофель. Айкен — звеньевая кукурузоводов. В прошлом году ее звено собрало по 39 центнеров сухого зерна с гектара. А в этом году замахнулись на 60 центнеров! Школьники изучают агротехнику, подолгу копаются в машинах.

И вот весна — пора бесчисленных забот и волнений. Сев — это не шутка! Потом экзамены на аттестат зрелости. А затем... А затем колхоз. Навсегда. На всю жизнь. Так они решили.

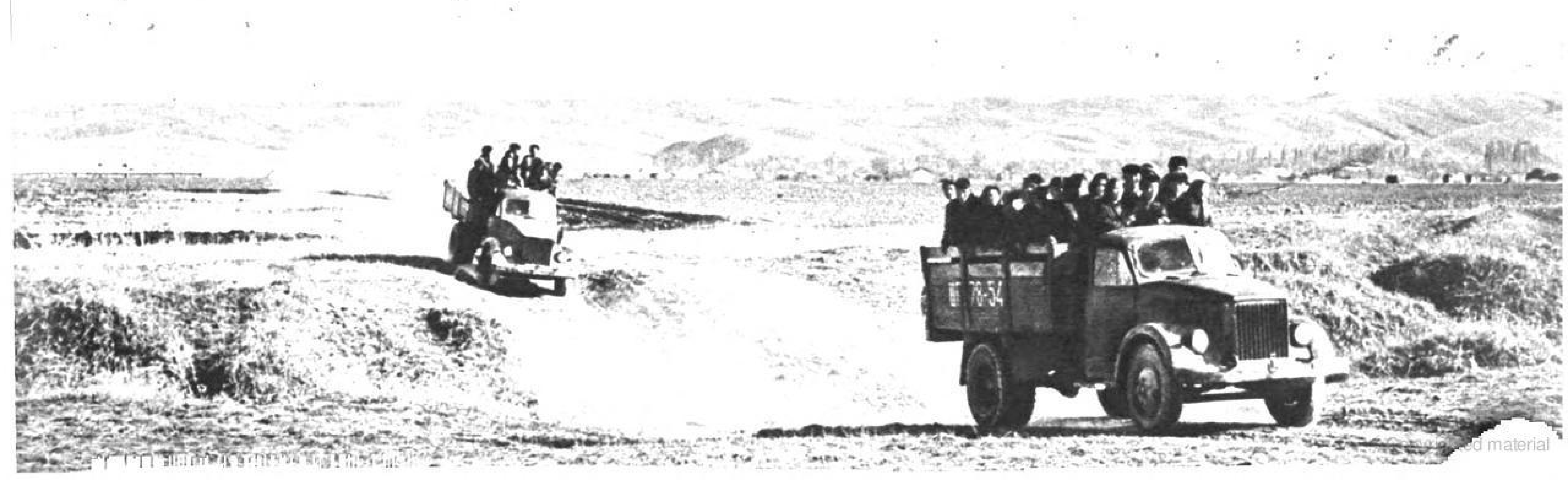
Когда Никита Сергеевич Хрущев выступал на том самом совещании, он вспомнил Айкен Сариеву и сказал:

— Хорошие судьбы у ее друзей, которые, окончив школу, пошли на работу в родной колхоз.

1. Мы останемся в колхозе. 2. Уборка не скоро, но учиться никогда не рано. Айкен Сариева изучает устройство комбайна. 3. Первая борозда. 4. «Еще взяли!» Ребята строят ферму. 5. На полевой стан.

Фото Л. Бородулина.

Японские зарисовки

Буйвол, мотыга... Как и много лет назад...

Олесь ГОНЧАР   Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

1. Цветущая сакура

У японцев сильно развито чувство красоты. Они любят поэзию, хорошую музыку, в свободное от работы время целыми семьями выходят посмотреть красивый пейзаж. Здесь сама природа всюду выставляет на обозрение человеку свои грандиозные акварели, открывает ему то солнечную, свободно уходящую вдаль ширь океана, то цветущее дерево у дороги, то голубизну вдруг возникающего залива, то волнистую гряду невысоких, мягко очерченных гор, тающих вдали, подернутых синеватой дымкой...

Поэзией увлекаются многие. Спрашиваете девушку — проводницу автобуса:

— Вы, наверно, и стихи пишете?

— Ну, конечно... Я состою в кружке «Поэзия и правда».

Беседуете с врачом в городской больнице. Он хороший специалист, увлеченно рассказывает о своей научной, исследовательской работе.

— Ну, а стихи?

— Как же, пишу и стихи!..

И он тут же, улыбаясь, напишет вам импровизированное поэтическое послание.

Рабочие-шахтеры пишут песню о своем товарище, убитом во время забастовки. Жены забастовщиков сами составляют «Колыбельную» для своих недоедающих малышей.

В многочисленных кафе, где по вечерам собирается трудовая молодежь, где парни и девушки скромно проводят свой досуг за стаканом фруктового сока или за порцией мороженого, — в таких демократических кафе редко слышен душераздирающий визг и грохот джазбандов. Чаще — нежная, приглушенная, красиво льющаяся мелодия... После напряженного трудового дня здесь отдыхают, смотрят телевизор, часами молча слушают музыку. Если песенка очень понравилась, посетители подхватывают ее и уже напевают хором. Нередко звучат здесь и наши советские песни.

Есть дни, когда, кажется, все многомиллионное население японских островов приходит в радостное возбуждение, переживает эстетический подъем. Это дни цветения сакуры. Сакура, которая считается национальным деревом Японии, у нас известна как декоративная японская вишня. Ее любят, берегут, ею гордятся. Бывает, что ее даже подсвечивают электричеством, чтобы и по вечерам наслаждаться ее сверкающей красотой.

Мы были еще в Москве, а японские писатели, пригласившие нас посетить их страну, уже торопили:

— Приезжайте скорее, чтобы вы успели посмотреть, как цветет сакура!

И вот она перед нами! К нашему прилету она как раз расцвела.

В Японии говорят: если тебя спросят, что такое душа народа, ответь: «Это соцветие вишни, благоухающей в лучах утреннего солнца...»

Где же она больше всего меня поразила, эта весенняя цветущая сакура, эта овеянная океанскими ветрами далекая сестра нашей украинской вишни? В суровой, угрюмой местности среди почерневших шахтерских бараков стоит она в своем нежнейшем весеннем наряде, в своей первозданной свежести и чистоте... Как-то удивительно гармонирует она и с этими промышленными строениями, пропитанными угольной пылью, и с простыми честными лицами людей этого шахтерского края, с их открытой, солнечно-дружественной душой...

2. Миикэ — шахтерский край

На свете еще немало всяческой подлости, еще немало среди представителей рода человеческого найдется тех, кто ослеплен жаждой наживы и стяжательства, кто во имя материальных и духовных прибылей готов убивать и предавать, готов погрязнуть в собственной низости. Здесь, среди людей труда, в этой огромной шахтерской семье, нет места подобным низменным чувствам. Иное чувство владеет здесь сердцами и помыслами людей — чувство мужественной рабочей, человеческой солидарности.

Десять месяцев на шахтах Миикэ длилась забастовка. 15 тысяч шахтеров против могущественной олигархии Мицуи. Десять месяцев рабочие патрули, и все шахтеры, и их жены, и их дети носили вокруг головы белые повязки с надписью: «Миикэ — солидарность!». И повязки эти служили символом решимости, мужества и несгибаемой воли к победе.

Чтобы задушить забастовку, чтобы отвоевать шахты, захваченные шахтерами, сюда, в город Омута, было стянуто 13 тысяч полицейских головорезов — третья часть полицейских сил острова Кюсю, десятая часть полиции всей Японии.

А борьба продолжалась. Голодали дети. Шахтерские жены несли свои скудные запасы в общий котел, они коллективно кормили всех, кто был в белых непокорных повязках, всех, кто был отмечен знаком участника борьбы. (И сегодня те недавние дни тут называют не иначе, как «период Борьбы».)

Слава о мужестве борющихся вскоре распространилась по Японии. По всей стране были созданы «Союзы защиты Миикэ». Трудовая, пролетарская Япония присылает посылки шахтерским детям. Из других городов, с других островов, даже с далекого Хоккайдо прибывают сюда отряды рабочей взаимопомощи. Они тоже включаются в борьбу. На головах у них уже тоже белеют повязки: «Миикэ — солидарность!».

Вот мчатся они на велосипедах, будто стая летящих птиц, и шарахаются от них лимузины шахтовладельцев, и, кажется, нет силы, способной их остановить... Вот они уже, крепко взявшись за руки и ритмично раскачиваясь из стороны в сторону, поют «Интернационал». Какие вдохновенные и гордые лица! Это — класс. Это — могучее рабочее братство.

Реакция не дремала. Кроме полиции, она стягивала в район забастовки банды наемных убийц. Подкупленные продажные души из фашиствующих молодчиков прибывали в непокорный город на грузовиках, останавливались в гостиницах, до отвала ели на хозяйский счет и потом подстерегали рабочих, вооруженные железными крюками: средневековый такой крюк предназначался для того, чтобы вогнать его человеку в грудь и железом вырвать из нее живое, горячее сердце.

От руки убийцы гибнет у ворот шахты тридцатидвухлетний шахтер товарищ Кубо. Враги вырвали из груди его сердце, но оно продолжает биться здесь и сейчас. Вот звучит песня о нем — ее поет шахтерская молодежь, объединившаяся в хор «Поющие голоса Японии»:

Кубо-сан, ты не умер!
Алые капли твоей крови,
упавшие на дорогу, по которой
мы тебя несли
на носилках,
на дорогу, освещенную лучами
заката,
словно указывают нам путь...
Мы плакали и скрежетали
зубами
от гнева.

Copyrighted material

В магазине фруктов.

Дети возвращаются из школы.

Мы окружили заботой твоих детей, жену и мать — и будем бороться до конца.
Кубо-сан, ты жив среди нас!

Мы стоим у его могилы среди охваченных скорбью людей. Тяжела их судьба. Половину жизни они проводят под землей, без солнца, день за днем разрабатывают угольные пласты, которые уходят далеко под воды залива. Концерн Мицуи, владеющий шахтами, получает баснословные прибыли.

Пенсий шахтерам нет. Над рабочим и его семьей всегда висит угроза остаться безработным. Если ты слишком красный, если ты чересчур активно выступаешь против японо-американского военного пакта, всегда найдется повод тебя уволить. В городе с 210 тысячами населения большое число безработных; вместе с семьями их примерно 20 тысяч человек. Положение уволенных особенно тяжелое. И героическая шахтерская забастовка, о которой рассказывалось выше, как раз и вспыхнула на этой почве: она явилась протестом против массового увольнения рабочих-горняков.

Все, что создано вокруг,— и эти шахты, и химические заводы, и огромный порт на берегу залива Симабара, где грузят добытый уголь,— все создано руками этих людей, многолетним трудом их отцов и дедов. Все здесь черное, пропитанное угольной пылью, светлы только души людей да цветущие вишни.

Забастовка кончилась, но воздух и ныне наэлектризован: весь шахтерский край, весь этот японский Донбасс бурлит и сегодня, клокочет энергией борьбы, живет страстной верой в будущее.

Памятник погибшему Кубо, верному своему товарищу, рабочие поставили на видном месте, у здания шахтерского профсоюза. Сами высекли и надпись — столбик иероглифов на граните.

Надпись гласит:

«Придет время, и история скажет, что мы жили правильно. Наши плечи согнул труд, наши суставы распухли от нищеты, но наш взгляд был прям и ясен,— так скажут о нас. Мы смело смотрели в прекрасное будущее,— так скажут о нас!»

3. Человеческие судьбы

Вместе с нами, советскими писателями, переживали они радость, вызванную полетом первого в истории космического корабля с человеком на борту. Имя Юрия Гагарина — Колумба новой, космической эры—у всех на устах. Люди шахтерского края, друзья Страны Советов, они хорошо понимают, что это блестящее достижение социалистической цивилизации принадлежит и им, принадлежит всему человечеству, что подвиг этот совершен во имя мира и счастья людей.

Идет собрание, оживленное, бурное. Звучат горячие поздравления в адрес советского народа, советской науки.

В шутку мы спрашиваем, кто из присутствующих согласился бы лететь в космос. Взметывается лес рук. Готовностью горят глаза юношей-рабочих. Подымают руки и многие девушки и даже пожилые жены шахтеров.

Потом одна из них уточняет:
— Но лететь при одном лишь условии — лететь не в военных целях, а в интересах мира, в интересах науки, как вот у вас. Если бы японское правительство предложило нам **такой** полет, тогда мы бы согласились без колебаний.

Да, веришь: эти люди не менее, чем любой другой народ, способны на мужественные поступки. Лучшим свидетельством этого является их стойкая, длительная, полная лишений борьба.

...Вечером сидим на циновках в бамбуковой комнате городской гостиницы, оформленной в национальном японском стиле. Чистота, опрятность, ничего лишнего, все сделано легко, удобно, со вкусом.

Среди золотистой бамбуковой обшивки блестит атласной корой целый ствол темного вишневого дерева. Он вмонтирован в стену целиком, в своем естественном виде: и опора и украшение. На стене — прозрачный тонкий весенний пейзаж (он меняется соответственно сезону). Под ним сверкают росой свежие живые цветы. На низеньком столике в чашках уже разлит зеленый чай — без него здесь не бывает беседы.

Комната, кажется, называется «Луна».

По японскому обычаю, комнаты здесь не нумеруют, как в гостиницах европейских, а дают им разные имена, красивые, поэтичные: «Фиалка», «Снег», «Лилия», «Луна»...

Итак, местом нашей беседы в этот вечер избрана «Луна». Слова о Гагарине звучат здесь как-то особенно уместно.

Собрались представители общественных организаций города, работники местной организации компартии, активисты общества «Япония — СССР». Среди них, как и в других японских городах, много бывших военнопленных; домой они возвратились убежденными сторонниками дружбы с советским народом, страна социализма произвела на них неизгладимое впечатление.

Многие из этих людей прошли путь труднейших испытаний. Они ничего не скрывают. Не скрывают, что в прошлом многие в Японии, в том числе и рабочие, были отравлены шовинистическим угаром и что процесс отрезвления не всегда был легким, чаще — сложным, мучительным.

Они по очереди рассказывают каждый о себе, о своей жизни, о своих заблуждениях и поисках... Вот сжатые биографии некоторых из них, суровые человеческие исповеди.

Эносима:
— Двадцать лет работаю в химической промышленности. Во время войны мы делали взрывчатые вещества. Их ужас мы потом испытали на себе. Бомбардировки, разгром на всех фронтах — все это не прошло для нас бесследно. После войны мы поняли: было преступлением производить то, что мы производили. Во время войны профсоюзы были запрещены, сейчас мы их возродили — возродили для борьбы.

От рабочих химической промышленности Эносима избран депутатом муниципалитета. Беспартийный, член Комитета по запрещению атомного и водородного оружия.

Нагата:
— В 19 лет поступил на химическое предприятие. В то время началась агрессия против Китая. Нас учили: самая большая честь — умереть за императора. В начале войны на Тихом океане меня призвали в армию. Три года провел в Северо-Восточном Китае. Попал в плен и находился в районе Хабаровска. В лагере среди солдат развернулось антивоенное движение. Мы постепенно пришли к социалистическим идеям. Я прожил в СССР три года, возвратился на химическое предприятие Мицуи и стал коммунистом.

Ямасита:
— Мне 34 года. В 17 лет я добровольно поступил в морскую авиацию. Я тоже был уверен, что умереть за императора — честь! Поражение Японии было для меня большим ударом. Я испытывал ненависть и к Америке и к СССР. Я вступил в реакционную органи-

Copyrighted material

зацию «Знамя Хризантемы». Но я рабочий-электрик. Моя судьба была неотделима от судьбы других рабочих, которых увольняли, которых предавали реакционные руководители профсоюза. Мы начали борьбу. В процессе ее сблизился с компартией, я и моя жена стали коммунистами. Вступая в партию, я думал о будущем моего ребенка. Теперь я чувствую себя счастливым, и я полон благодарности партии. Верьте, это говорит вам бывший военный летчик...

Араки:

— Мне 36 лет. Мой отец работает в порту на погрузке угля. Я самый последний у отца из 10 детей. Я с детства любил петь и мечтал о консерватории. Но после окончания школы вынужден был поступить работать на завод шахтного оборудования. Во время войны работал на заводе, обуреваемый патриотическими чувствами. После поражения стал нигилистом, увлекался Достоевским («Преступление и наказание»), религиозной музыкой... Забастовка на заводе стала для меня большой школой. Я прочитал Горького. Я сам начал писать песни и музыку к ним. Сейчас руковожу рабочим хором «Поющие голоса Японии»...

Одна за одной разворачиваются перед нами жизни, нелегкие человеческие судьбы. Разговор длится далеко за полночь.

Потом, уже оставшись один в комнате, освещенной настоящей небесной луной, я еще долго думаю об этих людях. Что мы знали о них, о миллионах других японцев?

Бывшие солдаты, которые сражались до последнего, которые много недель питались в горах Филиппин дикими кореньями и травой, не веря в капитуляцию, они сегодня испытывают отвращение к милитаризму, освобождаются от шовинистического дурмана, ненавидят войну. Бывшие военнопленные, воочию увидавшие страну социализма, которой их столько стращали, они навсегда стали ее горячими друзьями.

Таково движение истории.

4. О чем мечтают японские дети!

Уже в первые дни нашей поездки по стране в селах и городах над многими домами стали появляться поднятые на высоких шестах, будто на флагштоках, красочные изображения рыб. С каждым днем их становилось все больше. И вот уже над всей Японией плавают в воздушном океане, играют на весеннем ветру эти яркие, сказочные рыбы — символ счастья и благополучия.

Страна готовилась к празднику Мальчиков (осенью будет такой же праздник Девочек). Сколько мальчиков в доме, столько и рыб поднято в небо. Можно представить, какая это гордость для родителей, какая радость для малышей.

Дети в Японии окружены большим вниманием и любовью (да где их не любят!). И малыши, кажется, отвечают родителям взаимностью. Они, как правило, хорошо воспитаны. Мы видели, как бережно ухаживают школьники за цветами, как уважительно относятся к взрослым в трамвае или в вагоне поезда. Приятно смотреть, когда эти румянощекие крепыши шести лет от роду чинно шагают рано утром в школу усваивать иероглифическую премудрость своих предков. Выскочив из класса на переменку, они не шалят, не хулиганят, не бьются портфелями, ребята не дергают девочек за косички. Их больше привлекают детские спортивные игры.

Не знаю, насколько это точно, но японцы утверждают, что в школе у них отсутствует проблема дисциплины.

Во время нашего пребывания в Японии в Хиросиме умер известный японский педагог профессор Осада, большой друг Советского Союза (он возглавлял Хиросимское отделение общества «Япония — СССР»). В 1945 году он пережил атомную бомбардировку, подвергся облучению. Приехав в Хиросиму, наша делегация посетила дом ученого, выразила соболезнование его семье.

В кабинете профессора, обтянутом траурным крепом, горят свечи, стоит урна с прахом, возле нее среди цветов — ряд блестящих томиков: произведения Песталоцци. Профессор Осада перевел их на японский язык, издал, прокомментировал. Сыновья профессора рассказывают, что он собирался также издать произведения Н. К. Крупской, А. С. Макаренко...

Имя профессора Осада, который до последней минуты думал о детях всего мира, о их будущем, известно не только в Японии. Его труды опубликованы в Чехословакии и в других странах. Стоило бы и нашим педагогам глубже поинтересоваться педагогической мыслью японских ученых, их работой в области образования и воспитания.

Вблизи города Симоносэки в рыбачьем поселке мы посетили школу, где учатся дети рыбаков, крестьян, служащих. Шел как раз урок рисования. В классе с полсотни одиннадцатилетних мальчиков и девочек. Все эти смуглые, пышущие здоровьем, выросшие на морских ветрах и вскормленные морской капустой дети гор и голубых заливов стали сейчас на некоторое время все, как один, художниками.

Что же они рисуют, эти юные Хокусаи, Пикассо, Петрицкие и Сарьяны?

Учительница, пожилая женщина в брюках, с ласковой улыбкой объясняет:

— Сегодня им задана общая тема: «Надежда». А каждый уже по-своему воплощает в красках свою надежду, свою мечту...

Мы просматриваем их рисунки.

Прямо надо сказать, в классе немало юных абстракционистов. Такой кладет краски лишь бы поярче, посочнее, создает целую симфонию красок, не заботясь о смысле. Иные стремятся создать оригинальные и тоже очень яркие композиции с намеком на нечто жизненное, реальное. Вот одна довольно сложная композиция, жизнерадостная, солнечная, которую испачканный красками маэстро назвал «Олимпийские соревнования» (соревнования будут проходить в Токио в 1964 году, но о них и сейчас уже много разговоров).

Просматривая детские рисунки, мы не увидели среди них ни одного, где бы изображалась война, оружие, походы самураев... Вместо этого — цветы, которые здесь так любят и взрослые и дети, олимпийские огни, сказочные карусели, но чаще всего — это было для нас открытием! — на рисунках появлялись фантастически яркие наши спутники, стремительно уходящие к звездам космические корабли, первый советский космонавт в шлеме...

Вот, оказывается, что сегодня занимает их детское воображение! Вот чем вдохновляется мечта юных жителей этого далекого рыбачьего поселка...

Окончание следует.

„Колобок" справляет десятилетие

В детском доме шло представление кукольного театра. Ребята в зале всерьез волновались из-за интриг лесных обитателей. А за кулисами происходил разговор, не предусмотренный пьесой. «Покрути у лисы хвост! Еще, еще сильнее!» — давали указания кукловодам инструкторы, помогая им держать зверей. Нет, куклы были не тяжелые: тряпичные. Секрет заключался в артистах. Наверное, после спектакля, без всяких зрителей, они с упоением будут играть в куклы. И ничего зазорного: ведь артистам не больше пяти лет.

Это кружок кукловодов Второго киевского детского дома, а руководит и шефствует над ними школьный театр кукол при Октябрьском Доме пионеров Киева. Конечно, в самом театре труппа куда взрослее. Там играют семиклассники — артисты опытные, со стажем.

Их творческий путь начался десять лет назад, в... 68-м детском саду. Однажды воспитательница Нина Тимофеевна Новожилова спросила у малышей: «Хотите, чтобы ваши куклы пели и танцевали?» «Хотим», — ответила детвора и принялась за работу. Так появился на свет «Колобок» в постановке детского кукольного кружка. С него все и началось.

Когда ребята подросли и поступили в школу, Новожилова ушла из детского сада и вместе с мужем Евгением Аристарховичем Ливановым организовала при Октябрьском Доме пионеров кукольный театр. Актерами стали ее воспитанники — сорок новоиспеченных первоклассников.

Сейчас им уже по четырнадцать. Они носят пионерские значки и задумываются о будущей профессии. Одно осталось неизменным — трепетное обожание своего театра. Теперь у него значительный репертуар: басни Крылова, две оперы Лысенко и с десяток сказок. С этой программой коллектив прошлым летом отправился в свою первую гастрольную поездку в Крым. Что и говорить, руководителям театра досталось во время путешествия! Бесчисленные чемоданы, реквизит, переезды, выступления да и сами актеры требовали немалого внимания...

Где только не побывал пионерский театр: у ребят Симферополя, Ялты, Алушты, Жданова, даже у моряков теплохода «Львов»! А когда вернулись в Киев, наступил особенно горячий сезон: в нынешнем году театр будет отмечать свое десятилетие. К этой дате школьники готовят пьесу Бела Юнгера «Белая роза» по мотивам венгерских народных сказок и различные концертные номера. Дети разучивают роли, делают декорации, придумывают мизансцены, и каждый лепит сам из глины своего героя.

Киевский пионерский театр гостил у ребят 22-го московского детского дома. Когда каникулы окончились и друзья прощались, был заключен договор: киевляне помогут москвичам организовать кукольный кружок. Даже выбрали сказку для постановки — памятный «Колобок», с которого и началась история Киевского пионерского театра кукол.

Л. БИРЧАНСКАЯ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ПРАЗДНИК!

Артист Раутбарт в роли Ржапека.

Как принимают дорогих гостей? Их прежде всего угощают: это закон, старый как мир. А когда у людей начинается новая, счастливая жизнь, когда в трудовую артель собираются в гости все жители соседней деревни, тут уж действительно у хозяек забот полон рот!

...Уже зарезана упитанная свинья: сам председатель артели Антонин Ржапек выделил ее для праздника. Уже варят на общей кухне аппетитные кушанья, и все, казалось бы, готово к приему гостей. Однако женщины, задумав поразить соседей своими кулинарными талантами, в самый последний момент заставляют председателя зарезать еще одну свинью. Ржапек подчиняется, но решает скрыть это от людей, особенно от председателя райисполкома Коваржика.

Не проще ли было поступить открыто? Ржапек нервничает, волнуется, опасаясь разоблачения.

И как же он потрясен, когда вдруг появляются на веселом пиршестве два свиных хвостика: острая на язык, насмешливая Гонзикова как деликатес преподносит их председателю исполкома Коваржику.

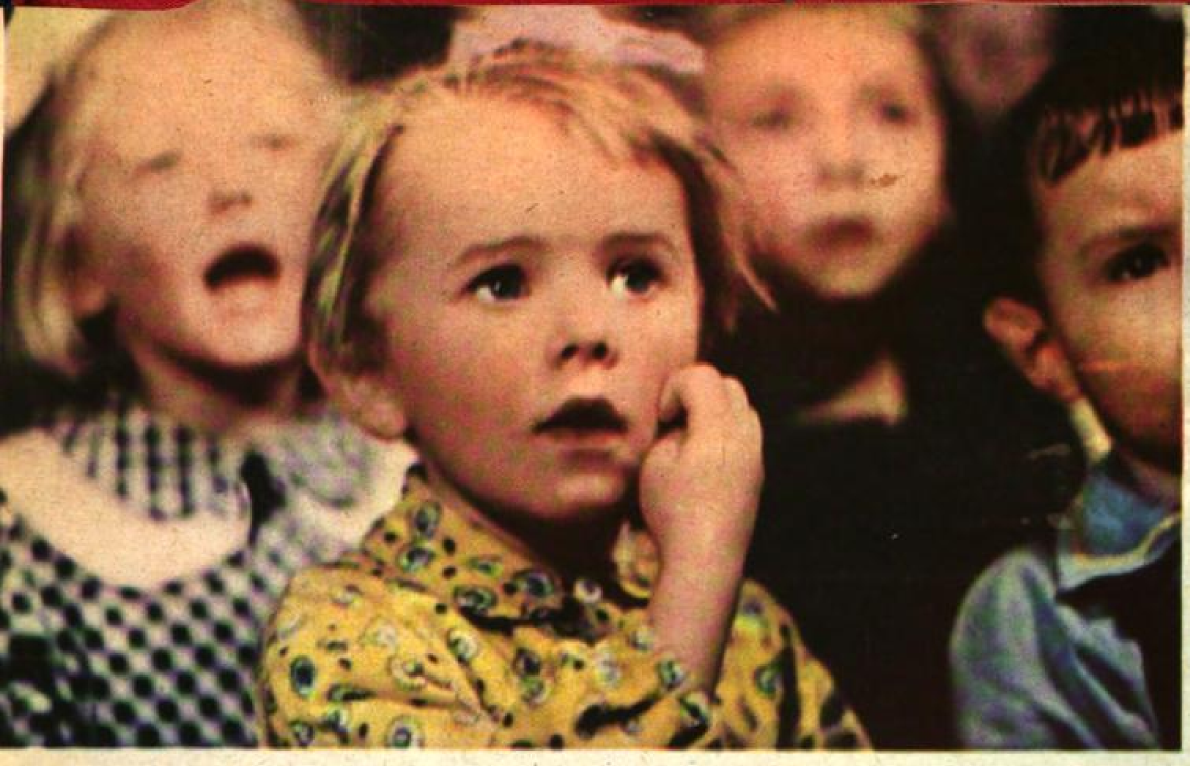
Конечно, все окончилось благополучно. Потому что Ржапек старался доставить радость коллективу. И потому что члены артели заслужили этот веселый праздник своим трудом.

Комедия «Свиные хвостики», написанная молодым чешским драматургом Ярославом Дитлом, идет в Московском театре имени Пушкина. Артист Раутбарт, играющий Ржапека, принес в эту подлинно водевильную роль все лучшее из своего опыта в оперетте. Очень хороша Гонзикова — О. Викландт, энергично командующая всеми действиями, развертывающимися то на кухне, возле раскаленной плиты, то на площадке для танцев, где кипит пестрый народный праздник веселых и трудолюбивых людей новой Чехии.

Веселый и слаженный спектакль поставлен главным режиссером театра Б. Равенских.

О. КАЛИНЕНКО

Copyrighted material

Испуг... Попробуйте сохранить спокойствие, когда Коза-дереза идет с рогами на бедного Зайца.

Смех... Это Колобок рассмешил ребят своей забавной песенкой.

Слезы... Судьба Семерых Козлят очень взволновала зрителей: шутка ли, попасть на зубок Волку Серому!

Copyrighted material

СИНЯЯ РОЗА

Рассказ

Велта СПАРЕ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Я получаю письмо

Вокруг тишина, и я могу думать. Удалось ли Эрику вырастить синюю розу? Этот тихий час принадлежит Эрику. В моей коротенькой жизни редки часы тишины, и я уделяю их путешествиям в прошлое. Вместе с матерью я мысленно исходила уже все тропинки моего детства, десятки раз упрекала себя в том, что к маленькой Айе была неласкова...

Маленькая ты моя! Хоть на одно мгновение перенесись сюда, ко мне, через огромные просторы, лежащие между нами! Я лишь прижму, сестренка, твои худенькие ручки к моим щекам, одно только ласковое слово скажу тебе...

Нет, нет. Не надо. Даже во сне не надо. Детям здесь делать нечего. Эта тишина обманчива. Смерть лишь на миг притаилась вон за теми кустами, за рекой, там, у подножия горы. Скоро проснется фронт, поднимется огненный вихрь, и, словно далекое эхо, в каком-нибудь селе заплачет жена или мать.

Но я же хотела думать о розе. Она была маленькой, с крепкими серовато-зелеными листочками, с острыми шипами, как у всех других роз. И все же это была необычная роза. Она принадлежала Эрику. Еще будучи мальчиком, он задумал вырастить синюю розу. Часами рассказывал, как это можно сделать. Цветы во время опытов хирели, мне было больно смотреть на них. Роза походила на тяжелобольную, но Эрик не отступал. И когда расцвел первый цветок с ярко-синим оттенком, я радовалась вместе с ним. Да, это была немного и моя роза. Иначе бы Эрик не подарил мне первый цветок.

Два с половиной года пролетело с тех пор, как началась война. Неужели только два с половиной? За это короткое время произошло больше перемен, чем за всю прежнюю жизнь. Как я прожила эти годы? Шестнадцать часов в день я слушала лекции. Удрала из далекого тылового госпиталя. Прошла десятки километров пешком, долго блуждала, пока нашла Гороховец. Но там мне отказали. Обманула молодого, очень сердитого на вид капитана на одном распределительном пункте. Сказала, что отстала от эшелона, который следовал... да откуда мне знать, куда? Капитан проверил мои документы, махнул рукой, и так я попала на фронт. Конечно, это не совсем честный путь, но пусть это будет списано за счет романтики юности.

Романтика у меня, по правде говоря, основательно выветрилась из головы. Проходят дни, недели, месяцы, а я никаких подвигов еще не совершила. Зато мои товарищи... Димка Шаповалов этой ночью в четвертый раз отправится за реку, на ту сторону. Три раза фашисты замечали его, и Димка возвращался до нитки промокший и злой. Как только стемнеет, снова пойдет...

— Тебе не страшно? — спрашиваю его, когда он, стуча зубами, носится по санитарной землянке, чтобы немного согреться.

— Пойди сама, увидишь! — Димка сердито обрывает меня, но спустя мгновение, поняв, что я вовсе не хотела уязвить его за первые неудачи, примирительно добавляет: — Вообще-то страшновато. Если после войны ты встретишь человека, который будет хвастать, что ему на фронте не было страшно, знай наверняка, что это самая завзятая тыловая крыса, которая в глаза не видела передовой. Страшно-то всем, но это чувство можно побороть. Мне обычно страшно лишь тогда, когда опасность еще далеко. Но как только наступает решительный момент, у меня остается одно только желание — победить, и о себе я уже не думаю.

Я согласна с Димкой, потому что сама испытала нечто подобное. Перед наступлением у меня дрожат руки: будет ли достаточно медикаментов, будут ли санитары успевать с доставкой раненых, будет ли... Кажется, я не смогу сделать самой обычной перевязки и обязательно сломаю иглу при первом же уколе. Но как только начинается, мною овладевает деловой расчет, мысль работает четко, руки становятся легкими, послушными.

Синяя роза... Может быть, уже расцвел совсем синий цветок? Хорошо ли позаботился Эрик о зимовке нашей розы? Не забыл ли он на время осенних бурь укрыть ее под стекло? Жаль, что ты не пошел за мной в комсомол, Эрик. Теперь мы были бы вместе. Но ты так же, как и твой отец, учитель Жубе, избрал «золотую середину». Не знаю почему, но меня частенько одолевает страх за вас, особенно за тебя, Эрик, потому что ты молод. Может быть, ты надел гитлеровскую форму и с противоположной стороны целишь мне в сердце?

Нет, нет! Прочь, гадкие мысли! Я ничего не знаю о том, что делается за линией фронта, в далекой Пиебалге. Ты уж, по крайней мере, удержись на своем островке. Береги синюю розу; ты же знаешь, что она впитала в себя и капельку крови из моего сердца.

* * *

Тишина затягивается. Мы съели горячий ужин. Солдаты с радостью встречают почтальона. Минуты, когда приносят почту, для меня самые мучительные. Для меня никогда нет писем. Два пожелтевших номера «Латышского стрелка» в полевой сумке — это все мое богатство. Их мне прислала однажды в госпиталь знакомая девушка из Горького. Теперь и она больше не пишет.

В землянке сыро, уже несколько дней я не разводила огня. Нельзя. Пока носишься по окопам, шинель намокает, а потом замерзает, делается будто дубленая. Не помню, когда в последний раз спала раздетой. Ночью мы лежим вповалку, тесно прижавшись друг к другу, от шинелей поднимаются испарения, однако согреться никак не удается. Трудно. Ни малейшей романтики. Есть лишь сознание того, что мы сильнее тех, кто на той стороне.

Почтальон опять обходит меня. Я не ждала письма, и все же в этот миг тяжелее, чем всегда, меня угнетает чувство одиночества. Кажется, будто я одна-одинешенька в огромной солдатской массе, быть может, единственная девушка на всем фронте, которой не с кем перекинуться словом на родном языке.

У моих товарищей, по крайней мере, общие разговоры, общие песни. А я, как бы ни старалась, ничего путного по-русски рассказать не могу. Понимаю почти все, но говорить трудно. И поэтому я почти всегда остаюсь наедине со своими мыслями.

Усаживаюсь на пень, сжимаюсь в комок и, не глядя вокруг, начинаю тихо напевать «Вей, ветерок». Сейчас согрею в рукавах застывшие пальцы, потом вытащу из сумки «Латышский стрелок» и перечитаю его заново. Знаю на память каждую строчку, но все равно перечитаю... Заберусь мысленно на маленький островок моей родины, той, что далеко-далеко отсюда.

Прямо перед глазами вырастают два огромных сапога. По заплате на левом носке узнаю, что это Димкины. «Притащился. Нашел время!» — думаю.

— Идем со мной! — говорит Димка.

— Что нужно?

— Второй взвод тебя вызывает.

— Что случилось?

— Иди, там увидишь.

— Ни минуты посидеть не дадут, — сержусь я. — Наверное, потребуют чистое белье и баню. Будто я виновата, что мы торчим целых три недели в этой грязи.

Второй взвод всегда устраивается уютней, чем другие. Если приходится подольше задержаться на одном месте, солдаты второго взвода даже на самой передовой ухитряются оборудовать закрытый уголок, где можно отдохнуть, свернуть «козью ножку».

Командир взвода Гриша Пещериков встречает меня хитроватой улыбкой.

— Неофициальная просьба — приходить к нам почаще в гости,— говорит Гриша.

— Есть жалобы? — отрезаю я.

— Нет. Положение дел таково. — Гриша даже в обычной беседе употребляет сухие, порой преувеличенно деловитые фразы, которые не вяжутся с его сердечной, доброй натурой. — Мы решили взять над тобой шефство и давать тебе уроки русского языка.

Ну, не чудак ли! Ясно, что это новая попытка предпринять наступление на мой душевный покой. Сколько раз в день он без всякой надобности прибегает в санчасть!..

Вздыхаю. Мне не до шуток.

— Уроки будут проходить всегда, когда мы получаем почту. Учебное пособие — полученные письма. Программа — ты читаешь их вслух. Начало занятий сегодня.

Это еще что? Очередной розыгрыш?

В мою сторону тянутся девять рук с белыми треугольничками.

— Никто еще не читал. Не тяни. Люди ждут.

— Начни с моего. — Митрофан Тимофеевич Макаев — наш любимец, большой шутник, с жизнерадостностью которого ничего не могут поделать ни седина, ни фронтовая грязь, ни ревматизм, протягивает мне сложенный треугольником тетрадный листок.— Моя дочка пишет большими буквами. Легче разберешь.

Я давно знаю, что письма солдаты читают сообща. Но почему... почему я?..

— Не упирайся,— говорит Митрофан Тимофеевич,— у тебя голосок звонкий, любо послушать. Ну, начинай же, не мучь!

Чуть дрожащими руками раскрываю треугольничек. Митрофан Тимофеевич сверлит взглядом мои губы. Видно, я со страшным акцентом произношу слова. Когда трудно разобрать, Макаев наугад подсказывает мне:

— Не «Катэ», а «Катя» зовут невестку. Хорошо, что здорова, у ней кость узкая, а тут заместо мужиков тяжкую работу делать приходится. Значит, Евдокия Васильевна кланяется? Ну да, от жены большего не ожидай, не больно говорить-то любит. А какие вареники стряпает! Язык проглотишь, особенно если еще со сметаной... А, Федька уже в колхозе работает? Пятнадцатый год хлопцу, не такой уж маленький. Такие теперь в тылу вместо мужиков.

Вверху слева: Арик Ливанов, ученик 7-го класса, — один из «премьеров» Пионерского театра. Он исполняет роль кузнеца в сказке «Волк и Семеро Козлят». Артисты еще и режиссеры, плотники, художники, портные. Взгляните, как ловко сделал Алик Федоренко слепок будущей куклы.

— До новых встреч! — прощаются пионеры со зрителями, и куклы послушно кланяются залу (в центре).

А эти звери на нижнем снимке поют даже арии из оперы Лысенко «Коза-дереза». Что ж удивляться, у их исполнителей звонкие голоса.

Кулисы. Идет опера Красева «Теремок». Артисты — само внимание и сосредоточенность.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Copyrighted material

Когда письмо прочитано, Митрофан Тимофеевич читает его еще раз про себя, а я приступаю к следующему. Незаметно проходит час. Слушатели жадно ловят каждое мое слово, и когда я заканчиваю, так сердечно благодарят, будто я, а не почтальон, принесла им эти долгожданные весточки.

— А теперь прочитай мое,— говорит Димка, проводив меня в землянку.— Я, правда, уже раскрыл, но в другой раз обязательно потерплю!

— Димка, лучше читать самому. Есть же вещи, которые принадлежат только тебе.

— Мне нравится, когда ты читаешь, — отвечает уклончиво Димка. Достает из кармана письмо. И вот я держу в руках фотографию маленького ребенка.

— Дочка. Танечка,— с нежностью говорит Димка.— Сегодня познакомились. Я уже был на фронте, когда она родилась, ни разу не видел. Хороша девка, а?

Мы вместе прочитываем письмо Наташи к Димке, узнаем, что Танечка уже бегает, показывает пальцем на карточку и торжественно произносит: «Папа!». От мелко исписанных страничек струится тепло, любовь и нетерпеливое ожидание.

— Я очень люблю Наташу,— начинает Димка, больше обращаясь к самому себе.— Никогда ее не обижу. Некоторые говорят, что на фронте... что на фронте все простительно. Увлечение и... ну, ты понимаешь. Но я так не хочу. Такое никогда нельзя простить... Пойду вздремну немного,— говорит Димка тихо, и я понимаю, что ему хочется побыть одному.

— Да... Ты возьми фотографию... До моего возвращения.— Димка отворачивается.— А то еще промокнет...

Забираюсь в землянку. Как хорошо ее отделали мои ребята! Даже песок с потолка не сыплется. Мне никогда не приходится беспокоиться о воде. Дровишки посуше тоже они всегда приносят. А сегодня... Сегодня каждый из них принес мне частицу своего сердца. Сегодня и я, девчонка, которую дороги войны закинули далеко от Латышской дивизии, получила письмо.

Синяя роза, знаешь ли ты, что здесь, рядом со мной, на изрытой снарядами и окутанной туманом смерти земле, расцвел новый прекрасный цветок? Его нельзя увидеть, сорвать, его только можно ощутить. Можно спрятать в сердце и носить с собой всю жизнь. Тот, для кого расцвел этот цветок, наверно, никогда не будет бояться никаких трудностей.

Спи спокойно, Димка. Тебе предстоит тяжелый поход, но ты обязательно вернешься. Мы все трое будем ждать — Наташа, Танечка и я. А если так ждут, то нельзя не вернуться. Ты слышишь, Димка?

Возвращение

Об Эрике я ничего дома не спрашиваю. Непонятная робость удерживает меня от этого. Жду, пока мать сама заговорит о нем или отец, но они молчат. Всех знакомых перебрали, о каждом происшествии в нашей волости рассказали они мне уже по нескольку раз, но об Эрике молчат.

Чем дольше тянется молчание, тем труднее мне заговорить. Но неведение еще мучительней. Как-то вечерком я подхожу к матери.

— Мама, что с Эриком?

— Не забыла еще?

— Столько времени по соседству жили...— отвечаю уклончиво.— Хочется знать, как тут жилось.

Видно, мой голос звучит равнодушно, и мать успокаивается.

— Эрик, доченька, в бандитах. Теперь в лесах остатки разных шуцманов шляются. Брейтман тоже. Недавно парторга убили. Уж я хотела наказать, чтобы так открыто по роще не разгуливала. Их-то немного, но как знать...

— И Эрик вместе... с Брейтманом?

— Не знаю, доченька. Чего не знаю, того не скажу. Плохого об Эрике не слышала. При налетах в банде его не видели. Но до сих пор с повинной не пришел. Видно, не смеет... На днях повсюду правительственное сообщение расклеили; у кого руки чистые, те из лесу выходят. Вчера отец рассказывал, что шестерых в Берзайне повезли, документы выписывать. Надо спросить, может, и Эрик среди них.

— Я сама спрошу, — с трудом произношу я.

Эрик!.. Мать еще что-то говорит, но я не слушаю. У меня закрыты глаза и зубы сжаты. Сердце болит так же сильно, как тогда, на фронте, когда приходилось стоять у могилы павшего товарища. Я молчу, потому что сегодня мне предстоит пройти мимо еще одной могилы... Надо похоронить мою первую любовь, память о том человеке, который был мне так дорог. Теперь для меня уж неважно, жив Эрик или мертв, простят его или накажут. Он там, на той стороне. Возможно, человека, что носит его имя, трижды простят, он будет ходить по земле, дышать тем же воздухом, что и я, смотреть на то же солнце, что и я,— все равно для меня это будет другой Эрик.

— Может, он от немецкой мобилизации скрывался? — примирительно говорит мать, почувствовав, что услышанное причинило мне боль.

— А сейчас от чего скрывается? — В ночной тишине слишком громко звучит мой голос.

— Выжидает, пока все уладится, в армию теперь призывают... Он всегда боялся.

Боялся? Это еще хуже, размышляю я. Скрывается, выжидает... пока кто-нибудь другой наладит вместо него жизнь. Тогда явится — на готовенькое. И потребует: дайте мне то, дайте мне это. Дайте, прошу вас. Я ничего плохого не сделал. Я только отсиживался в лесу, пока вы дрались с немцами. Не гоните меня, я хороший, я ничего плохого не...

Но что хорошего сделал Эрик?

Ничего, он ответит. А разве это так важно? Ведь были другие. Другие...

Он не подумает о том, сколько замечательных парней отдали жизнь, чтобы такой Эрик мог однажды выйти из лесу и просить; не подумает о том, что я мерзла в окопах вместо него.

Нет, Эрик! Мое сердце сегодня имеет другую цену. И тебя я никогда не пойму — никогда!

А теперь я еще раз прокляну фашистскую мельницу, которая пропустила через свои жернова и друга моей юности, разорву в мелкие клочья синюю розу, развею ее по ветру на все четыре стороны и, наверно, немного всплакну...

* * *

Случаю было угодно, чтобы мы встретились. Прошел месяц с тех пор, как я демобилизовалась. Работаю в Берзайне, в уездном комитете комсомола, и у меня часто бывают командировки в Пиебалгу. Так получилось и на сей раз. Хутор Сили, где я обязательно должна побывать, находится невдалеке от места, где живет Эрик... Я знаю, что он дома.

Какое огромное значение приобретают иногда совершенно незначительные вещи! Кто-нибудь другой наверняка равнодушно пройдет мимо колодца со старым, изъеденным временем журавлем, а для меня это живой свидетель прошлого. Когда-то, очень давно, вокруг этого колодца были разбиты клумбы. На них цвела настурция. Вечера были напоены пьянящим ароматом ночной красавицы. Мы с матерью пели в два голоса. И когда на окутанном туманом лугу пронзительно кричали чибисы, я знала, что идет Эрик. Чем ближе раздавался крик чибиса, тем напряженнее я всматривалась во мглу, стараясь угадать, в каком месте покажется знакомый силуэт.

Нет, это уже не я, а другая шагает теперь по избитой подковами дороге. Дни моего раннего детства бегут впереди с разлетающимися косичками, влекут за собой, и я незаметно погружаюсь в омут воспоминаний.

Рядом, за пригорком, виднеется очертание знакомой крыши, и серый дымок тянется к небу. Будто кто схватил меня за руку и повернул на эту дорогу... Только в эту минуту я ощущаю, какая огромная пропасть легла между вчерашним и сегодняшним днем. И все же я продолжаю идти. Возможно, этого не следует делать, но во мне пробудилось желание

Copyrighted material

познакомиться с тем Эриком Калнюм, который остался жив. Так подчас ребенок горит нетерпением узнать, что таится в темной комнате, которая страшит и в то же время манит своей жуткой таинственностью... Я должна все увидеть сама. Избежать встречи было бы малодушием, непростительной трусостью.

Почерневшие, точно заплаканные, глазницы окон. Я помню, что порог высокий, и делаю широкий шаг. В комнате за столом сидит молодая женщина с маленьким ребенком на руках. Она медленно опускает ребенка на землю и встает мне навстречу.

— Илга!

Теперь я ее узнаю. Была худенькой девочкой, на несколько лет старше моей младшей сестренки. Дочь бедного испольщика, она всегда ходила в потрепанном платьице.

— Аустра!

— Заходи, заходи! Я часто вспоминала тебя, Илга. Заходи, видишь, какой уже у меня большой сын. Айваринь, дай руку тете! Садись же, сними пальто.— Она мечется по комнате, не зная, куда меня усадить.

Держась за стул, ребенок, насупившись, смотрит на меня, следит за каждым моим движением. Белые, как лен, волосы, высокий лоб и глаза, которые в тени становятся похожими на омут... Эрик!

— Эрик скоро придет,— говорит Аустра, и в ее голосе мне слышится напряженная готовность защищаться.

Милая Аустра, у меня ведь остались одни лишь воспоминания. Они не имеют ничего общего с женщиной в солдатских сапогах и военной форме, что пришла сегодня к тебе в гости.

— У тебя чудесный сын, Аустра! — Я смотрю ей прямо в глаза.

Выдерживаю ее вопрошающий взгляд и даже улыбаюсь. По лицу Аустры тоже пробегает болезненно-нежная улыбка. Мне кажется, она понимает, что я пришла не за тем, чтобы разрушать.

— Очень похож на отца,— продолжаю я.— Верно ведь, маленький Эрик был точно таким же.

— Да, так все говорят, — улыбается Аустра.— Мы сошлись не так давно. Теперь самое трудное время позади, сможем и мы жить, как все. Крыша, видишь ли, совсем худая. Как долго можно жить в такой развалюшке? Поступаю на работу, Эрик будет помогать, как-нибудь выберемся на дорогу. Ты хочешь кушать? Подожди, я хоть молока принесу.

Она проворно выбегает в чулан, возвращается с кувшином молока и, бросив взгляд в окно, радостно сообщает:

— Эрик едет! Велела ему хворосту привезти. Айваринь, беги навстречу папе!

Маленький человечек семенит к дверям, не может перешагнуть через порог и опускается на четвереньки. Я смотрю на него, вижу непринужденную радость Аустры, ее энергичные, полные жизни движения и вдруг чувствую: я очень верно поступила, зайдя к ним. Я провела тут только несколько минут, но уже понимаю, что заблуждалась, когда думала, что здесь все закостенело, что жизнь замерла. Дыхание новой жизни вошло в эту комнату вместе с Аустрой. Кажется, я не ошибаюсь, когда думаю, что у руля в этой семье стоит она, эта худенькая женщина. Ее тонкие руки, кажется, не могут вытянуть ведра из колодца. Но это только кажется. На самом деле это сильные и смелые руки.

Со двора доносится звонкий смех ребенка и слышится низкий мужской голос. Я узнала бы его среди ста других голосов. Встаю и отодвигаюсь в тень. Дверь медленно отворяется, мальчик переваливается через порог и, ликуя, бежит к матери. Провожаю его взглядом и отваживаюсь наконец поднять глаза на человека, молча стоящего посередине комнаты. Надо что-то сказать, я делаю шаг вперед и подаю руку. Рука у Эрика вялая, однако мне кажется, что по ней пробежала легкая дрожь.

— Ты!.. Ты... Илга! — Он с неожиданной силой прижимает мою руку к своей груди.— Живая!

Это не радость. Скорее это отчаянный протест против неожиданно представшей перед глазами юности, которая напоминает и осуждает...

Освобождаю руку. Мгновение Эрик смотрит на свою опустевшую ладонь, потом тяжело наваливается на край стола. Аустра подвигает ему стул, Эрик, не глядя, садится. Лицо его в тени, его трудно разглядеть. Но когда он убирает руку, заслонявшую лоб, я вижу, что лицо его выражает одну лишь усталость.

Аустре удается рассеять наше смущение своей непринужденной речью. Удивительно, до чего естественно у нее это получается! Аустра накрывает к ужину, а мы с Эриком сидим и не знаем, о чем говорить. Оба мы избегаем вспоминать о том, что принадлежит только нам обоим, и это хорошо. Эрик очень постарел, глаза его потускнели. Некогда очень опрятный, он сейчас так неряшливо одет. Усталость сквозит и в его глазах, и в голосе, в движениях. Его движения медлительны и расчетливы, как у больного, который боится шагнуть, чтобы не разбудить боль в том месте, где кость только успела срастись после перелома.

Аустра убегает в хлев, мы остаемся вдвоем. Может быть, она делает это нарочно. Молчание затягивается, становится мучительным.

— Как ты живешь? — тихо спрашивает Эрик.

— Хорошо. А ты?

— Я не создан для подвигов! — Это звучит как упрек моей армейской форме, но с таким же успехом это можно истолковать как упрек самому себе.

— Кто как понимает подвиг,— сухо отвечаю я, ибо во мне снова оживает горечь при виде этого рослого, плечистого человека, все заботы которого сводились лишь к тому, чтобы спасти себе жизнь. — Если ты думаешь, что найти свое место в жизни есть подвиг, то такое назначение, по-моему, уготовано каждому еще с пеленок.

— А если кто-то не выполнит этого назначения? — В голосе Эрика звучит желание вызвать сострадание к себе.

— Тот погибает,— безжалостно говорю я.— Погибает... и... бесследно. Скажи, ты еще выращиваешь розы? — спрашиваю я.

Мне вдруг очень важным кажется узнать, живы ли еще в Эрике стремления юности — создать своими руками что-то значительное, непреходящее. Если бы оно было живо, это стремление, тогда я... тогда мы могли бы еще протянуть друг другу руки, как товарищи.

— Где уж там! Где уж! — Он машет рукой, в глазах его на миг загорается какой-то свет, но в следующее мгновение гаснет, как искра во тьме.

Эрик мне совершенно чужой. Кажется, что мы стоим на двух различных континентах. Ни одной общей мысли. Прошлое, как ножом, отрезано раз и навсегда. Я не чувствую у Эрика неприязни ко мне и к нашему времени. Нет. Одна лишь пустота. Его плот не пригнало ни к какому берегу, а разбило, когда он в бурю метался от одного к другому. И сейчас по волнам плывут одни лишь обломки. Удастся ли Аустре собрать их воедино и создать нечто цельное?

Входит Аустра, и мне сразу становится легче. Аустра полна жизни и тепла, я слышу рядом ее шаги, ее речь мне понятна, и даже не высказанные ею мысли мне близки. Взгляд Аустры не упирается в землю, он устремляется сквозь узкое оконце вдаль, туда, где ширится огромный горизонт. Когда Аустра в комнате, стены будто бы раздвигаются, тяжелая тишина отступает в уголок, и неподвижное тело Эрика будто оживает. Мне временами кажется, что сердце Аустры гонит кровь по жилам измученного человека, который сидит напротив.

Мы почти все время разговариваем с Аустрой. У нее множество разных планов, и она о многом хочет знать. Я рассказываю ей о России. Чувствую, что в ней пробудилось то же желание, что одолевало и меня в последние предвоенные годы,— все постичь самой, найти настоящий путь. Эрик молчит. Кажется, ему нет никакого дела до того, что происходит вокруг. Голова его понурена, даже когда Аустра просит его подать ей что-нибудь, он передвигается по комнате с опущенной головой. Я даже удивляюсь, как ему удается найти нужные предметы.

Только при прощании он заглядывает в мои глаза.

— Помнишь, как я выращивал розы? Да, было время, когда мне хотелось многого достичь... И... видишь...— Его широкие плечи снова поникают.— И... видишь, что со мною стало.

Аустра провожает меня. За дверью, на старом каменном крыльце, останавливается, кладет мне голову на плечо.

— Ты приезжай почаще. И пиши. Когда я с тобой говорю, я становлюсь сильнее. Мне нелегко... Иногда очень даже тяжко. И страшно за себя... за Айваринь. Как воспитывать, чтобы вырос хорошим, сильным человеком, таким, который будет знать, как жить и... не заблудится.

— Держись! — мягко говорю ей.— Ты сильная, Аустра. Очень сильная. Приступы слабости не в счет, они бывают у каждого. Ты справишься со всем. Айвара жизнь не будет так трепать, как в свое время Эрика, как наше поколение. Что знали мы о жизни, о действительности? Читали сентиментальные романы и плакали от умиления. А потом убедились, что все это ложь, что нас жестоко, гадко обманывали... Блестящие браслеты оказались попросту наручниками... Ты понимаешь?

— Я много об этом думала, Илга,— ответила Аустра, глядя на облако, плывущее стороной.— Вот почему я хочу, чтобы Айвар рос сильным, чтобы ему... не обломали крылья.

— Все будет хорошо,— успокаиваю я.

Иду через двор. Здесь, по левую руку, возле яблонь, росла синяя роза. На месте прежнего газона виднеется бугорок, поросший сорной травой. Посередине — ямка с рваными краями. Тихо прохожу мимо.

А может быть, придет день, и эту ямку разровняют крепкие руки мальчика. Он посадит в нее розовый куст и с трепетом станет ждать, когда распустится синий цветок...

Очень может быть. Стремление человека к добру не угаснет никогда. И разница будет лишь в том, что этого мальчика будут звать Айваром, и какой-нибудь маленькой девочке, имени которой я не знаю, будет жаль розы, когда мальчик сделает ей прививку.

Потом с восторгом она будет держать в своих руках первый цветок... И они никогда не расстанутся, потому что стоять они будут на одном континенте.

Перевел с латышского
М. АФРЕМОВИЧ

Copyrighted material

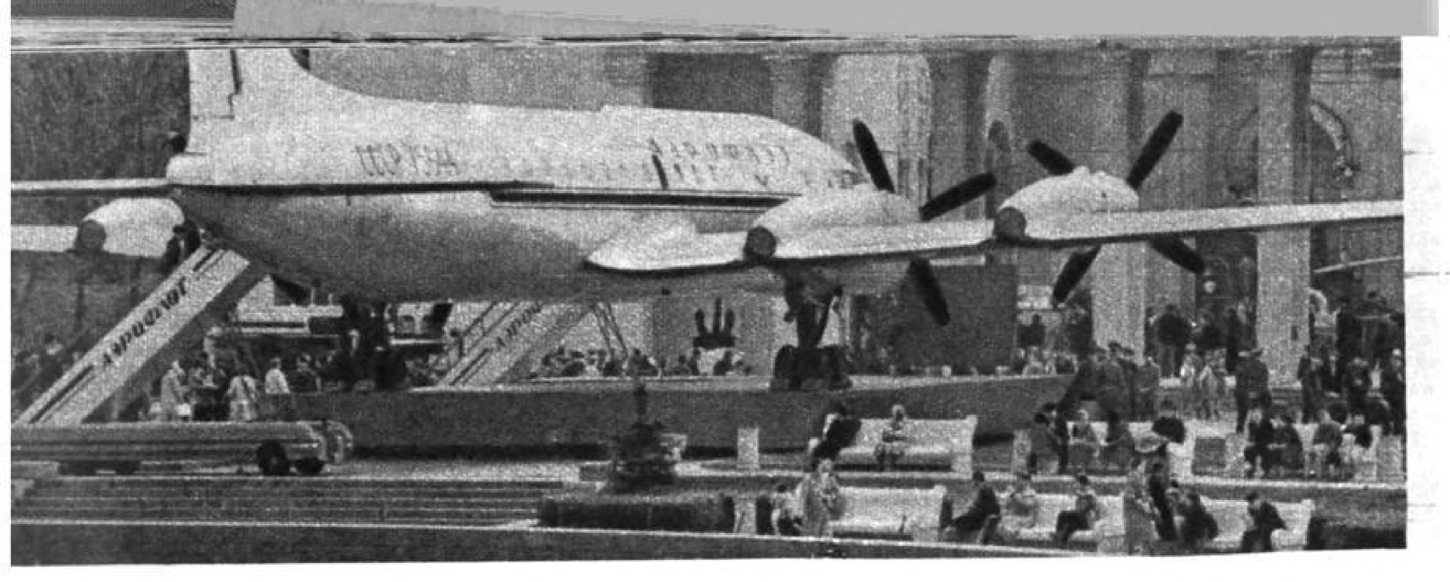

Фото А. Гостева.

КАЖДЫЙ ВТОРОЙ ЭКСПОНАТ—НОВИНКА

Словно сама природа предназначила 21 мая для открытия летнего сезона Выставки достижений народного хозяйства. День лучезарен. Цветут яблони. Посетителей сегодня очень много!

Каждый второй экспонат выставки демонстрируется впервые.

ГОРОД С БЕЗЛЮДНЫМИ КВАРТАЛАМИ

Городок на площадке павильона гидрометеослужбы. Мачта с флюгером, ребристый ящик на алюминиевых ногах — «высотные здания». Вокруг приборы в стеклянных колпаках.

У города механизмов своя сложная жизнь. Анемометр измеряет скорость ветра за каждые 10 минут. Термометрические приборы дают исчерпывающее представление о температуре.

Ветер, атмосферное давление, перепады в температурах воздуха, осадки, солнечная радиация — все четко фиксируется в кварталах этого города. Приборы сообщают блоку управления о своих наблюдениях. И тот по импульсному телефону связывается с радиостанцией.

Автоматическая метеостанция «М-36» создана для труднодоступных районов. Она легче и дешевле соответствующих американских установок и действует без вмешательства человека не менее года.

«ЦЕПОЧКИ»-АВТОМАТЫ

...Главная достопримечательность павильона химической промышленности — агрегаты для обработки пластмасс. Станки, вагонетки, трубы, строительное оборудование изготовляются из этого легкого и более прочного, чем металл, материала будущего.

В одном из залов работает станок-полуавтомат. Сырье из бункера механически поступает в нагревательную камеру в литейные формы. Секунда — и станок дарит юной посетительнице выставки изящную игрушку. Пожилой мужчина с улыбкой разглядывает свой сувенир — прозрачную коробочку в форме лунника.

При смене литейных форм можно получить любую промышленную деталь или предмет ширпотреба.

...На площадках, где выставлена сельскохозяйственная техника, знакомятся с производственными «цепочками». Вот агрегат, который одновременно рыхлит почву, удаляет сорняки и высевает кукурузу квадратно-гнездовым способом. Рядом — самоходный кукурузоуборочный комбайн, механизмы для приготовления кукурузного силоса.

Такими же «цепочками», с учетом местных условий, заводы страны выпускают машины и для других отраслей сельского хозяйства.

4 000 ТОНН СО СКОРОСТЬЮ ЭКСПРЕССА

Механизмы... На выставке их десятки тысяч. Поражает своими размерами корчевательная установка КУП-2, выпущенная Ленинградским совнархозом. Машина-титан выворачивает пни, кустарник, даже мелкий лес, очищает корни от земли и механически загружает транспорт. Этот мирный танк заменяет десятки экскаваторов и бульдозеров и предназначен для освоения лесной целины.

В павильоне Украинской ССР — царство электроники и автоматики. Горизонтально-фрезерный станок с программным управлением, созданный на луганских заводах, автоматизирует любой цикл по заранее заданной программе. Телемеханизация подстанций, подсчет деталей часов, изготовление грабельных зубьев — в большом и малом на помощь людям пришли верные друзья-механизмы.

На магистрали страны также вышла новая техника. Газотурбовоз луганского завода — самый могучий в мире. Его турбины со свободнопоршневыми генераторами тока способны развить мощность в 6 000 лошадиных сил. Стальной гигант везет груз в 4 тысячи и более тонн со скоростью 100 километров. Когда пролетает такой большегрузный экспресс, вдоль насыпи вихрятся смерчи.

Собратья локомотива — океанские лайнеры с газотурбинами уже бороздят водные просторы. Советские генераторы газа экономичны и безотказны. Коэффициент их полезного действия вдвое выше, чем у американских агрегатов.

ДЛЯ БЛАГА ЧЕЛОВЕКА

...Обыкновенная черная трубка. Будто бы совсем непримечательный прибор. Почему же так заинтересованы посетители павильона здравоохранения?

Бывает, что, спасая жизнь человеку, операция лишает его дара речи: голосовые связки перерезаны. Но человек будет говорить. Для того и создана эта трубка. Прибор усиливает колебания, делает их слышными для окружающих.

Новый хирургический инструментарий позволяет делать сложнейшие, считавшиеся невозможными операции на сердце, желчном пузыре и мозге.

Широко представлены новинки фармацевтики. Антибиотик мономицин, образованный лучистым грибком, который выделяют из почвы, белый кристаллический порошок пентамин...

Трудно перечислить достопримечательности ВДНХ. Наряду с гигантскими буровыми вышками, макетами космических ракет здесь представлены текстильные заводы-автоматы, детские игрушки, изящная мебель. Техника служит благу человека — таков смысл выставки 1961 года.

Ю. ГУРЬЕВ

Судьба Аллы Никитиной

Люди, которых вы видите на этих снимках, не встречались семнадцать лет.

Во время Великой Отечественной войны молодая семья Никитиных была схвачена в белорусском селе Старые Дороги и угнана на чужбину.

Двадцатилетняя Евгения готовилась стать матерью. На территории Эльзас-Лотарингии, оккупированной гитлеровцами, Никитины попали в фашистский концлагерь. Этот лагерь находился в Айанже.

Не только узники лагеря «Остарбайтер» — восточные рабочие — переживали тогда тяжелое время. Коренные жители Айанжа, по сути дела, были такими же пленниками. Они не имели права объясняться на родном языке. «Говорить только по-немецки» — такое распоряжение висело всюду. За малейшее сочувствие «остарбайтерам» французам грозили лагерь или смерть. За помощь русским оккупационные власти карали с особой жестокостью. Полагалось приветствовать друг друга выбрасыванием руки и восклицанием «Хайль Гитлер». Но французы вместо этого при встречах прибегали к условному знаку. Два поднятые вверх пальца — указательный и средний, чуть разведенные, означали первую букву слова «Victoire» — победа.

Нет! Не было ни одного настоящего француза, который бы покорился оккупантам.

В начале 1944 года Евгения Никитина родила дочь. Она знала, что детям в концлагере дают отравленное молоко. Нужно было во что бы то ни стало спасти ребенка. И Алла наверняка погибла бы, если бы в ее судьбе не приняли участие французские патриоты — семья Оффман.

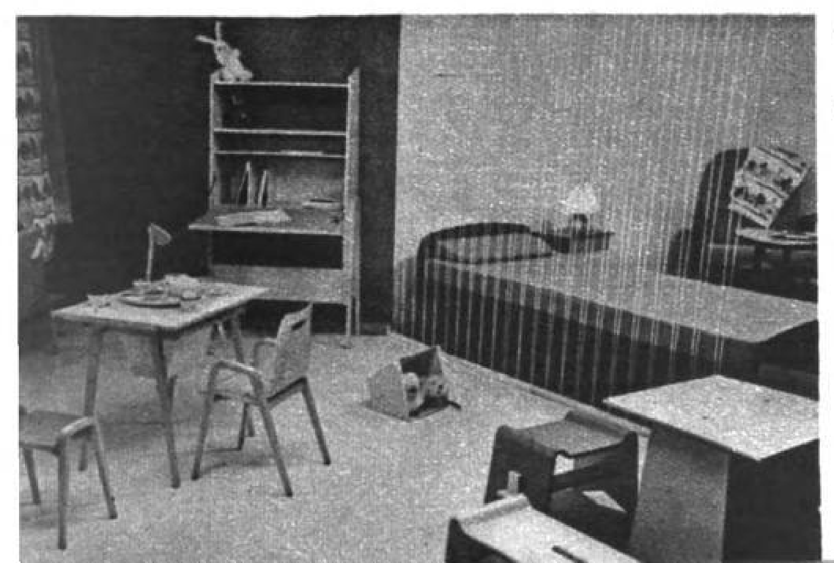
История этого подвига теперь широко известна. О нем много писали советские и французские газеты, сообщало радио обеих стран. Восемь месяцев жила Алла в семье Оффманов. Когда фашистов изгнали из Айанжа, Никитины вместе со своим ребенком вернулись на Родину. Что им было известно об Оффманах? Только имена. Оккупационный режим исключал общение

ОГОНЁК ДЛЯ ДОМА

ВКУС, ВЫДУМКА

Фото Б. Кузьмина.

Что характерно для современного интерьера? Почему на выставке вся мебель малогабаритная? Как уютно обставить новую квартиру?

Эти и многие другие вопросы задают посетители всесоюзной выставки «Искусство в быт», которая открыта в Москве, в Центральном выставочном зале. Много подобных вопросов и в письмах наших читателей.

Мы попросили одного из организаторов выставки рассказать об этом.

О. Г. БОЯР,
художественный руководитель по вопросам интерьера и мебели

Отбирая вещи для выставки «Искусство в быт», все мы прежде всего стремились к тому, чтобы показать нашим посетителям не столько отдельные гарнитуры, серванты, шкафы, стеллажи, светильники, посуду, сколько общие решения и некоторые приемы убранства современного интерьера.

Еще недавно некоторые женщины старательно заставляли свои комнаты всевозможной громоздкой мебелью, кушетками, козетками, пуфиками, вышитыми ширмами, зеркалами и картинами в золоченых рамах, веерами, полочками, статуэтками, бархатными драпировками на окнах и дверях, коврами, вышитыми подушечками и салфетками, шелковыми абажурами и прочими бесполезными, но признанными атрибутами домашнего уюта. В такой «беспокойной» комнате трудно было жить.

Сейчас, как это видно на выставке, преобладает тенденция к созданию спокойного интерьера, не перегруженного предметами убранства и громоздкой мебелью. Чем больше в вашей комнате свободного места, тем лучше. Ведь это не магазин, не выставка, а жилое помещение, в котором люди должны жить — ходить, есть, работать, отдыхать...

Жизнь у нас кипучая, насыщенная, стремительная, поэтому дома должна быть спокойная, простая обстановка. Это создается подбором и расстановкой мебели, цветовым решением интерьера, освещением.

Например, на нашей выставке в макете трехкомнатной квартиры Центрального конструкторского бюро очень интересно цветовое решение. Обивка мебели — желтая с черным — очень хорошо выделяется на фоне серых обоев. Желтовато-зеленый занавес на окне, янтарно-желтые светильники, желтый и черный цвета повторяются и в деталях убранства.

А вот литовские архитекторы все сделали в одной сдержанной серо-зеленой гамме — ковер и обои, обивку мебели и керамику.

У эстонских коллег 6 стульев обиты тканью одной фактуры, но различных пастельных тонов: серый, зеленый, горчичный... Конечно, при этом и обои и драпировки должны быть нейтральными, спокойными.

Copyrighted material

семей. Они даже не знали правильного названия Айанжа: гитлеровцы переименовали его в Ханнген.

Когда Алла стала совершеннолетней, мать рассказала девушке историю первых месяцев ее жизни. Алла решила во что бы то ни стало найти своих спасителей. Поиски продолжались около года. В конце марта Никитины нашли французских друзей. Через месяц советская общественность устроила встречу семей в Москве, поездку в Новосибирск.

Оффманы провели в Советском Союзе около двух недель. Советские люди выражали мужественным французским патриотам свои добрые чувства. Оффманы заявили, что такой горячей встречи они не могли даже представить.

Из всех дней, проведенных в Советском Союзе, самыми памятными и волнующими были последние два дня. 11 мая Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о награждении французских граждан Луизы Оффман, ее мужа Никола Оффман и ее брата Эжена Лаше орденами Отечественной войны II степени. На другой день Оффманы были приглашены в Кремль.

— Мы не думали о награде. Мы исполняли свой человеческий долг. Мы считали, что должны помочь русским, которые в этой войне были союзниками французского народа в его борьбе против фашизма!

Эти слова тихо произнес французский рабочий Никола Оффман в Екатерининском зале Большого кремлевского дворца.

Человеческий долг! Сегодня он состоит в том, чтобы крепить дружбу всех простых людей на земле во имя мира во всем мире.

А. ХАЗАНОВ

У дома Никитиных две семьи. Нет, это одна семья, семья дружных, хороших, мужественных людей.

Жители Новосибирска останавливали Оффманов на улице, приветствовали их.

Им хочется побыть вдвоем.

Фото М. Начинкина.

Военные годы

А. ГОВОРОВ

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

И опять загремело над нами,
и забился знакомый напев.
И солдату,
пошмыгав носами,
подтянули мальцы, присмирев.
И над скирдами
гордо, как лебеди,
с грозной силой
слова понеслись.
И качается
звездное небо,
и кончается мирная жизнь.
И не звезды уже,
а снаряды
замелькали над крышами хат.
И в пробитых шинелях солдаты,
пуще глаз
сберегая гранаты,
в сотый раз
откатились назад...
Но теперь
по садам и по хатам
не засвищут кинжалы «катюш»...
Я стою.
Выношу я ребятам
полкорзины
бессеменских груш.
То ли в Выгорном снова запели
То ль в Воронеже бьются слова...

Износили солдаты шинели,
но по-прежнему песня жива!

БАЛЛАДА О МОРЯКЕ

Под рукою — вода,
под другою — вода.
И направо — беда,
и налево — беда.
Третий день
по шуршащей воде
на маяк,
выбиваясь из сил,
выгребает моряк.
От соленой во рту
словно солнца кусок.
Под руками вода —
раскаленный песок.
Третий день
под руками вода,
как песок.
Третий день
бьются волны,
как мысли
в висок:
«Вот сейчас бы,
сейчас бы
на землю упасть!
Дно достать бы,
хоть кончиком пальца
достать!»
Но направо — вода
и налево — вода.

Вдруг вдали
показались,
как счастье,
суда.
Там замечен моряк,
там сигналят о нем:
— Человек — за бортóм!
— Человек! —
за бортóм.
Шлюпка спущена на воду,
ближе,
сейчас
офицер морякам
команду отдаст:
— Весла — по бóрту!
И отшатнулся
моряк:
черной свастикой
бьется,
извивается
флаг.
В голове пронеслось,
как команда:
— Не сметь!
В голове пронеслось:
но хоть плен,
да не смерть.
Но рванулся моряк
и, на солнце взглянув,
на глазах
у врагов
он ушел
под волну.

А направо — вода
и налево — вода...
Даже имя его
не узнать
никогда.

Ленинградцы показали комнату, разделенную на две части. В одной — спальня и рабочий уголок, в другой — столовая и уголок отдыха. Разделяет их стеллаж, поставленный перпендикулярно к одной из стен, и обои различных тонов, но с одинаковым рисунком.

Много споров вызывает комната, представленная Московским областным совнархозом: у нее одна стена оклеена розоватыми обоями с белым рисунком, другая — черными с тем же рисунком. Нам кажется, что это вносит разнообразие; кроме того, стена другого цвета кажется более удаленной от нас: это зрительно как бы расширяет комнату, делает ее просторнее. Красить следует вторым цветом либо одну стену, либо две смежных. Но при такой окраске стен очень тщательно должно быть продумано все остальное: ковер, драпировки, обивка мебели, даже посуда.

В комнате с розовой и черной стеной цвета эти проходят через все: драпировка на окне розовая с серым, диван обит серой тканью, стулья — черной с белой полосой. Эти же тона повторяются в коврике, в салфетках, которые лежат на столе под прибором, в сервизе и даже в вазе...

Я умышленно так обстоятельно останавливаюсь на этих примерах, чтобы сказать и нашим посетителям и нашим читателям, что цветовой гармонии можно добиться самыми разнообразными средствами.

То же следует сказать и о подборе мебели.

У нас на выставке вся мебель малогабаритная. Это, правда, не всем нравится, но мы считаем, что современные квартиры с невысокими потолками требуют низкой мебели, иначе комнаты будут казаться загроможденными, приземистыми, тесными. Кроме того, низкие стулья, кресла, диван гораздо удобнее. Высокими в квартире могут быть только книжные стеллажи и встроенные шкафы — это целесообразнее.

Кстати, некоторые недовольны, что на выставке не представлены гардеробы, платяные шкафы. Мы считаем, что они не нужны. Во всех новых домах обязательно проектируются встроенные шкафы или специальные гардеробные комнатки. Они гораздо вместительнее, поскольку в стенном шкафу пространство используется до самого потолка, не загромождают комнату и стоят намного дешевле.

Теперь несколько слов о расстановке мебели. Рецептов нет и здесь.

Наиболее целесообразно уголок ребенка сделать у окна. Кстати, мебель здесь может быть совершенно иная, чем в остальной комнате. Диван с креслом и журнальным столиком расположите около телевизора. Не забудьте только, что телевизор, как правило, вы смотрите, сидя на диване или в кресле, поэтому ставить его следует на очень невысокую подставку. Спальное место лучше сделать в глубине комнаты, рабочее — ближе к окну. Не стоит в общую комнату ставить трельяж или туалет, зеркало лучше поместить внутри секретера или встроенного шкафа.

Не забудьте и о кухне. Не только в отдельной квартире она должна быть уютной. И в общей можно повесить занавеску на окно, купить на все столы одинаковую клеенку, покрасить стены светлой краской и соблюдать чистоту и порядок.

Продумайте и оформление передней. Окраска ее должна обязательно соответствовать цветовому решению комнат: ведь через открытые двери они всегда просматриваются. В передней непременно надо повесить зеркало, вешалку, выделить место для ботинок и калош, постелить коврик... Ну, словом, все надо продумать. И во всем проявить вкус и побольше выдумки.

С КРЕСТОМ И АВТОМАТОМ

Т. СТЕПАНЧУК

Недавно Кировоградский областной суд разбирал дело бывшего карателя Журавлева. Пойманный через 17 лет после совершения преступлений, убийца лгал и изворачивался. Его уличали свидетели, документы.

Появление на трибуне упитанного, розовощекого священника вызвало в зале удивление. Отец Иосиф обстоятельно отвечал на вопросы прокурора. Да, он знает Кирилла Журавлева: когда-то вместе служили в фашистской полиции.

Нормальный ход процесса нарушил подсудимый. Вытянувшись во весь свой почти двухметровый рост, он удивленно таращил глаза на свидетеля:

— Кат Ленька — поп?! Э-э, граждане судьи, где же справедливость? Помнишь, батюшка, как вместе расстреливали? Первую машину евреев я, вторую ты пустил в расход. Как же так? Расстреливали вместе, а отвечать порозь?

Душевной беседы между старыми друзьями не получилось: заплечных дел мастера наперебой обвиняли друг друга...

И вот мы ведем с глазу на глаз не совсем приятный для нашего собеседника разговор.

Заплывшие глазки Иосифа Односума обшаривают комнату и упираются в пол: святой отец внешне спокоен. Только волосатые руки нервно мнут концы шляпы. Эти же когда-то мускулистые односумовские руки проворно сновали по карманам обреченных в поисках драгоценностей, ловко меняли обоймы в дымящемся пистолете, тащили к яме плачущих женщин, привычно стреляли в затылок и аккуратно, не забывая пересчитать, опускали в бездонный карман полученные от хозяев оккупационные марки.

Кат Ленька

Иосиф Односум окончил пединститут. Отечественная война застала его преподавателем сельской школы.

Учитель Односум не пошел защищать Родину. В подвале отчего дома он дождался прихода гитлеровцев и сразу же поступил к ним на службу. Иосиф стал полицейским Ленькой, а вместо фамилии народ вскоре дал ему прозвище «кат» — палач.

Аресты, допросы, истязания советских граждан щедро оплачивались фашистской охранкой. Не забывал кат Ленька и побочные приработки. Сбывая вещи расстрелянных, он приобрел дом и обстановку.

Длинен перечень односумовских жертв. Не выдержав пыток, повесился в тюремной камере житель Кировограда Малий. После долгих издевательств были расстреляны партизаны Василий Дикий и Петр Лахман — однокурсники Односума по институту. Погиб арестованный полицейским инженер Григорий Кулик. Его замучили только за то, что кат Ленька, обыскивавший квартиру, нашел там несколько деталей радиоприемника.

Не брезговал Односум и доносами. Под видом заключенного гестаповцы подсаживали его в камеры к арестованным: доверчивых простаков расстреливали потом во дворе тюрьмы.

Ленька быстро шел в гору. Его назначили начальником большевисковской районной полиции.

Весенним утром 1942 года к противотанковому рву возле ровенского КП подъехали из Кировограда три переполненных арестованными грузовика. Пьяные полицейские волоком потащили на дно рва связанных женщин и стариков. Пистолетные выстрелы обрывали плач и стоны людей. Ценные вещи убитых палачи разделили поровну.

Жену партизана Анну Федоровну Павленко начальник большевисковской полиции шомполами убеждал сказать, где находится ее муж.

— Если не признаешься,— избивая женщину, рычал кат Ленька,— я сделаю из тебя калеку.

Через день Анна Федоровна умерла от побоев. Ее малолетнего сына Васю месяцем позже похоронили рядом с матерью.

За совершенные злодеяния партизаны Черного леса приговорили ката Леньку к повешению. Тогда им не удалось привести этот приговор в исполнение. Спасая шкуру, Односум удрал в Германию. Там кат Ленька сменил православную религию на католическую, прилежно трудился на военном авиационном заводе. Американцы после войны пообещали было Односуму отправить его в США, но иезуиты заставили ката Леньку вернуться в Советский Союз.

Здесь, дома, трудовой рубль показался ему горьким, работа на заводе не устраивала Односума. «Без отрыва от производства» он заочно заканчивает Ленинградскую духовную семинарию. Так в городе Первомайске появился настоятель Покровской церкви отец Иосиф.

С колокольным перезвоном потекли сытые годы, и Односуму уже думалось, что поповская ряса надежно прикрыла совершенные им злодеяния. Даже сейчас, после показаний карателя Журавлева, Односум почти уверен в своей безнаказанности. Свидетели его преступлений мертвы, сам он нашел укромное местечко в епархии митрополита Нестора.

За церковной оградой

В просторный двор Греческого собора посторонний человек может попасть только во время богослужения: дюжие сторожа и клыкастые псы зорко берегут церковное добро. Им есть что стеречь.

Из железных ворот на улицу выезжает лакированный черный «ГАЗ». Рядом с шофером, не отвечая на приветствия прихожан, сидит митрополит Нестор. Тускло поблескивают на его рясе царские ордена.

Семидесятишестилетний митрополит Нестор любит быструю езду. Несколько нерасторопных пешеходов поплатились за эту любовь тяжелыми увечьями.

Людям преклонного возраста свойственно нет-нет да и обращаться к прошлому. Нестор вспоминает приемы у царицы и Столыпина-вешателя, кровавые походы с армией Колчака.

Антисоветские клеветнические статьи, теснейшее сотрудничество с белоэмигрантской фашистской организацией. Нестор, как мог, вредил своей Родине...

После очередной автопрогулки митрополит запирается в своем двухэтажном коттедже.

Делами епархии руководят приближенные митрополита. Приняв нас за работников госконтроля, священник Тарановский без лишних слов достал бухгалтерские книги. Посмотрим счета и расписки. Оказывается, «просто так», на рынке, можно купить 90 тысяч штук кирпича, десятки кубометров досок, тонны цемента, сотни килограммов краски как раз таких цветов, в которые выкрашены хоромы митрополита Нестора в Кировограде, дача Тарановского в Виннице, а заодно и домашние гнездышки более мелких церковных чинов.

Узнав о цели нашего визита, в епархии облегченно вздохнули.

— Односум — досадная ошибка. Мы его временно отстранили от службы. Зато остальные батюшки — образец смирения и кротости.

Слушая эту ложь, трудно сдержать возмущение. Кузьма Залевский, Роман Базилевич, Дмитрий Лижский, Григорий Нечитайло и многие другие святые отцы за счет пожертвований верующих устраивают кутежи, занимаются вымогательством.

Статья 66 апостольских правил запрещает священнослужительствовать лицам, которые повинны в убийствах и истязаниях людей. А ведь в церкви села Кировка, Хмелевского района, продолжает дурачить верующих поп Беринддя — бывший петлюровский палач, один из участников расстрела десяти красных партизан.

Сразу в нескольких церквах Мало-Висковского района отпевает усопших заштатный дьякон Михаил Клименко. А в годы Отечественной войны фашистский полицай Клименко сам вешал советских граждан и вместо церковных псалмов пел при этом нецензурные частушки.

Преступления священников — убийц и изменников Родины главари Кировоградской епархии оправдывают необходимостью подчиняться и служить любой власти. Всякая власть от бога, учит священное писание. И митрополит Нестор молился за Колчака, а Односум верой и правдой служил фашистской Германии.

* * *

Перед отъездом я показал Односуму фотографии раскопок на ровенском КП, где были расстреляны советские граждане.

— Прах убиенных — доказательство косвенное. Одного свидетельского показания карателя Журавлева мало: Уголовный кодекс я знаю. Нужны еще факты,— нагло заявил Односум.

Да, действительно нужны факты, которые, как показал процесс над Журавлевым, не были вскрыты в 1945 году, когда Односума осудили всего лишь на 10 лет лишения свободы.

Copyrighted material

Второстепенный сюжет

Ц. СОЛОДАРЬ

Рисунки Ю. ВОРОГУШИНА.

Молодой кинооператор Сергей Кротов прилетел в целинный совхоз «Комсомольский» накануне весенней страды. В степи еще мела поземка, но небо уже отливало весенней голубизной, и, главное, у всех было приподнятое, весеннее настроение. И Сергею еще острее захотелось привезти из совхоза такой материал, который заслуженно стал бы гвоздем киножурнала.

Об этом и завел он на крылечке конторы разговор с Любой, рослой девушкой, явно стеснявшейся своего щедрого, во всю щеку румянца. (По глубокому убеждению Любы, это никак не подходило для секретаря комсомольского комитета крупного совхоза.)

— Что же вы хотите у нас заснять? — деловито спросила Люба.

— Мы, извините, говорим «отснять»,— мягко поправил девушку оператор.— И не то, что лежит на поверхности. Нет! Дайте мне непосредственное событие, самую свежую совхозную новость!

— Что ж, возьмите ваш аппарат,— сказала она,— и...

— Мы, извините, говорим «камера»,— еще мягче поправил девушку Сергей.— И моя камера должна быть полной неожиданностью для тех, на кого я ее нацелю!

— Сейчас подумаем,— сощурила глаза Люба,— и нацелим вашу камеру на интересные случаи...

— Мы, извините, говорим «сюжеты»,— в третий раз прервал девушку Сергей.— Я не имею права расходовать пленку на второстепенные сюжеты. Нет,— запальчиво продолжал он, — я отсниму события в действии, в динамике, в...

Заметив, как фотогенично заиграли в синих глазах Любы отсветы скупого предвесеннего солнца, Сергей неожиданно прервал свою тираду:

— Прошу поближе к вывеске совхоза, она будет фоном! — И пояснил недоумевающей Любе: — Прокручу метров десять. Для антуража... Скорее, солнце уйдет! Итак, вы, Любочка... то есть секретарь комсомольского комитета, заносите в блокнот итоги дня...

Люба не совсем понимала, почему она подходит «для антуража». Ей хотелось сказать Сергею, что подводить итоги дня, даже воскресного, в десятом часу утра вроде бы рановато, но аппарат уже застрекотал...

У крыльца появился крутолобый шестилетний крепыш в пальтишке из офицерского сукна. Он восторженно смотрел на Сергея, который отрывисто бросал Любе:

— Вонзитесь глазами в блокнот! Мне нужна неприкрашенная жизнь!

А через несколько секунд оператор уже горько сожалел о внеплановой израсходованной пленке. Но очень уж заманчиво перебегали солнечные зайчики с лица Любы на вывеску совхоза!

Сергей мысленно дал себе слово не тратить больше ни метра на второстепенные сюжеты. А Люба сказала:

— Вы бы Костика засняли, простите, отсняли. Интереснейший будет сюжет! Первый совхозный мальчик!

Сообразив, что первый совхозный мальчик может обойтись ему в лишние метры, Сергей хмуро спросил:

— Как это понимать «первый»? По поведению? По прилежанию?

Костик смущенно засопел, а Люба поспешила объяснить:

— «Первый» — в смысле первый. Его родители приехали сюда в первую целинную весну. Молодоженами. Ну, и... Словом, Костик родился как раз в ту пору, когда его папа и мама переехали из палатки в первый домик.

— В коттежж,— старательно выговаривая согласные, уточнил Костик.

— Выходит, Костик — старожил? — сказал Сергей.— Так и быть,— уступил он Любе,— прокручу на вашего Костика несколько метров. Костик, смотри доверчивей на тетю Любу!.. Вы склонитесь к мальчику!.. Итак, секретарь комитета комсомола с большой внутренней теплотой рассказывает самому юному жителю целины, что будущей осенью, когда ему придется впервые сесть за парту, будет готово светлое здание новой школы...

Любе хотелось сказать Сергею, что в совхозе более семидесяти малышей почтительно глядят на Костика снизу вверх, как на солидного человека, что светлое здание новой школы построено два года тому назад, да вот только учителей не хватает...

Но аппарат уже стрекотал.

Сияющий Костик спросил:

— Дядя, я буду на кино?

— Будешь,— ответил, поглядывая на Любу, оператор,— если тетя Люба наконец подскажет мне настоящий сюжет. Динамический!

— Вот новая техника к нам прибыла...— робко начала было Люба.

— Техника? — укоризненно прервал ее Сергей.— Мне люди нужны, люди!.. Эх, отснять бы приезд новоселов! Представляете,— мечтательно продолжал он,— я показываю первые минуты приезда молодых новоселов! Все им в диковинку. Они крупным планом удивляются. А диктор говорит: восьмая весна целинного совхоза будет первой для этой вступающей в жизнь молодежи!

— Мы ждем комсомольское пополнение,— сказала Люба.— Строители должны приехать, медработники, механизаторы. Недели через две...

— А сегодня никто не приедет? Завтра? Послезавтра?

Люба потупилась. Ее потянул за полу пальто Костик.

— Тетя Люба... Дядя спрашивает, кто сегодня приедет... Поехали же на станцию. Встречать же. На дирректоровой «Волге»...

Сергей встрепенулся:

— Кого встречать? Костик, кого?

Но мальчик продолжал рассказ по заранее намеченному плану:

— Пирроги целую ночь пекли... Двух гусев зажаррили.

К щитовому домику, где всю ночь пекли пироги, пришлось идти минут двадцать. У цели трое оказались в тот самый момент, когда на главную улицу поселка из-за поворота выехала светло-зеленая «Волга».

Люба и Костик кинулись было к машине, но Сергей властно остановил их:

— Не предупреждайте! Будут играть! А мне нужна неприкрашенная жизнь!.. Прикройте меня от них!

Люба и сообразительный Костик образовали живой заслон, за которым укрылся Сергей со своей аппаратурой. Первой из «Волги» выпрыгнула молодая блондинка, за ней — весьма упитанный парень. Непокорный хохолок выбивался из-под голубого шерстяного платочка блондинки, широко раскрытые глаза весело искрились.

Сергей обрадовался: блондинка с хохолком олицетворяла, с его точки зрения, классический тип покорительницы целины. И он решительно нажал кнопку аппарата.

— Не терпится посмотреть поселок целинного совхоза,— комментировал он движения девушки.— Ожидала увидеть медвежий угол, а тут — на тебе!— телевизионная антенна!..

Молодые заботливо высадили из автомобиля пожилую пару — мужчину и женщину. Они были в темных пальто с одинаковыми воротниками из серого каракуля. «Как хорошо, — подумал Сергей,— что молодых новоселов на станции встретили солидные старожилы, вероятно, из дирекции! Но я начальство снимать не буду».

Объектив оператора продолжал следовать за влюбленной парой.

Машину окружили люди. Толпа встречающих росла. На Сергея никто не обращал внимания. Но снимать становилось все труднее.

Из соседнего домика вышла чернобровая, красивая девушка с хлебом-солью на блюде. Но молодые, как назло, в тот момент выгружали вещи, и крышка багажника совершенно заслонила их от оператора. Сергей умоляюще крикнул:

— Прошу, не закрывайте приезжих! Беру новоселов крупным планом! Черноброва-черноока, поскорей вручайте хлеб-соль!

В голосе оператора было столько убедительности, что толпа встречающих раздалась. У машины остались только мужчина и женщина в пальто с одинаковыми воротниками. Все приветливо и уважительно смотрели на них. Чернобровая красавица медленно поплыла к ним с блюдом на вытянутых руках.

Сергей оторопел. Так вот кого, оказывается, надо было отснять! А он потратил сто сорок метров пленки на молодую влюбленную пару. Оператор опустил камеру. Люба смотрела на него с виноватой улыбкой. И только один Костик не растерялся. Подбежав к блондинке и ее спутнику, он стал тянуть их к Сергею:

— Мама! Папа! Вас снимают на кино!

...За столом, уставленным обильной снедью, Сергей сидел между Любой и Костиком. В комнате было полным-полно народу: соседи пришли познакомиться с дедушкой и бабушкой Костика, приехавшими сюда из Подмосковья.

Дедушка, откашлявшись, произнес речь:

— Город Балашиха, уважаемые товарищи целинники,— это теперь Большая Москва. Но даже в прекрасной Москве скучно без единственной дочки. Мы надеялись... Точнее, мы предполагали... А совсем точно, моя Дарья Петровна почему-то думала, что дочь наша Екатерина после пребывания на целине вернется в Балашиху. Конечно, со своим уважаемым семейством. Но этого не последовало... Стало быть, ежели гора не идет к Магомету, то упомянутый Магомет идет к горе. Вот почему мы здесь. И ежели у вас имеется потребность в преподавателе рисования и черчения с двадцатишестилетним стажем и в квалифицированной закройщице женского платья, то мы... завтра же оформимся на работу.

— Как здорово! — шепнула Люба грустному Сергею.— Она же будет кроить по-модному! А вы все вздыхаете о своей пленке...

— За целый день ни одного гвоздевого сюжета,— уныло пробормотал Сергей.

В глазах кроткой Любы сверкнули молнии.

— Ну хорошо, я не гвоздь, Костик не гвоздь! А Катя и Сеня? Супруги Говорковы — лучшие механизаторы района! Они встречают здесь восьмую весну. И еще больше любят друг друга, чем восемь лет назад. И вы запечатлели это! Да, да, за-пе-чат-ле-ли, а не бюрократически отсняли! Это вам не второстепенный сюжет! Не согласны? — И Люба угрожающе приподнялась со стула.

— Согласен, Люба, согласен,— усадил ее на место Сергей.

К нему вернулось весеннее настроение.

Copyrighted material

ПРОТЕСТ ПО-МЕДВЕЖЬИ

Когда на манеж цирка выходит группа гималайских медведей Лунджи Безано, зрители всегда горячо аплодируют дрессировщику. Грузные, тяжелые животные с неожиданной легкостью выполняют сложные акробатические упражнения. Ведут они себя на манеже добродушно и дружелюбно.

— Познакомиться с ними не так просто,— предостерегает молодой дрессировщик.— Несколько лет назад, когда мы выступали в Алма-Ате, к нам пришел работать один молодой парень. Вскоре, еще не завоевав полного доверия животных, он решил сделать нам приятный сюрприз — самостоятельно почистить клетки. И вот ранним утром, никого не предупредив, молодой рабочий открыл одну из клеток и в тот же момент раздался отчаянный крик о помощи... Для того чтобы спасти жизнь человека, пришлось выпустить в медведя пять пуль. Так мы лишились одного из ведущих солистов.

Впрочем,— тут же вспоминает Лунджи,— и я сам испытал на себе своеобразный характер гималайских медведей, весьма чутко реагирующих на малейшую несправедливость. Это случилось в одно из моих первых знакомств с ними. Как-то во время кормежки я дал одному из них кусок хлеба, не обратив внимания на другого, находившегося неподалеку. Обиженный тут же вцепился мне в ногу. В результате этого протеста я пролежал в больнице месяц.

Примечательно,— продолжает Лунджи,— что и мой отец, несмотря на свой почти двадцатипятилетний опыт общения с гималайскими медведями, также едва не стал жертвой подобной неосторожности. Во время стоянки на железнодорожной станции он купил в буфете несколько конфет и решил угостить ими наших мишек. Но в последний момент вдруг выяснилось, что для одного из них лакомства не хватило. Желая как-то утешить обделенного, отец просунул руку в клетку, намереваясь его дружески погладить. Но не тут-то было — обозленный мишка не только не согласился на такую компенсацию, но даже попытался укусить обидчика.

Теперь судите,— заканчивает свой рассказ Лунджи,— так ли уж действительно добродушны гималайские медведи. А то, что они послушны и спокойны на манеже, так это результат знаменитой дуровской системы воспитания зверей: мой отец работал вместе с Владимиром Леонидовичем Дуровым.

А. БАСМАНОВ

Ультракороткие рассказы

Анатолий ВОЛКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ ХУДОЖНИКА

— Это было давно, когда я еще был абстракционистом.
— Сколько вам тогда было лет?
— Пять.

О ВНЕШНОСТИ КОНФЕРАНСЬЕ

— Он очень похож на свои остроты.
— Чем?
— Бородою.

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ВЕЧЕРЕ

— Чем известен этот писатель?
— Статьей «Как я пишу».

ПЕРЕХОД КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО

Ни один из семи авторов коллективного научного труда не узнавал своего индивидуального стиля: казалось, что книгу писал восьмой автор.

ВОСХИЩЕНИЕ

Природу он не любил, но в картинной галерее восхищался пейзажем.

ОТ ПЕРЕМЕНЫ СЛАГАЕМЫХ СУММА ИЗМЕНИЛАСЬ

В его творческой лаборатории работа и пауза поменялись местами. Пауза стала называться творческой.

Шведский юмор

— Как получилось, что ты к ней посватался?
— Да вот, мы сидели и болтали. Наконец я уже не знал, о чем с ней еще говорить...

— Значит, ты женился на моей сестре только потому, что она получила наследство от тети?
— Ничего подобного! Я все равно бы женился на ней, чье бы наследство она ни получила!

ГИД: — Итак, уважаемые дамы, после того, как вы осмотрели весь музей, может быть, у вас возникли вопросы?
— Не можете ли вы сказать, какой пастой у вас натирают полы, чтобы они так блестели?

— Он действительно чрезвычайно понимающий доктор.
— ??
— Когда он посылает счет за лечение, то всегда прилагает к нему несколько успокаивающих пилюль.

Перевел Г. ФЕДОСЕЕВ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Советский художник-график. 8. Планета. 10. Автономная республика. 11. Итальянская сосна. 12. Лучший, отборный экземпляр в селекции. 13. Дорожка. 14. Поэма К. Хетагурова. 17. Тонкая веревка. 20. Чешский композитор и пианист XIX века. 22. Антарктическая станция. 23. Стиль плавания. 24. Производственный процесс в металлургии. 27. Ловля рыбы. 30. Автор романа «Остров пингвинов». 32. Птица, гнездящаяся зимой. 33. Химический элемент. 34. Плод южного дерева. 35. Русский народный танец. 36. Образец, представленный на выставке.

По вертикали:

1. Зерновая культура, медонос. 2. Восточнославянское племя. 3. Термин, принятый в боксе. 4. Непаханая земля. 5. Опера А. С. Даргомыжского. 6. Крытая повозка. 9. Приобретение знаний вне школы. 15. Сорт яблок. 16. Гриб. 18. Авторитет, влияние. 19. Первый космонавт. 20. Денежная единица некоторых стран. 21. Вьющееся растение. 25. Житель фантастической страны, описанной в романе Д. Свифта. 26. Гора на Урале, месторождение железных руд. 28. Русский путешественник XVIII века. 29. Крупный центр Волго-Уральского нефтяного района. 30. Последовательное развитие событий в художественном произведении. 31. Соединение встречных горных выработок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

5. Степанакерт. 6. Репродукция. 9. Крокет. 10. Мартос. 13. Мениск. 14. «Свадьба». 18. Унисон. 21. Ремарка. 22. Раствор. 23. Гватемала. 24. Баллада. 25. Снайпер. 26. Нихром. 27. Парапет. 30. Остров. 33. Юпитер. 34. Калина. 35. Местоимение. 36. Майданников.

По вертикали:

1. Стрепет. 2. Панорама. 3. Карусель. 4. Ординар. 7. Консерватория. 8. Станиславский. 11. Верещагин. 12. Мороженое. 15. Веранда. 16. Дилемма. 17. Беранже. 19. Вагай. 20. Врасс. 28. Ресторан. 29. Портмоне. 31. Реферат. 32. Баритон.

МИНИАТЮРНЫЕ ПОРТРЕТЫ КОСМОНАВТА

Как напоминание о знаменательном дне в истории человечества, многие адресаты получают вместе с письмами миниатюрные портреты первого космонавта, любовно сделанные нашими друзьями в Чехословакии и Румынии. На двух почтовых марках, выпущенных в Чехословакии, космонавт изображен в состоянии невесомости. На румынской марке мы видим лицо Гагарина через иллюминатор космического корабля и трассу его полета. На другой дана фотография космонавта, сделанная после его возвращения на Землю.

Бор. ГРИГОРЬЕВ

На первой странице обложки: РОВЕСНИКИ.
Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: ВЕСЕЛАЯ КАРУСЕЛЬ.
Фото М. Альперта.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

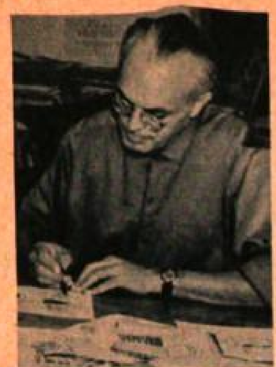
Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата—Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05226. Подписано к печати 24/V 1961 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1004. Заказ 1312.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

В гостях у Бидструпа

Отец карикатуриста, Херберт Бидструп, тоже художник. Его картину вы видите на заднем плане.

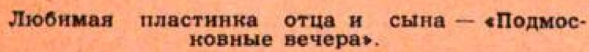

За разбором своих работ.

Я давно мечтал побывать в гостях у Херлуфа Бидструпа. И вот в поездке по Дании мое желание осуществилось.

День Бидструпа очень интересен и содержателен. Прежде всего это часы работы с карандашом и пером в руке. Художник-карикатурист — постоянный сотрудник не только датской газеты «Ланд оф Фольк», но и многих газет и журналов мира. Эти фотографии отражают лишь частицу жизни славной, дружной семьи Бидструпов.

Н. КАРАСЕВ
Ленинград.

Любимая пластинка отца и сына — «Подмосковные вечера».

Еще один Бидструп — веселый Мартин.

Этот сад выращен всей семьей.

Copyrighted material

Мы с вами за все в ответе,
За мир, за улыбки эти,
За счастье детей на свете, —

В ответе и ты и я.
Какими вырастут дети,
Такою станет земля.

Сергей БАРУЗДИН

Цена номера 20 коп.

Copyrighted material